

221
ИСТМОЛ ЦК РАКСМ
КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЮНДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

В МАТЕРИАЛАХ
И ДОКУМЕНТАХ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

34

ИСТМОЛЦК РАКСМ
КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЮНДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

В МАТЕРИАЛАХ
И ДОКУМЕНТАХ

Составил М. БЕСПАЛОВ
Под редакцией А. КИРОВА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

HD
6250

Отпечатано в тип. «Дер
Эмес», Москва Покровка 9
телефон. 2-72-14, в количе-
стве 5.000 экз. Главлит
№ 55184

**БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.**

590
26

ОТ ИСТМОЛА ЦК РЛКСМ

В дореволюционной рабочей печати как нелегальной (заграничной, подпольной), так особенно легальной («Правда» за 1912—14 годы), разбросано много интересных корреспонденций, статей, заметок, специально касающихся труда, быта и движения рабочей молодежи—забастовок мальчиков, протестов, юношеских демонстраций и др.

Наша рабочая молодежь и широкие слои комсомола до настоящего времени не представляют себе истинных размеров и форм этого дореволюционного движения рабочей молодежи. Это обстоятельство и поставило вопрос о необходимости извлечь из указанных источников наиболее ценные (сюда относящиеся) материалы и документы и преподнести их в организованном виде массовому комсомольскому читателю. Предполагаемая книга и представляет собою опыт такого собрания.

Сборник охватывает весь царский период, т.е. от первых известных нам проявлений движения рабочего юношества и до Февральской революции 1917 года. Сюда вошли статьи, описания и корреспонденции рабочих-подростков, рисующие:

1. Положение, условия труда, быт рабочей молодежи в фабрично-заводской, горной промышленности, в типографиях, ремесленных предприятиях, торговле и личных услугах.
2. Образование и «обучение» рабочих-подростков на фабриках и заводах и в ремесле до революции.
3. Отдельные проявления борьбы партии и рабочего класса, связанные с эксплуатацией детского труда и самостоятельным движением рабочей молодежи.
4. Забастовочное движение рабочих-подростков до революции 1905 года.
5. Участие детей и подростков в революции 1905 года.
6. Движение рабочей молодежи в период подъема 1912—14 г.г.
7. Положение детского труда и движение рабочих-подростков в период войны.

В заключение считаем необходимым отметить следующее: материалы, издаваемые нами, служат дополнением к ранее изданным Истмолем ЦК РЛКСМ сборникам и хрестоматии. Вот почему в расположении отделов нашей книги, в пропорциональности ее частей нет ни исторической точности и последовательности, ни хрестоматийной полноты. Из всей массы имевшихся у нас материалов мы отбирали и поместили все новое и наиболее ценное. Хотя кое-где нами и использован материал со стороны (из истпартовских журналов, судебных отчетов и пр.), в отдельных частях книжки есть пробелы, в других — перегруженность материалом, не всюду удалось избежать также повторений.

Несмотря на все эти недостатки, мы считаем, что книжка будет интересна как активисту, так и особенно массовому комсомольскому читателю, имеющему здесь для изучения и сравнения с настоящим живые документы — сколок того пути, который прошла рабочая молодежь в тяжелом прошлом.

Указываем характер источников, используемых нами.

Общая соц.-дем. и раб. пресса	Большев.	Меньшев.	Разные
1) „Листок ра- ботника“ за- гран.	1) „Звезда“ 2) „Нев. Звезда“ лег.	1) „Луч“ лег. 2) „Эхо“ лег.	1) „Вперед“ (на- роднич.) загр.
2) „Раб. Знамя“ подп.	3) „Правда“ 4) „Правда Тру- да“	3) „Курьер“ лег. 4) „Наш Голос“ лег.	2) „Рев. Россия“ (с-р) загр.
3) „Искра“ — загр.	5) „Пролетарская Правда“	5) „Соц. - Дем.“ загр.	3) „Жив. Жизнь“ лег. (с-р)
4) „Южный Ра- бочий“ подп.	6) „Путь Правды“ лег.	6) „Светоч“ лег.	4) „Летопись“ (либ. дем.) лег.
5) „Листок Ра- бочего Дела“ загр. эконом. направл.	7) „Вперед“ загр. 8) „Пролетарий“ 9) „Нов. Жизнь“ лег. 10) „Волна“ лег. 11) „Невская Га- зета“ лег.	7) „Наше Эхо“ лег. 8) „Голос Тру- да“ лег. 9) „Последние Новости“ (Вунд) загр.	5) „Ворьба“ (соц. дем. внефракц.) 6) „Листики жизни“ (либ.) загр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собранные материалы книги характеризуют положение рабочей молодежи в различных отраслях русской промышленности и торговли, роль партии и рабочего класса в борьбе с эксплуатацией подрастающего поколения и главное вырисовывают борьбу рабочей молодежи за улучшение своего экономического положения и участие ее в выступлениях рабочего класса против царского самодержавия. Одним из способов борьбы предпринимателей с рабочими являлась замена мужского, как более дорогого труда, более дешевым—женским и детским трудом. Широкое применение детского труда указывает на рост количества подростков в производстве; если по переписи 1897 г. из 9 миллионов рабочих подростков во всех отраслях труда, включая и сельское хозяйство, насчитывалось один миллион шестьсот человек, то по подсчетам перед империалистической войной из 12 миллионов наемных рабочих на долю подростков приходилось около 2-х миллионов человек. Во время войны количество малолетних рабочих в производстве еще больше возросло. В разработанных данных о возрастном составе участников больничной кассы «типографской», указывается, что на 1-е января 1915 г. в кассе было 127 участников, на 1-е января 1916 г.—только 419. Сокращение числа рабочих произошло, главным образом, за счет возраста от 18-ти до 30 лет. В 1915 году участников кассы в этом возрасте было 44% всего количества, а в 1916 году—30%. Зато возросло относительное количество малолетних до 14 лет—с 9,4% до 10,7% и подростков от 15 до 17 лет с 31,8% до 37,2%¹. Главный контингент молодежи, приходивший на производство, составляли дети крестьян. Предприниматели охотно их принимали и для этого вербовали их из забитых уголков русской голодной деревни. В сообщении о положении рабочих Сампсониевской ма-нуфактуры на Выборгской стороне Ленинграда после роста рабо-

¹) „Наш Голос“ № 9, 1916 г.

чей организации и стачечного движения на данной фабрике труд взрослых мужчин непрерывно заменялся трудом женщин. Но так как и женщины подверглись «тлетворному» влиянию современного пролетариата, то фабричная администрация, чтобы обезопасить фабрику от идеи рабочего движения, выписала из глухих деревень мальчиков-подростков. Не менее характерным является объявление бумагопрядильной фабрики Дедовской мануфактуры на станции Гучково следующего содержания: 15-го августа 1913 г. требуются девушки от 13 до 19 лет. Начальная плата для девочек от 13 до 15 лет — 20 коп. в день, от 16 до 18 лет — 25 коп., а от 18 до 19 лет — 30 коп. на своих харчах, но на хозяйской квартире. Таких подростков фабрика предполагает набрать до 2-х тысяч. Ни одна фабрика Московской губ. не предлагала таких дешевых цен. Такими мероприятиями предприниматели проводили борьбу с рабочими за снижение заработной платы. В области эксплуатации подросткового труда предприниматели доходили до такого совершенства, что во многих заметках, помещенных в рабочих газетах, отмечается, что если бы была назначена премия за ловкую мошенническую хитрость, она несомненно досталась бы русским заводчикам.

Партия и рабочий класс считали защиту интересов рабочей молодежи неотъемлемой частью деятельности рабочих организаций. «Молодое поколение—цвет нации», часто говорят буржуазные педагоги; пролетариат может им ответить: «Наше молодое поколение—наша будущая сила» и нет более последовательного, более искреннего защитника свободного развития молодой человеческой жизни, как организация пролетариата. «Выступая в защиту молодежи, рабочий класс вступает в защиту самого себя, в защиту своего будущего развития, ибо вчерашний ребенок и сегодняшний подросток завтра юношей пойдет за станок на фабрику, за конторку и прилавок»¹.

В другой статье, помещенной в газете «Правда», пишется: «Сознательный организованный пролетариат всех стран ведет упорную борьбу против применения детского труда в промышленности, а равно и торговле. Сознательные рабочие давно уже убедились, что там, где применяется детский труд, заработная плата ниже, условия труда хуже, нежели там, где его нет.

¹ „Трудовая Правда“, № 21, 1914 г.

Профессиональные организации не раз обсуждали вопросы, касающиеся положения детского труда. Так, на общем собрании союза деревообделочников была принята следующая резолюция: «дабы вывести учеников из жалкого и забитого положения, мы постановили:

- 1) дать ученикам право бесплатного входа на лекции, эскурсии и пр. культурно-просветительные места за счет общества;
- 2) принимать всевозможные меры для того, чтобы ученики посещали вечерние и воскресные курсы;
- 3) ознакомить общество с юридической стороной, дабы мы могли иметь законное право защищать ученика перед судом, требовать от городского самоуправления организации технических школ;
- 4) предложить социал-демократической фракции, Государственной Думе внести законопроект, согласно которому рабочий день подростка был не более 6-ти часов в сутки, запретить сверхурочные домашние работы, помещения для жилья учеников должны быть отдельно от мастерской и с кроватью для каждого ученика, не должны приниматься на работу мальчики и девочки моложе 15-ти лет, нравственное обращение с учениками, лечение в случае болезни за счет хозяина с платой за время болезни».

На заводах и на фабриках частенько возникали стачки в связи с плохим обращением с учениками, из-за эксплуатации подростков. Рабочая молодежь также давала отпор предпринимателям. Ранее существовавшее представление о том, что при царском режиме не было движения рабочей молодежи, решительно опровергается фактами, которые нашли свое освещение на страницах рабочей печати за тот период. Рабочая молодежь участвовала в стачках совместно со взрослыми рабочими, факты также отмечают и наличие стачек только рабочей молодежи. Рабочая молодежь также принимала участие в политическом движении. Во времени нового под'ема рабочего движения в 12—14 году рабочая молодежь являлась будирующим элементом, непрестанно толкавшим рабочий класс на борьбу, сочувствие было всецело на стороне большевиков. В статье ¹ одного сетующего по этому поводу меньшевика, поневоле признающего факты, не совсем ему приятные, дается довольно правильное об'яснение, почему молодежь идет за большевиками.

² В. Торский „Наша Молодежь“, — Рабочий журнал „Борьба“, от 22 февраля 1914 г.

«Никакая нынешняя рабочая легальная организация не в состоянии удовлетворить все запросы молодого пролетария. Вот почему молодежь принуждена свято охранять заветное подполье и никогда его не отвергнет, пока не будет завоевана широкая свобода. Противники подполья должны иметь это в виду. В подпольи прodelывается огромная воспитательная работа над молодыми пролетариями, подготавливающая их к дальнейшей общественной деятельности. Молодежь отнюдь не отвергает организованности постольку, поскольку она возможна в современных легальных организациях. В любом делегатском собрании сильное влияние ее весьма заметно. Она очень часто представляет из себя большинство; поскольку передовая молодежь смогла в свои руки взять практическую работу, она ее взяла. Вполне понятно, что молодежь организуется и спланивается вокруг тех принципов, какие наиболее подходят к ее настроению, борьба за которые может использовать весь запас ее энергии. Молодежь инстинктивно чувствует свое классовое положение, она инстинктивно становится под знаменем марксизма и из двух действующих марксистских направлений выбирает то, которое более гармонирует с ее настроением. Молодежь идет за большевиками—это факт, и объясняется это тем, что большевики поощряют ее, выводят ее на серьезные посты».

Положение труда в отдельных отраслях промышленности и торговли

ДЕТСКИЙ ТРУД

Из всех язв и бед капиталистического строя применение детского труда—одно из наибольших. Еще в утробе матери антисанитарные и антигигиенические условия ее труда преследуют зарождающегося пролетария. Зачастую условия эти способствуют выкидышам, повышают и без того огромную детскую смертность в младенческом возрасте.

Но и к тем малолеткам, которые уцелели от всех этих бед, капитализм беспощаден. Едва-едва ребенок стал на ноги, как он превращается в предмет хозяйской эксплуатации.

Положение детей в промышленности—на поле беспрестанных битв между трудом и капиталом—особенно тяжелое. Ребенку труднее, нежели взрослому рабочему, сопротивляться хозяйскому произволу, прекословить хозяйским приказам, бороться с ними. Взрослые рабочие и то зачастую безропотно несут на себе ярмо хозяйской кабалы, превращаются в бессловесных рабов капитала... тем паче дети.

Дети беззащитны. Находясь до некоторой степени на попечении старшего поколения, они еще неспособны к сознательному отстаиванию своих интересов путем борьбы. Именно в беззащитности и безответственности детей и лежит главная причина того, что буржуазия в первые периоды развития капитализма особенно охотно набрасывается на эти жертвы. Детский труд—для нее верное средство понизить расценки, уменьшить заработную плату, сломить непокорность взрослых и сознательных рабочих путем безработицы.

Целые поколения рабочей детворы калечатся, хиреют, приносятся в жертву алчной погоне капиталистов за прибавочной стоимостью прежде, чем делаются первые робкие попытки законодательной охраны детского труда. Да и самые эти попытки делались и делаются не столько из любви и сострадания, сколько из опасений окончательного вырождения и вымирания целых поколений «рабочих рук»—творцов всех богатств современного общества, кормильцев и поильцев народных.

Но «защищенные» путем законов, зачастую нарушаемых, от эксплуатации их труда в фабрично-заводской промышленности, дети становятся жертвами гораздо более ожесточенной эксплуатации—«потогонной системы» в области кустарной и ремесленной.

За работой у мелкого мастера или кустаря дети теряют силы и здоровье.

Сознательный и организованный пролетариат всех стран ведет упорную борьбу против применения детского труда в промышленности, а равно и торговле. Сознательные рабочие давно уже убедились, что там, где допускается и применяется детский труд, заработная плата ниже, условия труда хуже, нежели там, где его нет.

Рабочие отлично знают, что там, где детский труд не применяется, рабочим значительно легче добиться улучшения условий труда, повышения заработной платы. В применении детского труда рабочий класс справедливо видит тяжелое нарушение кровных своих интересов.

И. Гладков

(„Правда“, 3 июня 1912 г., № 30, стр. 1-2)

УЧЕНИКИ НА ЗАВОДЕ «ОДНЕР»

Читая рабочую газету, поражаешься мудрой изобретательностью предпринимательского разума в области эксплуатации рабочей силы. Какой только хитростью, какой изворотливостью не обладают наши заводчики—воистину гениальные люди. Можно пожалеть, что Нобель не назначил премии за ловкую, мошенническую (она несомненно досталась бы русским заводчикам) хитрость. Для наглядности укажу на ловкую хитрость администрации завода «Однер». В заводе «Однер» добрая половина работающих — мальчики-ученики, и администрация, очевидно, не желая производить непосредственно давления, производит его косвенным образом — и давление весьма чувствительное.

Дело поставлено так, что мальчик-новичок через месяц (который, по традиционному обычаю его предприятия, обязан работать безвозмездно) передается администрацией в полное распоряжение взрослого рабочего. С того дня ему назначается плата 3 коп. в час от того рабочего, в ведение которого он поступает. Таким образом, администрация совершенно устраняет себя от всякого вмешательства в отношения рабочего к мальчиком. Группируя так учеников под неограниченной властью подмастерья, на началах безусловного и беспрекословного ему повиновения, администрация дает работу штучно и по такой низкой цене, что, работая один, подмастерье едва ли при интенсивной работе мог бы оправдать поденную плату; имея же под рукой мальчиков, ему приходится нажимать на подчиненных. Более свирепые и сребролюбивые рабочие доводят такое нажимание до самого обыкновенного мордобития.

Недавно имел место следующий случай: рабочий Мешковский Ст. (в ведении которого пять мальчиков) дал одному из учеников сверлить оси. Во время работы племянник Мешков-

ского принес оси другого сорта и положил вместе. Сверливший мальчик не заметил их разницы и прозверлил 11 штук другого сорта. Когда выяснилась ошибка, Мешковский настолько озверел, что ударил сверлившего мальчика по лицу и наговорил мастеру так красноречиво, что тот, не дав себе труда разобрать кто виноват, поспешил назначить мальчика к расчету.

...Считаю также не лишним познакомить товарищей-читателей с некоторыми, довольно-таки недобросовестными проделками мастера. Этот почтенный фаворит изобрел прекрасный способ урезывания расценок.

Вот случай, в котором он сыграл видную роль. Сборщики потребовали прибавки. Требование было удовлетворено. Потребовали прибавки и мальчики им помогающие, но им предложили расчет вместо прибавки. Тогда они предложили рабочим забастовать, но рабочие, получившие прибавку, осмелили их. Более же сознательные рабочие просто отсоветовали, ввиду того, что они бессильны без помощи взрослых рабочих. Мастер А. не мог же остаться равнодушным к борьбе пигмея и колоде. Он счел за нужное помочь последнему. Он громко кричал: «К чорту их, я найду хоть сотню таких, которые не только не будут просить никакой прибавки, но будут сами нам платить»... Но так как, к счастью, А. не главный двигатель административной колесницы, а только рядовая спица, то и мальчики не были рассчитаны, хотя прибавки не добились.

(«Луч» № 79, № 82 — 19, 22 декабря 1912 г. Рабочая жизнь, стр. 4).

КАЛЕЧАТ ДЕТЕЙ

(Путиловский завод. Паровозо-котельн. мастерская)

В ночь на 11 марта произошли три несчастных случая. Первый в 11 час., мальчику П. Иванову (16 л.) оторвало правую руку по локоть при следующих обстоятельствах. Была поставлена паровозная топка между 3 станков сверловочных. Мальчик был посажен в топку, для того, чтобы брать метчики. Сидя между 3 огней в таком тесном месте, он дрожал каждую минуту. И вот, одним злополучным метчиком захватило ему правую руку. Раздался душу раздирающий крик.

Сверловщик остановил станок, бросился смотреть. Мальчик уже валялся на земле, а рука осталась болтаться на метчике. Мальчика отправили в приемный покой. Спрашивается: почему работают сразу 3 станка и почему посажен мальчик, а не взрослый мужчина. Да потому, что дешевле стоит: взрослый не будет работать за 40 коп. И вот, загубили молодую жизнь; сделали калекой...

Старики говорят, что здесь на этой работе за 13 лет уже таких случаев было около 20: рвали руки, рвали пальцы, и все продолжают сажать мальчиков. Товарищи, кто же будет защи-

щать наше молодое поколение? Никто, кроме нас самих. Мы должны потребовать, чтобы мальчика не допускать до такой опасной работы и чтобы не работали три станка.

(«Путь Правды». 14-го марта 1914 г. № 36. Из рабочей жизни, стр. 4).

ВНУТРЕННИЙ РАСПОРЯДОК ДЛЯ УЧЕНИКОВ НА ФАБРИКАХ

Недавнее самоубийство фабричного ученика Я. Стронгина дает нам повод сказать несколько слов об ученическом житье-бытье.

Перед нами ученическая книжка с правилами внутреннего распорядка на фабрике Э. Кортмана. Вот некоторые места из этого хозяйского произведения:

«Главное, ученик должен знать, — повучает эта книжка, — что поступает в учение не для исключительной выгоды хозяина, но также для приобретения знаний, которые ему в жизни будут служить единственным источником для приобретения средств к существованию... Так что каждый день, каждый час, прожитый в учении без старания, отзовется целиком (не на кармане хозяина) на его будущей жизни».

...«Каждому ученику вменяется в непрременную обязанность, если он заметит между другими учениками воровство, пьянство и разгул, немедленно сообщить заведующему»...

...«Вообще, во всех затруднительных случаях обращаться без боязни, с открытой душой, за помощью и советом к мастеру или заведующему учениками»...

...«Не вступать в пререкания с кухаркой из-за кушанья, а в случае надобности обратиться с заявлением к заведующему»...

Таковы эти сердечные хозяйские попечения... Не от них ли покойный Я. Стронгин, обвиненный в воровстве, не обратился «с открытой душой» к мастеру или хозяину?

За хорошие успехи, после 5 лет работы на хозяина, он получил бы... 25 руб. при выходе! «За отличное поведение», особенно за доносы на товарищей, книжка обещает после 5 лет—серебряные часы!...

(«Луч», 5 мая 1913 г. № 102 (188))

ЖЕНЩИН-РАБОТНИЦ ЗАМЕНЯЮТ УЧЕНИКАМИ-МАЛЬЧИКАМИ

В Сампсониевской мануфактуре (Мальцева) на Выборгской стороне в настоящее время труд женщин-работниц заменяется трудом подростков учеников-мальчиков, которые в большинстве случаев вербуются в глубине забитых углов русской голодной

деревни. Характерно, что в прошлом году, после роста рабочей организации и стачечного движения, на данной фабрике труд взрослых мужчин беспрерывно заменялся трудом женщин.

Чтобы обезопасить фабрику от идей рабочей демократии и тлетворного влияния города и его современного пролетариата, фабричная администрация с этой целью выписала из глухих деревень сермяжной Руси мальчиков-подростков. В настоящее время видно администрация решила, что современный город-столица с его профессиональными рабочими организациями более тлетворное влияние оказывает на девушек-подростков, чем на мальчиков. Но, нам думается, дальше игры в прятки наша администрация не уйдет, так как закон профессионального движения равно действует как на мальчиков, так и на девушек. И мы уверены, что завтра, под влиянием рабочего движения, в глазах администрации Сампсониевской м-ры забегают «красные мальчики», как некогда, в ноябре прошлого года, бегали «красные девушки».

(«Луч», 6-е января, № 5 (91) 1913 г. Современная фабрика и женское рабочее движение, стр. 3).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

На станции «Гучково» 15-го августа открывается новая бумаго-прядельная фабрика Дедовской мануфактуры. Администрация будущей фабрики распространяет в ближайших селениях летучки следующего содержания:

«15-го августа 1913 года потребуются девочки от 13 до 19 лет. Начальная плата для девочек от 13 до 15 лет — 20 коп. в день, от 16 до 18 лет — 25 коп. и от 18 до 19 лет — 30 коп. на своих харчах, но на хозяйской квартире. Таких девочек-подростков фабрика предполагает набрать до 2.000».

Подобных дешевых цен не предлагала в Московской губ. ни одна фабрика.

ФАБРИЧНЫЕ УЧЕНИЦЫ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

(Новая бумагопрядельня. Ватера 2-й и 3-й этажи)

Много в России занято в разных предприятиях нас, беззащитных девушек-учениц. Нас везде ругают, штрафуют, глядят, как бы из нас сделать субреток. Особенно отличаются мастера, управляющие, конторщики и т. п. У нас на фабрике есть помощник управляющего, который уже не одну девушку пустил по панели. Кто хочет защитить свою честь, той дают расчет.

Для нас, учениц, существует вместо $10\frac{1}{2}$ час. рабочего дня, как у взрослых рабочих — 12 часовой рабочий день. Мы должны притти вместо 6 часов утра к 5. В перерыв для обеда приходится чистить станки и за эти часы не платят, а глядят как бы оштрафовать. Работницы, что испортят, вают на учениц. Те из боязни промолчат, примут штраф и только поплачут, да и

опять ждут себе беды. Работницы бьют своих учениц, а заступиться некому. Каждый год на нашей фабрике травятся: мотивы — «не вытерпела крепостного гнета», «опозоренная каким-нибудь прощальгой, со стыда». Кончив работу, идешь домой, а на улице пристають хулиганы, особенно в районе Обводного, Воронезской, Боровой. Дворники и городовые смотрят за этим спустя рукава. Если девушка закричит о помощи, наши блюстители порядка поощрительно смеются. Узнают, что она работает на фабрике, еще хуже издеваются, ей и название — «фабричная пыль».

Беззащитная девушка ученица

(«Невская Звезда», 16-ое октября 1912 г. № 27, стр. 4)

ГОЛОС МАЛЬЧИКА ЛЕСОПИЛЬНОГО ЗАВОДА «Ф. ШТУДЕР»

(Обводный кан., 29)

Работают в ящичной мастерской 36 мальчиков. Тяжела и горька наша жизнь. Жалованье нам — 50 коп. Есть такие «мальчики», которым уже минуло 20 лет, а жалованье им — те же 50—60 коп. Сильно развиты сверхурочные работы среди мальчиков: это считается не редкостью, если мальчик выработал в две недели 50—60 коп. сверхурочных. Обращение с ними до крайности грубое, особенно со стороны мастера этой мастерской, г. Ильина. Штрафует г. Ильин нещадно. У рабочего этой мастерской пропали галоши, о чем он заявил мастеру. Через несколько времени, точно разъяренный зверь, г. Ильин влетает в мастерскую с площадной руганью по адресу мальчиков. И в результате, мальчики поплатились штрафом по 20 коп. каждый — «купили новые галоши рабочему». Мальчики еще не в силах отстоять себя, рабочие же прошли молчанием, даже одобрили «остроумие» г. Ильина. Иногда г. Ильин бывает навеселе. Однажды, будучи в таком веселом настроении, подходит к вносью поступившему деревенскому мальчику и спрашивает: «Что у тебя матка молодая?» — «Да, молодая» — задавленным голосом произносит мальчик.

— Ты приведи ее ко мне и т. д. Мальчик смолчал.

Нет ни стыда, ни совести у г. Ильина. Развито нечто вроде взяточничества; в этом отличается «новоиспеченный кнут» К. Васильев.

Обыкновенно К. Васильев просит на «маленькую», иногда и на «большую». Мальчики охотно дают 15—20 коп., боясь втридорога поплатиться за отказ, в роде штрафов. Когда придет время получения долга, мальчики всегда молчат...

(«Правда», 7 июня 1913 г. № 129 (333). Детский труд, стр. 4).

РЕЧЬ БОЛЬШЕВИКА Т. Г. И. ПЕТРОВСКОГО В ЗАСЕДАНИИ
ГОС. ДУМЫ

(О положении труда молодежи в горной промышленности)

...Обращение с рабочими во всем Донецком бассейне грубое, почти пуришкевичское. Возможно ли такое издевательство переносить рабочим? Как администрация там относится к культурным задачам этих рабочих? Вот, что мне пишут из одного рудника. Собрались как-то рабочие и просили заводоуправление, чтобы им разрешили устроить школу на рудниках. Управляющий заводом говорит: «если мы будем всех учить грамоте, тогда некому у нас будет лошадей погонять и санки в шахты возить». Как видите, даже с просьбой учить детей нельзя обращаться к заводоуправлению. Живя в такой обстановке, надрываясь непосильным трудом, шахтер ежеминутно рискует жизнью, а безграничная жадность капиталистов доходит до самой низкой преступности.

На заводе Провиданс парит медная труба. Рабочие по опыту знают, что быть несчастьем. Но для начальства жизнь рабочего — копейка, лишь бы барыши были. Оно заставляет мальчиков чистить котел, который находится возле трубы. Труба разрывается и обваривает пять мальчиков-учеников, из которых двое умирают. Начальство не несет, конечно, никакой ответственности и до сих пор обильно получает барыши и всякие премии, но родители едва добиваются кое-каких крох вознаграждения за то, что приносят в жертву этому самому Провидансу своих детей.

На этом же заводе отдают приказ: смазывать краны подъемные во время работы. Так как краны работают с различной передачей, то смазка на ходу очень опасна. И вот, за короткое время отрывается несколько рук, выворачивается несколько ног — и тогда только, когда эти жертвы принесены, дается отбой, делается распоряжение о том, чтобы не смазывали кранов во время работ.

Господа, это только самые слабые штрихи в картине того человекоистребления, которое происходит на заводе и шахтах в Екатеринославской губернии и в Донецком бассейне. Более широкую картину этого истребления мы представим тогда, когда внесем запрос о частых несчастных случаях, а сейчас, господа, я должен развернуть перед вами ту позорную и мрачную страницу эксплуатации, которая составляет одну из самых позорных сторон нашего политического режима и современного капитализма: я хочу сказать о детском труде опять-таки в Донецком бассейне.

Вы, господа, считаете себя христианским государством, но посмотрите, какое положение в этом христианском государстве занимают те, про которых в евангелии сказано, что их царствие есть царствие небесное, посмотрите же в каком царстве находятся эти несчастные жертвы — дети рабочих в России. Если взрослые рабочие не могут оказать сопротивления эксплуатации, то положение детского труда в тысячу раз хуже. Начну с заводов.

На каких условиях работают там дети? Дети занимаются чисткой котлов. В котле, где приходится сидеть ребенку, тесно и приходится отбивать накипь, от этого получается там густая пыль, которой некуда выходить, и эта пыль вдыхается детьми. Господа, от вдыхания этой пыли легкими здоровье детей страдает, они имеют изнуренный вид и никогда вы у них не увидите ни скровинки, ни краски в лице.

Ваши доходы, господа, создаются этими юными жертвами только потому, что вы алчны, и эти малолетние жертвы обречены на гибель. Во многих заводах, господа, котлы отапливаются газом из-под доменных или коксовых печей, и чистка котлов в этих печах еще хуже отзывается на ребенке, потому что здесь дети угорают и часто угорают до смерти.

И до сих пор, я говорю, не устранено ненужное истребление детей. В этом отношении никаких мер не принимается, и восстал ли, господа, кто-нибудь из вас против этого ненужного жертвоприношения молоху капитализма детских душ.

Нет, вы даже, господа, не протестовали против циркуляров фабричным инспекторам и окружным инженерам, в которых говорилось, чтобы они не стеснялись рамками закона фабрикантов и заводчиков, а заводчики, как известно, повесили таблички на своих предприятиях, что вход посторонним лицам строго воспрещается и делают свое дело эксплуатации рабочих, укрываясь этим от общественного контроля.

Господа, ваши дети не знают материальных забот, они обеспечены, а наши дети, не успев окрепнуть, должны идти уже на работу. За вашими детьми ходят целые сотни прислуг—за нашими детьми никто не ходит и вы не можете издать закон, который охранял бы наших детей. На фабриках, заводах и шахтах наши дети с семилетнего возраста уже превращаются в товар, выгодный для капиталистов, и если для детей ужасен труд на заводах, то посмотрите—как ужасен труд детей на рудниках, где они, как на каторге, прикованы.

Я укажу маленькую корреспонденцию из Криворожского рудника. В Криворожском районе работают дети, начиная от 7—8-летнего возраста. На рудниках около 80% работающих детей—больны. Вид у детей подавленный, ужасный, лица изборождены морщинами от непосильного труда, формы тела уродливы: работают дети так же, как и взрослые, с 5 часов утра до 6 час. вечера, не отрываясь ни на минуту. За малейшее уклонение от работ за самую ничтожную провинность мальчик штрафуется. Работа детей очень тяжела: большей частью им приходится работать внизу под землей, в узком, низком месте, где потолок, буквально, над головой и ребенок должен согнуться в три погибели и тащить вагонетку, надрываясь, вытягивая мускулы. Сортировщики-дети работают под эстакадами, около вагонеток. Труд этот ужасно грубый... ужасно грубый...

Когда дети работают медленно, штейгер и десятские штрафуют и наказывают детей, а то и дают расчет

Заработная плата детей весьма низкая, получают от 20 до 40 коп. в сутки; сортировщики от 30 коп., а выбирающие каменщики зарабатывают только 14 коп. в день. При благоприятных условиях средний заработок малолетних рабочих не превышает 5 руб. в месяц. Дети-рабочие большей частью сироты, привезенные из далеких окраин России или из средних губерний: Орловской, Тульской, Харьковской; живут они вместе со взрослыми в землянках или казармах и должны платить по 5—6 руб. в месяц в харчевую кассу, а если им не хватает на харчи, то другие шахтеры или рудокопы складываются и добавляют.

Вот до какой степени доходит эксплуатация крестьянских детей 7—8-летнего возраста. И вы, г.г., на эту эксплуатацию очень спокойно смотрите и этот порядок охраняете.

(«Правда» 14 июня 1913 г. № 133 (339), Государственная Дума, стр. 2).

ДЕТИ-РУДОКОПЫ В КРИВОРОЖСКОМ РУДНИЧНОМ БАССЕЙНЕ

В 5 час. утра, когда наступает новая смена, протяжные, заунывные гудки оглашают окрестности рудников и выгоняют на работы из землянок и казарм забойщиков, грузчиков, проходчиков, откатчиц, сортировщиц, отметчиц и малолетних рудокопов-детей, в возрасте, нередко, 7—8 лет.

В черных, пропитанных сажей и рудничной пылью, одеждах, в мокрых, не высыхающих плащах, в башлыках на голове и с коятилками в руках, длинными, бесконечными вереницами отправляются все вместе на работы в степи, изрытые карьерами и шахтами рудников.

13 часов непрерывной шахтерской работы разрушающе действуют на детский, застывший в своем развитии, организм, подорванный, кроме того, золотухой, рахитизмом, слаботрудием и т. п. болезнями.

Утренний сон необходим после долгого, тяжелого и упорного труда, особенно для уставшего и больного (на рудниках около 80 проц. работающих больных детей).

Тело мучительно ноет, в руках и ногах тягучая боль, мучит долгий «рудничный» кашель. По ночам бред, галлюцинации и страшные сны, преследующие постоянно мальчика-рудокопа.

Вид у детей подавленный, ужасный. Лица изборозжены морщинами от непосильного труда. Формы тела уродливы.

Работают дети, как взрослые: с 5 час. утра до 6 ч. вечера—13 час., не отрываясь ни на минуту, так как за каждым движением их зорко следит всевидящий, не отходящий глаз «цербера»—десятника.

За малейшее отклонение от работы, за самую ничтожную провинность мальчик штрафует.

«Детский» труд подразделяется на виды: коногонов, откатчиков, сортировщиков, забутчиков и пр. Каждый в своем роде страшен и непосилен ребенку.

Коногон обязан следить за лошадыю и править ею во время движения барабана. Лошадь вращает барабан, а мальчик, подгоняя ее, беспрерывно бежит по кругу. Остановиться, отдохнуть, нет возможности, так как нагруженную вагонетку надо успеть поднять вверх, к грузчикам, и пустую опустить обратно вниз, к проходчикам.

Когда же мальчик не выдерживает каторжного труда коногона и, надорвавшись, в изнеможении, без сил падает на землю,—его уносят тогда в землянку, штрафуют как бы за «прогул», а на место его ставят другого.

На больших рудниках, где система доставки на поверхность руды производится машинным способом, там коногоны исполняют другую роль. При подаче вагонетки они должны впрячь в нее лошадь и докатить по рельсам к люку. Вынув из угла вагонетки стержень, при помощи которого она сохраняла равновесие, мальчик быстро опрокидывает ее и высыпает к грузчикам через люк 60—70 пудов руды.

Способ такой очень опасен. Он сопровождается часто несчастными случаями. Во время опрокидывания вагонетки на эстокадах (деревян. мост) коногон иногда не успевает во-время отскочить в сторону и летит вместе с рудой, камнем и водой в люк, под эстакаду, высота которой 6—7 саженей.

Работа откатчиков-детей не менее тяжела. Большею частью им приходится работать в «штреках» — внизу, под землей. По двое катят они нагруженную вагонетку по рельсам. В узких и низких «горизонтах», где потолок, буквально, на голове, и едва-едва проходит только одна вагонетка, ее должны, свернувшись в «три погибели» тащить, надрываясь и вытягивая мускулы и жилы, откатчики-дети.

Темно вокруг, не видно белого света, вода сочится из стен и потолка вниз, в густую, невылазную грязь, из которой с трудом вытянешь ногу. Нет воздуха. Пыль вокруг. Где-то стучат, выбивают породу.

Но откатчик не смеет бояться. Он спешит подать вагонетку. Выбываясь из сил, падая в грязь, спотыкаясь во мраке штреков об рельсы, он в каком-то ожесточении, всем корпусом головой, руками напирает на вагонетку, чтобы дотащить ее до «рудничного двора» (место у «ствола»).

Остановиться ему нельзя, так как сзади другие вагонетки плетутся и им необходимо очистить дорогу.

Сортировщики работают под эстокадами и около вагонов. Здесь, дети, лежа на гудах руды, отбирают один сорт от другого и сбрасывают в специальные вагоны. Труд однообра-

зен, скучен. В холод, мороз, мятель, выюгу — дети не прекращают работу. Коченеют пальцы рук, все вокруг замерзает, но мальчик обязан безостановочно находить сорта руды и наполнять ею вагоны.

Когда работа идет медленно, штейгера и десятники штрафуют или наказывают детей, а то дают и расчет. У тех, кто выбирает камешки из кварцита и других пород для «бутовки», заработная плата весьма низка. Не хватает даже на обед. Кононы работают от конторы и получают от 20 до 40 коп. в сутки, сортировщики до 30 коп., а выбирающие камешки для бутовки по 7 коп. с боченка. Таких боченков они наполняют в день не более 2-х.

У забутчиков цена колеблется в зависимости от спроса и предложения.

В действительности дети зарабатывают значительно меньше, так как штрафы, прогулы и прочие денежные взыскания отнимают у них большой процент заработной платы. При благоприятных условиях средний заработок малолетнего рабочего не превышает 5 руб. в месяц.

Дети-рабочие — большей частью сироты, привезенные с дальних окраин России или из средних губ.: Орловской, Курской, Харьковской. Живут они вместе со взрослыми в землянках или казармах и должны платить 5—6 рублей в месяц в общую харчевую кассу.

Когда у мальчика не хватает денег, то рабочие делают между собой складчину.

Помимо штрафов, контора еще урезывает по 45—60 коп. в месяц из каждой полочки за «квартиру», за место в казарменном клоповнике или сырой, зловонной, наполненной тараканами и мокрицами, землянке.

С. Зусер

(«Правда» № 104 (308), 8 мая 1913 года)

ОБРАЩЕНИЕ УЧЕНИКОВ МАСТЕРСКИХ К ВЗРОСЛЫМ РАБОЧИМ

Граждане! К вам обращаемся мы, маленькие люди, ученики ремесленных мастерских, с горячей просьбой помочь нашему делу освобождения от эксплуататоров хозяев и насилия пьяных подмастерьев, которым доставляет великое удовольствие дернуть ученика за ухо, ударить по лицу и т. п. и в такой форме проявить свою власть.

Среди всевозможных лишений, побоев, работы не по силам приходится жить 5—6 лет. Это значит 5—6 лет приносить хозяину пользу, а взамен получать колотушки и об'едки, которые остаются от хозяйского стола.

Мастерские и те условия жизни, в которых ученики находятся столько лет, развращают их и толкают в ряды хулиганов,

воров, и т. д. Под угрозой быть избитыми учатся лицемерить, обманывать и делать вообще то, что противно честности и порядочности.

Если к этому прибавить гигиенические условия, при которых мы живем, напр., несколько недель, а иногда и по месяцам не ходим в баню, спим на голом полу, на грязных нарах и т. д., работу до позднего вечера, а иногда и ночью, огромное количество насекомых и редкую смену белья, то получится картина не человеческой жизни, а какой-то каторги.

Да, эта каторга тем более страшна, что так живут не сильные взрослые, а маленькие и слабые. Редко когда из такой жизни выходит порядочный, честный человек, человек сильный телом, сильный духом.

Жизнь эта кладет тяжелую печать на характер и внешность человека. Самые лучшие и молодые годы (от 10 до 17 лет) губятся ею во имя эксплуатации и жадности хозяев. Мы, ученики одной из Петербургских обойных мастерских, от имени многочисленных несчастных товарищей, призываем общество оглянуться на нашу горемычную долю и помочь нам.

Дальше жить так нельзя!

Довольно у нас хулиганов, так что плодить новых — значит увеличивать ряды черной сотни.

Нет, так не может быть! Нам нужны сознательные, развитые и порядочные граждане — рабочие! А для того нужно изменить условия жизни учеников. Мы призываем рабочих ремесленников и просим о помощи, так как им лучше известна наша жизнь.

Помогите, товарищи, своим молодым товарищам!

Ученики одной из Петербургских обойных мастерских.

(«Нов. Жизнь» № 16, 18 ноября 1905 г. Письмо в редакцию, стр. 3).

ДЕТИ-МУЧЕНИКИ

«Отравился 14-летний мальчик Мурашев, боясь наказания хозяина за потерянный рубль». «Повесился 15-летний мальчик Богачев, боясь быть уволенным за разбитое стекло, стоящее 3 руб. 50 коп.». Такие краткие заметки начинают появляться в газетах все чаще и чаще. Они будут появляться и впредь до тех пор, пока не изменится положение детей, вынужденных с самого раннего детства зарабатывать себе хлеб.

А каково это положение теперь, можно видеть из корреспонденций самих рабочих, печатаемых в «Правде» и «Новой Звезде». «А о мальчиках уже не стоит говорить», — безнадежно прорывается у одного приказчика. «Мальчик у своего хозяина — все равно, что какой-нибудь батрак или животное», — пишет другой. «Они не столько учатся, сколько мучатся», — добавляет

третий и т. д. И письма рабочих дают яркую картину положения этих маленьких мучеников.

Оторванные от семьи и отданные «на выучку» какому-нибудь предпринимателю, они становятся совсем беззащитными существами. Как они живут, чем занимаются, до этого никому нет дела. Фабричная инспекция следит за применением детского труда только в более или менее крупных промышленных заведениях. Но существует масса заведений, которые надзору фабричной инспекции не подчинены.

Это — многочисленные ремесленные заведения, различные мастерские, магазины и лавки. Здесь предприниматель вполне свободен в выборе способов эксплуатации малолетних. Здесь ни возрасту работников, ни продолжительности рабочего дня, ни хозяйским безобразиям не поставлено никаких границ. Здесь встречаются дети еще самого нежного возраста, 10 — 11 лет. Работают они наравне со взрослыми, а иногда и больше. Работа начинается чуть свет, в 5 — 6 часов утра, а оканчивается поздней ночью, в 10 — 12 часов. «Умыться не дадут, принимайся за работу, а не то леща получишь», — пишут два поваренка. И начинается работа. Вместо того, чтобы обучать ребенка ремеслу, хозяин заставляет его исполнять работу, не имеющую ровно никакого отношения к обучению. Мальчик или девочка моет полы, готовит кушанья, ставит самовар, бегаёт на посылках и т. д.

Вполне понятно поэтому, что «пробыв в учении 3 — 4 года, ученик ничему не научается», — как говорят очевидцы такого ученья. За свою работу дети получают ничтожное жалованье, 3 — 4 руб. в месяц, а иногда и ничего. Мальчикам плата неопределенная, а «сколько даст дяденька», — вот условия расплаты. Зато на побои, затрещины и «лещи» хозяева не скупятся. «Бьют ни за что, — читаем мы в одном из писем, — как руками, так и ногами». Заступников же, взрослых рабочих — просто напросто увольняют. Но это еще не все. Обстановка, в которой приходится работать, не менее ужасна и отвратительна, чем остальное.

Корреспонденции так и пестрят: грязь, вонь, сырость, сквозняки и т. п. Большого, конечно, от хозяев и требовать нельзя, так как дети для них не люди, а рабочие животные. Рабочие так и пишут: спят они в пыли, в грязи, как поросята. «Вместо матраца им стелят 1 пуд сена на пол, как собакам» и т. д., без конца.

Немудрено, что живущим вместе с этими несчастными «часто приходится слышать, как по ночам от такой жизни мальчики плачут». Ведь сколько из этих рыдающих беспомощно по ночам малышей будущих Мурашовых и Богачевых — отравившихся, повесившихся... Так «воспитывается» большая часть детей-мучеников. Впереди для них тоже мало хорошего.

Искалеченные в самом детстве варварским обращением, озлобленные, забытые, они будут плохими строителями новой

жизни. И рабочий класс знает, что улучшение положения не в устройстве благотворительных общежитий для ремесленных учеников и не в учреждении детских судов, которыми так увлекаются и умиляются в буржуазных кругах.

Необходимо распространить надзор фабричной инспекции на ремесленные заведения и мелкие мастерские. Необходимо установить возраст, ниже которого дети не должны допускаться к работам и определить число рабочих часов, больше которого малолетний не должен работать. Нужно дать ребенку возможность посещать школу, а не доводить его до того, что он за 4 года «кроме корзины на голове, да тележки ничего не видит».

А. Степанов

(«Правда» 23 июня 1912 года. № 51, стр. 1—2).

ЖИЗНЬ ТИПОГРАФСКОГО УЧЕНИКА

На воротах типографии висит аншлаг: «требуется ученики».

В конторе типографии поступающего мальчика спрашивают: «грамотный ты?»

Условия работы такие: на 4 года в ученье—1-й год по 4 руб. в мес., 2-й год по 6 руб. в мес., 3-й— по 8 руб. в мес. и 4-й— 12 руб. в мес. Мальчик должен согласиться на эти условия.

Работа такая: подметать пол, подбирать шрифт с пола, сортировать его по кеглю (по сорту) и т. д.

С утра до вечера такая работа. В обед надо сходить в лавочку и за водкой, пивом, закуской для наборщиков и метранпажа («ментра»).

Пока бегаешь—смотришь и обед прошел, приходится сидеть без обеда.

Наконец, ученик получает повышение в чине. Начинают посылать его от конторы типографии с пакетом: в цензуру, редакцию и т. д.

Приходится работать и сверхурочно, получая по 5 коп. в час; часенко приходится и даром сверхурочно поработать.

Придет ученик к фактору (управляющий) просит прибавки, фактор спрашивает: «ты сколько получаешь?» — «столько-то», «ну, зайди после. Мне сейчас некогда», — а спешка его такая—сидит и пьет чай. Так и ходит к нему ученик месяца 3, пока фактору не надоест. Наконец, фактор смилостивится и «прибавит» — получал ученик 8 руб. в мес., станет получать 6. Редко бывает, что прибавит по-настоящему, ну, 1 руб., например. Придет ученик в сотый раз к фактору и скажет наконец: «Что же вы прибавили 1 руб.? По условию надо 2 руб.». — «Ах, тебе еще мало!» — накидывается фактор, — «ты еще разговаривать, щенок! Молокосос! Вон пошел!»...

Так и работает ученик весь год за 5 руб. Условие к чорту.

3 г. получает ученик так и лишь перед выходом из «учения», на четвертый год, все 4 года зачастую не нюхавший и не знающий кассы (ящик с набором, с отделениями для каждой буквы), ученик с трудом добьется 8—10 руб. в мес.

Штрафуют учеников немилосердно: зашалил немного — штраф 50 коп., побежал — штраф 50 коп., стукнул дверью, скатился по перилам лестницы — штраф. Если опоздает ученик на 15—20 минут, значит придется ему сидеть после окончания работы 2—3 часа наказанным, сидеть в наборной, воздух которой отравлен свинцовой пылью, душен.

Ментранпажи иногда «поддерживают» ученика — берут в долг до 1-й получки. Придет получка, спрашивает ученик долг, а взявший и скажет: «должен, не спору, отдам не скоро», а будешь приставать — «был должен, да отдал»...

Заставляют ученика очищать буквы (шифт) от грязи. Сломал ученик нечаянно при чистке букву, за это получает он подзатыльник или «волостное правление» (трепку за волосы) и штраф 50 коп.—и так бывает у некоторых «ментров».

Заставляют ученика носить тяжелые формы (доски с набором). Рассыпал ученик одну форму — 2 недели заставляют его потом работать даром.

Приходит получка и получать ученику нечего.

Так живет ученику. При таком тяжелом положении учеников никто, почти никто, из наборщиков зачастую не хочет помочь ученикам вырваться из этого положения.

Приходится ученикам самим действовать, конечно, в согласии с взрослыми наборщиками, которые должны обратить внимание на положение учеников.

Ученики должны выйти из такого положения, которое описывается в «колыбельной песни наборщиков».

Спи дитя—мое мученье,
Баюшки-баю...
Я отдам тебя в ученье,
В типографию.
Там наборщики за водкой,
Будут посылать.
Не пойдешь, так по затылку
Будешь получать.
Там наборщики научат
Табаки курить,
А как выйдешь из ученья,
Будешь водку пить.
Е воскресение—под забором
Будешь ночевать,
В понедельник—на похмелье
Будешь ты стрелять.

Снова будешь по трактирам
 Шпацией¹⁾ шнырять.
 У «Макокина»²⁾, на гопе³⁾,
 Будешь ночевать.
 Ты не пей, сыночек, водки
 И забрось стакан—
 Уж она не лезет в глотку—
 Ты и так уж пьян...
 Нет! не будешь мне опорой
 В старость ты мою—
 Будешь пьяный, будешь хворый...
 Баюшки-баю...

Ученик-наборщик

(«Правда» № 35 (239), № 36 (240) 12—13 февраля 1913 года)

ПО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ЗАВЕДЕНИЯМ

(Переpletная В. В. Румянцева)

Переpletная Румянцева, находящаяся в Спасском пер., д. 17, замечательна своим «хозяином», человеком вполне невежественным, которого, кажется, не прошибешь никаким пулеметом... Но в наживе сей экземпляр весьма смысленный. У этого мудрого хозяина работают приблизительно человек 35—40 рабочих: 14—16 учеников, несколько женщин и человек 15—18 мужчин.

Мальчики у Румянцева привозятся из деревень и отдаются в «ученье» на 4 года. В течение этого времени их «благодетель» высасывает из них соки, заставляет несчастных мальчуганов работать на него по 15—16 час. в сутки, редко когда давая отдых даже в праздничный день. За все это их «кормилец» угощает не совсем благоухающими щами, а за провинность лишает и этой нечеловеческой пищи. Немногим лучше живется у Румянцева и взрослым работникам, которые также отдают свои силы за ничтожные гроши.

А когда эти труженики возмутились положением дел и потребовали, чтобы им была повышена заработная плата и улучшены несколько условия труда, то их патрон ответил: «бастуйте сколько угодно, я и без вас буду обходиться». Действительно, рабочие пробастовали несколько недель, но добиться ничего не удалось. Бастующие в таком случае решили прекратить забастовку и найти работу в другом месте, а свободные места в переpletной Румянцева решили просить товарищей не занимать, пока этот черствый хозяин не надумает улучшить положение рабочего в своей мастерской. Румянцев не тужил.

¹⁾ Шпация — тонкая пластинка, вставляемая между букв.

²⁾ «Макокин» — ночлежный дом, угол Воронежской и Прилукской ул., принадлежавший Макокину, в Ленинграде.

³⁾ Гоп — ночлежный дом.

В настоящее время в мастерской у него работают 2 переплетчика, 1 позолотчик и 4 фальсовщицы, а кроме того 14 учеников, на которых он теперь и будет налегать. Неужели этих несчастных провинциальных мальчиков этот Тит Титыч будет заставлять работать по 17 — 19 часов в сутки и неужели этот вопиющий факт не будет услышен инспекцией фабрично-заводской промышленности? Неужели нет возможности оградить этих малолеток деревни от эксплуатации подобных Румянцевых. Кстати, нужно заметить, что недавно этот же Румянцев был оштрафован г. инспектором на 100 руб. за противозаконное пользование детским трудом. Очевидно, это для него не убедительно.

(«Правда» 23 мая 1913 г. № 20 Среди печатников стр. 4.)

МАЛЬЧИКИ-ЭКИПАЖНИКИ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

(Фабрика экипажей Крюммель)

Нас, мальчиков, здесь 17 человек. У нас порядки такие для мальчиков.

Мы работаем 10 часов в сутки. Половина седьмого звонок, рабочие уходят, а мы живем на хозяйской квартире, идем ужинать; рядом с нашей квартирой живет приказчик или управляющий. Вот после ужина он находит работу для нас, другой раз даже до 12-ти часов.

Этот же приказчик бьет до невозможности маленьких мальчиков, обращается хуже, чем со скотом. Один раз был такой случай: мальчик убирал контору обоей мастерской, у хозяина пропало золотое кольцо. Приказчик напал на мальчика. Стали искать в бумагах, вынесенных в конюшню; там стоял ящик со старой бумагой, перерыли всю бумагу и не нашли. Тогда приказчик избил мальчика всего в кровь, из носа и изо рта шла кровь, ухо даже чуть не оборвал. Тогда хозяин стал искать в кармане своего пальто и нашел.

За что же мальчик пострадал? Про это знают все рабочие: поворчали немного, сказали: «иди в участок», но мальчик боялся, что прогонят с места.

И старший дворник тоже не лучше — прямо злыдень. Пойдет мальчик за метлою, он возьмет да и отколотит. На-днях мальчик пошел после звонка за дровами, спросил у дворника ключ от подвала. Дворник вышел во двор, избил мальчика, даже из носа кровь пошла. Мальчик пошел к хозяину, хозяин сказал: «не надо поздно за дровами ходить», а дворнику даже и слова не сказал.

У нас в комнате вентиляции нет. Ватер тут же, недалеко от стола. Воздух худой, да еще у приказчика дети—когда обедаем, приказчица обязательно с детским сосудом пройдет, таким ладным запахнет.

Приходила комиссия уже несколько раз, все велит переделывать: 1) потолок поднять; 2) ватер перевести; 3) вентиляцию. Однако, так уже 3-й год.

Вечером даже свежим воздухом подышать не отпускают, — иди в воннице.

М а л ь ч и к

(«Звезда» 8 марта 1912 г. № 15 (51), стр. 5, столб. 5)

ДЕТИ В МОДНЫХ МАСТЕРСКИХ

(Екатеринослав)

Ужасное положение господствует по модным мастерским: грубое обращение, невозможность своевременно получить свои заработанные деньги, частые побои девочек, нигде не могущих найти защиту...

Приведу несколько фактов. Начну с крупной мастерской м-м Раи, где, к великому сожалению, пришлось работать и мне. Работа начинается в 8 час. утра, а кончаться она должна в 7 час. вечера...

О положении учениц и говорить не приходится. Их м-м Раи избивает, а вдобавок и голодом морит. Мастерницы получают харчи три раза в день, а ученицы всего 2 раза в день — в 8 час. утра и в 5 час. вечера, т.-е. в течение 9-ти часов не получают никакой пищи.

Работница-подручница пошла получать свои заработанные деньги, а получила: «рыжий чорт», «рыжая собака» (только потому, что природа ее наградила рыжими волосами) и еще целый ряд нецензурных слов. В заключение владелец «Лувр» выгнал ее из магазина. Случалось это не только с одной, а абсолютно со всеми. Все это происходит внизу, в магазине. Наверху в мастерской работают 50 работниц. Из них только 15 взрослых, остальные в возрасте 10—18 лет. Сплошная ругань и крики слышатся здесь изо дня в день. Роль эту хорошо и удачно выполняет старшая мастерица — полька: «псякрев, быдла, варияшка» и многое другое, чего не упомнишь и не разберешь. Обладает она еще одним орудием: «длинными руками», пуская их часто в ход...

Посмотрим, что творится в мастерской Милявской, где кому-кому, а куцом достается: «куцые» — это девочки, которых за каждую ерунду ставят в угол на целый день. Рабочий день здесь продолжается от 8 час. утра до 8 часов вечера, между тем, как в большинстве мастерских работа продолжается до 7 час. вечера.

Заработок по мастерским следующий: мастерицы получают от 30—50 рублей в месяц (а таковых в каждой мастерской

от 3 — 5 человек), а «маленькие» подручные получают от 3 до 12 рублей в месяц.

Возраст этих «маленьких» 15 — 16 лет.

Работница

(«Звезда», 26 января 1912 г. № 4 [10] стр. 4)

ПРОТИВ «СОЗНАТЕЛЬНЫХ»

(Киев. Девочки в белошвейных мастерских)

...Особенно тяжело положение девочек, которые живут в мастерской и находятся постоянно под присмотром хозяйского глаза. Они не принадлежат себе даже в свободное от работы время и в праздники. И стоит, например, хозяйке увидеть в праздник у девочки книгу или газету, как начинается крик: «ты что, «сознательной» хочешь быть?!», и книга или газета немедленно вырывается из рук, а девочка посылается в кухню справлять кухонную работу, хотя для этого есть кухарка.

Сознательным работницам хозяйка всячески старается помешать даже разговаривать с девочками, хотя это ей, конечно, и не всегда удается. Такова «золотая пора малолетства» многих тысяч детей пролетариата — этих самых беззащитных жертв капиталистической эксплуатации...

(«Звезда». 8 марта 1912 г. № 15 [51], стр. 6)

УЧЕНИКИ У ШТУЧНИКОВ-ПОРТНЫХ

Скажу несколько слов об учениках у штучников, живущих в большинстве случаев в т. н. «дворцах портных», помещающихся в № 5 по Демидову пер., по Мойке 60, Невский 100.

Вот стихотворение тов. Груздева, иллюстрирующего в коротких, но правильных словах ученика портного.

Прощай, мой касатик! Прости же родимый!
Мать горько рыдала, обнявши сына.
И мальчик простился, слезами душимый
Сел в поезд... Раздалось бряцанье звонка,
И поезд понесся... а мальчик рыдавший
Смотрел на родные поля из окна...
Вот он у «портного»! С зарею ложится,
С зарею встает, изогнувшись сидит...
Калечится жизнь, но приходится сжиться —
Уж он не по-детски на это глядит...
Да, дорого станет наука работы!
Снесет ли ее неокрепшая грудь?
Побой, обиды и масса заботы
Ему не дают позабыться, заснуть,
И выйдет на свет он с душою разбитой,
Несчастный, его никому не понять!
А родина с матерью, им позабытой,
Попрежнему будет рыдать и страдать.

Эти слова — чистейшая правда.

В настоящее время рабочий поставлен в такие жизненные рамки, что приходится отдавать в ученье своего ребенка туда, где есть свободное место, лишь бы только освободиться от лишнего рта.

В учении у портного первым делом приучают ходить в казенку, дальше идет ученье нянчить хозяйских ребят. Только на втором, а то и на третьем году ученья мало-по-малу начинают приучать к работе; кто только ни захочет, тот бьет ученика. Бьет мастер, бьет хозяйка и, наконец, пуше всего хозяин.

На обязанности ученика лежит убирать мастерскую, мыть полы, носить дрова, так как не хватает в день 1 раз принесенных дворником, ходить в магазин за работой и, наконец, в субботу стирать свое белье в бане.

Работать ученику приходится в сутки часов 16—18. Во время работы в воздухе носится трехэтажная ругань мастеров и хозяина. Говорят про пошлости, про драки и все это при учениках.

Из дитя, привезенного из деревни, такого милого, простого, доверчивого, с верой в доброту людей, с неисковерканной еще жизнью и душою, и оторванного от родины делается через 4 года забитый, угрюмый, смотрящий исподлобья с недоверием и с ненавистью на окружающих.

Выйдя из ученья, он делается развратным, иногда с горя начинает пить и, наконец, умирает от верной спутницы портного—чахотки. Нередки случаи самоубийства. Вот, товарищи, в какой атмосфере воспитываются будущие граждане «российского» государства — портные, работающие у штучников-хозяичков...

И. в. Курашев

(«Звезда», № 10 (46), 16 февраля 1912 г.)

УЧЕНИКИ В ПРАЧЕЧНЫХ

(Прачечная «Русалка» Киев)

В эту прачечную берут белье из кафешантана «Аполло». Исполняют эту работу ученицы. Они днем стирают, а ночью, после окончания работы мастеряи и уборки мастерской, глядят. И происходит это часов до 3—4 утра. Это бывает почти каждый день.

Таким образом им приходится работать часов по 20 — 22 в сутки. После этого они забиваются куда попало (искать удобного места некогда) и спят часа 2, 3 или 4 — до 6 час. утра, когда мастерицы становятся на работу.

Хозяйка будит их колотушками, бранью и криком. Вообще учениц содержат в буквальном смысле слова в черном теле.

Рванные, грязные обноски хозяйкиных юбок и кофт служат им одеждой, обувью — такие же рванные башмаки. Но, по большей части, ходят босиком.

Об обращении говорить много не приходится. Им достается и от хозяйки, и от мастериц.

Когда я писала о квартире, то вскользь упомянула о воровстве. Воруют здесь не только дрова. Больше всего воруют белье, при чем когда это открывается, то оно поступает в собственность хозяйки. Это, чтобы больше угодить ей. Но, благодаря постановке дела, это воровство совершается вынужденно, чтобы пополнить утрату, если при сдаче белья заказчику бывает нечест. Из-за этого бывают даже несчастные случаи.

Например, одна ученица была обшчитана на большое количество штук. Боясь кулаков хозяйки (она жалования не получала), девушка обратилась с просьбой к бельевщику не требовать недочета. Бельевщик согласился, но с условием..., чтобы она ему отдалась. И что же? Страх перед хозяйкой был так велик, что бедная девушка пожертвовала свою девическую честь, чтобы избавиться от ее кулаков.

П р а ч к а А л е к с а н д р а

(«Невская Звезда», воскресенье, 29 июля 1912 г. № 19, стр. 4)

В БУЛОЧНОЙ Ю. МЮЛЛЕР

Возмутительные порядки, царят в булочной Ю. Мюллера (Калинкинский пр. № 8).

Г. Мюллер берет сирот из воспитательного дома от 14 до 18 лет и пользуется ими в качестве учеников. Он заставляет детей работать по 18 часов в сутки, таскать 5-пудовые кули с мукой, кормит плохо, обращается крайне грубо. Ругает арестантами из «коннозаводства» (под «коннозаводством» г. Мюллер понимает воспитательный дом), отдыха совсем не дает. Бьют из жары и духоты подышать свежим воздухом мальчикам не дозволяется. Только из тех 6-ти часов в сутки, что полагается на сон, могут мальчики с особого разрешения каждый раз употреблять время на прогулку. Приходится, следовательно, или не спать, или не гулять. Эта тяжелая жизнь самым ужасным образом отражается на детских организмах. Превращаются они к концу в калек. Неоднократно, отвозились ученики из булочной г. Мюллера в больницу для выпрямления страшно изогнутых ног. Жалобы учеников администрации воспитательного дома не помогают. Расследований никаких не производится. Главный врач при воспитательном доме за последние 3 года только один раз заглянул к г. Мюллеру и то ничего не предпринял, поверив на слово г. Мюллеру, что все обстоит благополучно.

(«Эхо» 27 июня 1906 года, № 5. На фабриках и заводах. стр. 4)

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИКОВ-ПОВАРОВ

Рабочие разных профессий стараются улучшить положение своих учеников. Они знают, что если они не будут издеваться над учениками и колотить их, то и ученики, когда вырастут, не

будут колотить своих учеников. Наши же повара не только не стараются улучшить наше положение, но, выслуживаясь перед хозяевами, еще ухудшают наше и без того рабское существование. Они не понимают, что у нас две руки и мы не можем один работать на двоих. Для того, чтобы мы работали поскорее, они нас ругают и бьют и оправдываться не позволяют. За опривление хуже попадает.

Когда же мы не успеваем работать под ругань и колотушки, тогда они говорят хозяевам, что нас надо оставить дежурить на неделю или на две. Хозяевам это на-руку: они оставляют нас дежурить. Вот и приходится работать по 17 часов в сутки без перерыва. По закону для малолетних, рабочий день не должен превышать 8 часов в сутки. Проработавши неделю по 17 часов, мальчик, где сидит, там и заснет. Тогда повара запустят ему гусара. Гусар — это бумажка, свернутая фунтиком, намазанная горчицей или индейским перцем, от которого в носу щиплет полчаса. Гусара засовывают спящему в нос или обольют из бумажного кулька в 10 ф.

Повара, стыдно вам издеваться над нами. Ведь мы не виноваты, что нас мало, а работы много. Ведь мы не можем добиться, чтобы хозяева взяли еще мальчиков. Это дело ваше. Пора вам бросить играть на билиярде, да в карты, да ходить по кабакам. Пора вам организовать союз и добиться лучших условий труда для себя и для будущих ваших заместителей и ваших детей. До тех пор вы не улучшите свое и наше положение, пока не организуете союз. В единении сила.

Чеховский Ванька

(«Правда» №23, стр. 4, пол. 3—4)

ДЕТСКИЙ ТРУД В ТОРГОВЛЕ

Тяжело положение торгового пролетариата, но еще тяжелее положение подрастающего поколения этого класса. Еще в раннем возрасте, оторванный от крестьянской (большей частью) семьи, попадает мальчик в город на службу в цепкие лапы капитала, не считающегося ни с возрастом, ни с неразвившимся организмом ребенка.

Приехавший из деревни, где также испытывается острая нужда, крестьянин отдает своего мальчика в полное владение будущему хозяину его души и тела. Избавившийся от лишнего рта, отец рад, что нашел «благодетеля», взявшего совершенно даром его ребенка в «ученье». И вот на другой день начинается это «ученье», продолжающееся долгих 4—5 лет и большею частью губящее в ребенке человека. Мальчик отдается сроком на 4—5 лет, на все хозяйское. А каково хозяйское «довольствие», знает и испытал на себе всякий приказчик, прошедший тяжелую школу хозяйского «ученья».

Пища мальчика, принимаемая кое-как и когда попало, состоит большей частью из обедков, оставшихся от хозяйского стола; эти обедки должны итти уже в помойное ведро, но они предназначаются для «продовольствия» мальчика, который-де не должен приучаться быть разборчивым в пище.

Проследим теперь рабочий день малолетних торговцев. Раню утром, часов в 6 утра, встает мальчик и начинает свою невидную, но тяжелую работу; еще «сам» спит, спят и живущие при хозяйской квартире приказчики, а уже мальчик должен встать, вычистить всем взрослым сапоги и платье, сбегать в булочную и приготовить чай. Затем, он сломя голову бежит к магазину, чтобы поспеть туда раньше всех и задолго еще до открытия.

В магазине он подметает пол, вытирает всюду пыль и должен глаза, уши, руки, ноги всегда держать на-чеку. — «Ванька, убери картошку», «принеси кипяток», «сходи с покупателем», «сам зовет», — кричат мальчику со всех сторон. И всюду должен поспешать мальчик, вертится и бегаёт он целый день, как белка в колесе, награждаемый часто подзатыльниками и затрещинами.

Наконец, приближается время закрытия магазина; уже уходят приказчики, но мальчик еще не так-то скоро закончит свой каторжный день: на его долю еще остается уборка груды наваленного на прилавки товара, уборка магазина и тогда, только после всех, часам к 11 попадает он домой на хозяйскую квартиру. Но и здесь далеко еще до отдыха, ведь, окончилась лишь магазинная работа, а перед мальчиком — продолжение утренней домашней работы: опять мальчик бегаёт в лавочку за ужином «самому» и приказчикам, ставит самовар, моет посуду и так до 12—1 ч. ночи, когда он, уже обессиленный, позже всех бросится на постель или приткнется где-нибудь в углу, чтобы забыться, а завтра спозаранку снова начнет свою каторжную работу.

Итак, мы видим, что рабочий день ребенка, с неокрепшим еще детским организмом, продолжительнее рабочего дня взрослого. Если так тяжелы и безотрадны физические условия работы торговых мальчиков, то не менее ужасна, большей частью, и моральная обстановка, при которой применяется этот детский труд. Вот как рисуется эта обстановка в одном из докладов 3-го всероссийского съезда приказчиков. Цитируем буквально:

...«Исполняя обязанности прислуги, работая в сутки по 12—16 часов, мальчик в самом нежном периоде жизни, вместе с тем попадает в обстановку пошлой жизни. Как вам известно, в магазинах чтение газет и книг воспрещено; «пустыми» разговорами тоже не очень-то можно заниматься; интересы старших до сих пор вертелись преимущественно вокруг выпивок и «женщин», в самом циничном смысле этого слова. И вот мальчик весь день мотается среди этих пошлых разговоров, которые ни в коем случае не могут действовать возвышающим образом на его нравственный облик.

Детский возраст—очень нежная вещь, и в это время кладется фундамент будущему цветущему здоровью, а между тем, безобразные условия жизни и работы, преждевременное развитие половых инстинктов и притом в развратно-циничном виде,—все это действует губительным образом на хрупкий детский организм и служит часто залогом будущих страданий. Хозяев, понятно, все эти соображения не интересуют: они ищут рабочую силу более дешевую и стараются брать помоложе, когда, по их мнению, легче выбивать «дурь» из головы...

Таково в кратких чертах везде и повсюду безотрадное положение торговых мальчиков. Безотрадность усугубляется еще полной их беззащитностью. Если взрослые могут в защиту своих прав поднять голос, то не под силу это безгласному ребенку. И не в ком ему искать защиты. В атмосфере полной забитости и несомнительного отношения к своим кровным интересам взрослых товарищей трудно мальчику—этому будущему гражданину своей родины, почерпнуть физические силы и моральные. Остается надежда на законодательную охрану труда. Но в то время, как за границей законодательные учреждения принуждаются борьбой торгово-промышленного пролетариата к изданию законов по охране труда—у нас, вследствие отсутствия организованной деятельности торгового пролетариата, законодательством ничего не сделано.

Наше законодательство не только не берет под свою охрану малолетних тружеников, занятых в торговле, но совершенно отдает их в полную власть хозяев. Так, например, примеч. к ст. 37, XI нашего закона гласит следующее: «малолетние сидельцы за шалости наказываются розгами при хозяине или их родных в доме», и эти же законы поясняют, что под слово «малолетние» подходят подростки до 17-летнего возраста. И не так давно заседавшая Тимирязевская комиссия, занимавшаяся разработкой законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих, не сделала в своем законопроекте ограничений в возрасте, поступающих в учение, торговых мальчиков и тем самым допустила эксплуатацию дешевого детского труда мальчика в 6—7 лет. В резолюциях же, принятых 3-м всероссийским съездом торговых служащих, требовалось:

1. Воспрещение труда детей моложе 16-ти лет и 6-часовой рабочий день для подростков от 16-ти до 18-ти лет.

Примечание. Ни хозяин, ни кто-нибудь из служащих не имеет права употреблять подростков для исполнения работ, не входящих в круг тех обязанностей, для выполнения коих они наняты.

Требования 3-го всероссийского съезда остаются и по сей час, конечно, не проведенными в жизнь, и только дружная организованная работа всего торгово-промышленного пролетариата, наряду с решением многих волнующих и наиболее важных вопросов быта,

решит вопрос о торгово-промышленных мальчиках, облегчит их тяжелое положение и спасет подрастающее поколение от окончательного вырождения.

Я. Буров

(«Правда» 16 августа, № 92, стр. 2 и «Правда» 17-го августа, № 93, стр. 1. 1912 г.)

ПИСЬМО МАЛЬЧИКА

Обращаюсь к вам, старшие товарищи-рабочие, и беру в посредники между детским трудом и ненасытным капиталом. Несмотря на свой 10-летний возраст, всегда прочитывая рабочие газеты и рабочую хронику, я вижу, как трудно живется рабочим на фабриках и заводах. Я часто читал, как с ними грубо обращаются, мало платят и много часов заставляют работать. Прочитывая такие сообщения, иногда я не верил. В настоящее время, кончив школу, я поступил на лаун-теннис спортивного клуба Русско-Азиатского банка. Нас, мальчиков, там до 15 человек.

Получает каждый мальчик 3 рубля в месяц. Выходим на службу по будням с 4-х час. до 11 час. вечера, а по праздникам—с 9 час. утра до 11 вечера. В праздник полагается булочка, но при выдаче ее, старший, Алексей, дергает за волосы и называет «сопливым». Делает он это, шутя, но часто мальчики отходят со слезами. Часто Алексей в пьяном виде бил мальчиков лошадиным кнутом. Последний случай был такой: 1-го августа мы стали просить жалование, но он вместо жалованья наградил нас рубцами. В знак протеста несколько мальчиков ушли. Это делается на глазах миллионера Варшавского, Шербакова и других столь же почтенных господ. Работаем под знойными лучами солнца по 14 часов в сутки и часто не хватает времени на еду. Если же потеряется мяч, вычитают 50 коп.

Мальчик

(№ 21, стр. 4, Спб. Лаун-теннис Русско-Азиатск. банка)

ВАСЬКИ, МИШКИ, ВАНЬКИ В МЕЛОЧНЫХ

Приказчики и пекаря в мелочных жалуются на свое тяжелое житье-бытье, а как живут мальчики в подобных лавках, при каких условиях работают разные Васьки, Мишки, Ваньки, оторванные от родной семьи и отданные под опеку приказчиков, об этом—ни слова.

12-летних мальчиков привозят из деревни извозчики, «корреспонденты», как называют их торговцы. Промысел извозчиков состоит в том, что из деревни в Питер привозят живой товар, т.-е. мальчиков, отдают в услужение в лавки, в мастерские и пр.; сдавши мальчиков, набирают от земляков посылок и отвозят в деревню. Вернется домой извозчик, приходит мать, отдавшая для отправки в Питер сына, и спрашивает: «как дела?»—«Ниче-

го»,—отвечает извозчик,—«сынка твоего поставил в мелочники, к хозяину хорошему и богатому, только бы себя вел, как следует—человеком будет». «Ну и слава тебе, господи!»—набожно крестится мать и уходит.

Посмотрим, как живет мальчик у богатого хозяина.

Мелочная лавка... потомственного почетного гражданина Н. Состав служащих: старший приказчик, двое подручных, пекарь и мальчик. Лавка закрывается в 10 часов вечера, приказчики ужинают, мальчик им служит, после ужина приказчики уходят спать, но мальчику спать еще не время, у него дела много: надо вычистить весы, приготовить начинку для пирогов, смазать листы, наконец, часов в 12, управившись с делами, ложится он спать; в 3 часа ночи встает пекарь и будит мальчика, разоспавшийся мальчик в ответ что-то мычит, повертывается на другой бок и засыпает вновь. Тогда пекарь берет веревку, которой и будит мальчика. С плачем вскакивает мальчик с постели, разогревает самовар и начинает таскать дрова из печки; глаза слипаются, усталые ручки плохо повинуются ему, а пекарь кричит: «с к о р е й!». Проработает мальчик с час и ложится спать вновь. В 6 часов утра встают приказчики, встает и мальчик. Приказчики выходят в лавку, мальчик остается в пекарне,—надо согреть самовар для приказчиков, приготовить обед, но мальчика ежеминутно требуют в лавку: сходи на почту, снеси провизию и т. д.

Немало углубляют труд мальчиков и покупатели. «Ах, я забыла жестянку под керосин»,—говорит какая-нибудь Марья Ивановна,—«пусть мальчик сходит ко мне, возьмет жестянку и принесет керосин». Мальчик бежит на пятый этаж за жестянкой, чтобы принести керосину, а когда принесет керосин, Марья Ивановна вздыхает—«ах, мальчик, я забыла соли». Мальчик обязан и это принести. Иная прислуга корчит из себя барыню, считает неприличным ходить с мешком за провизией, наберет на 20 или 30 коп. и это тоже снеси мальчик. Из квартиры в квартиру, из подвала в 5-й этаж бегают мальчик, а на кухне погас самовар, не поспел обед, за что получает он подзатыльники.

Долг приказчиков облегчить условия труда мальчиков, а для того, чтобы облегчить участь мальчиков и свою, надо организоваться, ибо в отдельности каждый из нас сделать ничего не может, а в единении—сила.

Приказчик-мелочник

(«Невская Звезда», 22-го июля 1912 года, № 18 стр. 4)

КРАСНОЕ ДЕТСТВО ДЕТЕЙ ПРОЛЕТАРИАТА

Играйте же, дети. Растите на воле.
На то вам и красное детство дано.

Не очень-то красное детство дано детям рабочих и ремесленников, живущих в больших городах. Так бедно оно впечатлениями, что нечем его будет вспомнить. Московский педагогический кру-

жок задался целью выяснить, каково умственное развитие детей, поступающих в московские городские школы.

Для начала были опрошены 354 детей, не старше 8 лет, только что поступивших в школу; при чем в числе этих 354—нет детей, родители которых занимаются либеральными профессиями (адвокатов, врачей, учителей, писателей и пр.). Результаты этой анкеты рисуют нам всю беспросветность детской жизни пролетариев. Дети рабочих начинают помогать по дому с 4-х—5-ти лет. В восемь лет они уже несут труд взрослых. Восьмилетние ребятишки не только нянчат и таскают своих маленьких братьев и сестер, они и стирают, и моют полы, таскают дрова и даже помогают в ремесле.

Особенно тяжело приходится девочкам, которые исполняют почти все домашние работы. Из числа всех опрошенных детей 85 проц. девочек и 54 проц. мальчиков оказались занятыми домашней работой. Родным некогда заниматься с детьми—так они поглощены работой. Половина детей не слыхала никаких сказок, никаких рассказов. 76 проц. опрошенных детей никогда не были на загородной прогулке, да и вообще нигде не бывали дальше ближайших улиц, не видали Кремля, Москвы-реки. 85 проц. детей никогда не бывали в деревне зимой, а почти половина (40 проц.) не бывала никогда в деревне и летом. Есть много таких детей, которые никогда не видали коровы, барана, утки, не бывали в лесу, в поле, никогда не собирали ни ягод, ни грибов. Есть такие, которые никогда не видели курицы...

Что же знают эти дети?

На вопрос, сколько у курицы ног, отвечают 3—4. Не знают, кто больше—ворона или воробей. Многие не знают имен своих отцов и матерей, не знают чем занимается отец, на какой улице живут, во сколько этажей дом, в котором они живут... На вопрос, могут ли рассказать какой-нибудь случай из своей жизни, 70% детей сказали, что не могут. Некоторые очень определенно отвечали: «ничего рассказывать, ничего не случилось», или «не припомню ничего не видала». Такова жизнь детей московской бедноты.

В Питере не лучше. Послушайте рассказы городских учителей. Каждая расскажет вам настоящие ужасы о жизни своих учеников.

Что же делать? Нужно, прежде всего, самым внимательнее относиться к детям, к их духовным потребностям. Нужно, кроме того, бороться за улучшение материального положения, чтобы была возможность не взваливать на детей тяжелый труд, нужно, наконец, добиваться от города учреждения целой сети хороших детских садов, где бы дети, начиная с 3—4 лет, могли бы играть и, играючи, учиться: знакомиться с природой, с широким божьим миром. В этой области у нас еще ничего не сделано. А это так необходимо: ведь, дети—это наше будущее. Они должны быть хорошо вооружены для борьбы за наши идеалы.

(«Правда», 19-го сентября, 1912 г., № 121, стр. 1-2)

«РАБОТА» КОМИССИИ ПО УЛУЧШЕНИЮ ПОЛОЖЕНИЯ УЧЕНИКОВ НА Ж. Д.

(Борисоглебск, 1903 г.)

После июльской забастовки 1903 года, рабочие решили стать на работу в виду данного тамбовским губернатором обещания, что все претензии и требования их будут рассмотрены в самом скором времени. Однако, рабочие плохо верили этим обещаниям и в половине июля стали поговаривать о стачке; но в это время была получена телеграмма о том, что из Петербурга уже выехала комиссия для расследования причины забастовки.

Действительно, 19 июля из Петербурга приехал главный инспектор российских железных дорог Горчаков и инженер Гофман, а из Воронежа—представители юго-восточных ж. д.: управляющий Павлов и нач. тяги Трубчанинов.

Комиссия опрашивала родителей учеников. Были заявления, жалобы, главным образом, по двум пунктам: во-первых, все родители указывали на ничтожное вознаграждение, получаемое учениками (10, 15 и 20 коп.). Во-вторых, на крайний произвол при приеме учеников и при назначении им жалованья: и здесь, как по отношению к мастеровым, господствует кумовство и взяточничество. Кроме того, много было жалоб на то, что так назыв. учеников никто не учит, а силой заставляют их подметать сор, носить тяжести, иногда непосильные и т. п., так что по окончании учения ученики нередко знают и умеют столько же, сколько при поступлении в это учение.

Прошел месяц, а обещанного ответа из Петербурга все не было и не было. С конца августа среди рабочих начались усиленные разговоры на ту тему, что их обманули. Справедливость заставляет указать, что часть требований была уже выполнена. Именно: грубое обращение сменилось очень вежливым. (Кожухов даже мальчиков стал называть на «вы», а при встрече с рабочими первый снимал фуражку). Главные же требования: увольнение Кожухова и установление минимальной поденной платы для всех рабочих и для мальчиков—оставались неисполненными.

(«Рев. Россия» № 34, стр. 18, 15-го октября 1903 года)

«НРАВЫ» В ЗАВОДСКИХ ШКОЛАХ

(Балтийский завод, Школа)

1-го июня в заводской школе происходил акт выпуска учеников и чествование мастера школы П. И. Устинова по случаю его 35-летней службы на заводе и в школе.

Этот случай позволяет нам остановиться на заводской школе, ее порядках, педагогическом составе ее и проч.

Чествование старого, и надо сказать, любимого преподавателя привлекло в зал школы массу старых учеников, теперь уже отцов, дети которых учатся там же.

В первый момент радостное настроение многих рабочих было испорчено следующим фактом: при входе начальника завода ученики школы по команде—«с м и р н о», как заправские солдаты, отчеканили—«здравия желаем ваше пр-ство». Думается, что рабочие отдали в школу детей для получения знаний, а не для забивания их голов военщиной и шагистикой — они, ведь, не «потешные».

Впрочем, испортившееся настроение укреплялось еще целым рядом фактов.

Остановлюсь на напутственных речах, коими проводило окончивших учеников «наше начальство» в жизнь. Первым говорил инспектор. Речь его свелась к тому, что в предстоящей жизни есть два пути: «добра» и «зла». Первый—тот, когда кончившие школу будут подобострастны начальству, будут стараться выслужиться и на несчастья своих товарищей строить свое личное счастье; второй путь—тот, когда они попадут под влияние разных «сообществ» и развратятся нравственно и физически.

Ошибаетесь, уважаемый педагог, семена солидарности и братства должны вы сеять, а не семена подслуживания начальству.

Все-таки верхом совершенства была речь начальника завода: «идите в жизнь, трудитесь и не забывайте, что вы учились «бесплатно», а потому должники завода».

Наш милый «благодетель», наши отцы своим потом и кровью, работая на заводе, заплатили втридорога за наше ученье.

Группа бывших учеников

(„Невская Звезда“, 10-го июня 1912 г., № 12 стр. 4)

СИСТЕМА «ОБУЧЕНИЯ» УЧЕНИКОВ У ЩЕЛКУНОВА В СИБИРИ

(«Черемхово»)

Женский и детский труд представляет для капиталистов одно из средств, чтобы понижать заработную плату рабочих, так как, во-первых, предложение рабочих рук на рынке труда увеличивается, сила сопротивления детей и женщин гораздо слабее и, наконец, капиталисты в таком случае могут «заботиться» только о содержании одного члена семьи. В этой корреспонденции будет освещен маленький уголок сибирской промышленности, где эксплуатируется детский труд. Дети, как неокрепшие молодые растеньица, требуют крайне осторожного обращения. Но на это не обращают внимания.

Мастерские при каменноугольных коях Щелкунова представляют типичный образец в этом отношении. Необходимо заметить, что раньше в этих мастерских производился ремонт своих машин, а теперь в большом количестве поступают частные заказы, которые с первого же года дали сравнительно большой барыш; дела

развиваются, и мастерские через 2—3 года превратятся в настоящий завод.

На 60—65 человек общего количества рабочих приходится около 20-ти мальчиков, в возрасте 13—15 лет, и подростков—15—17 лет. Заведывающий мастерскими, инженер Аксаментов, установил, как правило, держать мальчиков месяц, а то и два бесплатно, мотивируя это тем, что труд учеников не должен оплачиваться. Но каково это «ученье?»

Возьмем недавние факты.

Вот мальчик С.—целый месяц состоит в разряде бесплатных; он сначала был занят чисткой инструмента и станков, переносил железный кронштейн, помогал сторожу собирать стружки и опилки в столярной и т. п. Потом его перевели смазчиком в машинное отделение. Здесь он работает по 12 часов, а через одно воскресенье на дежурстве—целые сутки.

Вот такую работу инж. Аксаментов называет учением, и мальчик на первых порах весь этот труд должен отдавать, как бесплатное приложение к своему будущему микроскопическому заработку; этому мальчику со второго месяца платят 6 руб.; другой же, постарше, дошел до 10 руб., дальше чего обыкновенно не идут мальчики. Прежде были лет 17—18 и получали 12 руб., а теперь инженер с легким сердцем ставит лет 13—14 и начинает плату с 6 руб. Само собой разумеется, что утомительное ночное дежурство в 12 час. для маленьких смазчиков при машинах далеко не безопасно. Так машинист рассказывал, что один из мальчиков, задремав, услышал стук и это на него подействовало как электрическая искра—он быстро вскочил, бессознательно схватил масленку и сонный бросился к машине... Машинист во время удержал. Только случайностью и бдительностью машиниста можно объяснить то, что не было печальных последствий. Кроме того, эти маленькие смазчики, как и машинисты, прикованы к машинам и в праздники, а если иногда и разрешается отпуск, то за это высчитывается, как за прогул.

А вот еще бесплатный мальчик Л., тоже проходит курс «науки»—он стоит при ковочном прессе; его «ученье» заключается в том, чтобы смачивать штамп этого пресса. Шторм поднимается, а мальчик тряпкой смачивает или из коробки плещет на разгоревшийся штамп. На прессе работают несколько мальчиков и двое взрослых рабочих, работают непрерывно, а бесплатный мальчик сидит и примачивает, не отрываясь, 10 час. около горна и кучи раскаленного железа. Пот льет градом... Вот если сломается штамп, тогда он рад—имеет небольшой отдых. Пресс работает день и ночь; ночью такая же смена с поденным мальчиком Т., получающим 30 коп. Оба эти мальчика работают при сдельных работах, т. е. они должны работать с таким же напряжением, как сдельщики, а, между тем, один проходит «курс», а другой получает только свои поденные гроши. Это ли все не эксплуатация!

Вот еще яркий пример. Подручный З., лет 16—17, более полугода получал 40 коп., при чем работал, как настоящий опытный подручный при клепке, рубке, ремонте вагонеток и др. работах. Потом, после частых напоминаний о себе, он добился 50 коп. Этому подручному З. часто приходилось заменять и молотобойца. Правда, он стоял при котле, назначенном для отопления зданий. правда, кочегары так получают 20—25 рублей в месяц, т.-е. 70—80 коп. в день, правда, и то, что инженер Аксаментов тоже с легким сердцем оставляет котел на подростка. За ночное дежурство этому З., как и всем поденным, заменяющим временно окладных, он платит за 10 часов, хотя фактически стоит 12 часов, не прибавляя сверхурочных.

В столярной мальчик работает около 3-х лет и получает 30 коп., тогда как исполняет самые разнообразные работы: окраска моделей, обделка досок, подвозка теса, уборка его, переноска разных вещей и т. д. В литейной за 20 коп. приходится мальчишам переносить тяжести и угорать во время литья. При «жаловании» в 20—40 коп. приходится стоять в зимние холода при паровом насосе в разрезе, на открытых работах, ночных работах, до упаду и т. д., и т. д.

Приходится удивляться, как это еще инженер Аксаментов со своей «теорией» бесплатного обучения мальчиков не дойдет до того, чтобы брать с них за такое обучение, как это делается обыкновенно в частных учебных заведениях. Понятно, редко кто из таких мальчиков выдерживает «полный курс», очень часто меняются, при чем ежели кто из них возвращается, то его принимают уж на меньшую плату. Так подручному Б., получавшему ранее 50 коп., дали 40 коп., приговаривая: «не бегал бы». Б.—хороший подручный лет 18.

Можно было бы привести еще и еще факты и все они будут показывать систему... выжимания пота.

ОБУЧЕНИЕ УЧЕНИКОВ В ШКОЛЕ НАБОРНЫХ МАШИН

(Петербург. Школа наборных машин «Линотип» Л. Геллера.
Коломенская, 39)

В школе машина стоит только для гг. покупателей, а не для учеников.

Стоит машина, а работать на ней не приходится, не только работать, но и конструкцию-то ее не усвоишь, потому что в «школе» нет инструктора, который обучал бы, который давал бы ответ на задаваемые вопросы. Ведь инструктор—значит учитель, а раз учитель, то должен показывать и учить на практике, а такового, т.-е. инструктора, в школе совсем нет и ученики совершенно почти ничего не выносят из школы и выходят из нее, видя

бесполезное пребывание в таковой, а г. Геллер и г. Лейванд заказчикам сообщают, что ими расширена школа для подготовки механиков и наборщиков на машине «Линотип».

Отсюда не стесняются посылать на места наборщиков, откуда поступают требования учеников, и в результате получается то, что ученик, придя в типографию, боится прикоснуться к машине, так как первый раз видит машину в ходу. Предприниматель же, видя незнание учеником машины, заявляет ему, что у него не богадельня и что ему нужны работники, а не богадельщики.

Ученик, видя свое безвыходное положение, решается бросить «учение» в школе.

Инструкторов для школ наборных машин большею частью выписывают из-за границы, требуют они высокое жалованье. А г. Геллер, чтобы не платить инструкторам 100—150 рублей в месяц берет мальчиков, которым заявляет: «прослужишь 2½ года — будешь инструктором».

Был недавно такой случай. Поступивший в качестве ученика, с условием на 2½ года, ученик по истечении этого времени стал говорить о повышении платы и указал, что срок по условию уже истек и что он не может на 25 рублей существовать. Тогда Геллер сказал ему: «вот тебе проба, возьми старую машину и отремонтируй ее заново». Эта машина была непригодна к работе. Ученик согласился. Отремонтировал. Сказал Геллеру — может ли он вообще ремонтировать и отвечает ли назначению инструктора; на машину Геллер посмотрел, велел пустить в ход, чтобы убедиться будет ли она работать. Ученик все это сделал и доказал Геллеру, что вполне отвечает требованиям, возложенным на него.

Но все-таки Геллер почему-то стал торговаться, прибавляя по 5 рублей, когда ученик заявил ему, что он уходит, и вот доторговались до 40 рублей. Геллер сказал, что больше не положит жалованья. Ученик же на это не согласился и поступил в типографию. Узнав про это Геллер прибег к угрозе невыдачи частей к машине той типографии, куда ученик поступил, до тех пор, пока не удалят ученика из типографии, мотивируя тем, что это «беглый ученик» и что ученик: «у меня машины попортил», на что управляющий типографией не обратил внимания.

Андрей Машинный

(«Невская Звезда», 25-го августа 1912 г. № 23, стр. 4)

Партия и рабочий класс в защиту рабочей молодежи

ИЗ ВОЗЗВАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Посмотрите на мальчиков: они дети лет 14—16, а работают теперь за взрослых. Вместо прежних 8-ми часов, держат их теперь по 10 часов, а на железодельном заводе и по 12, без отдыха и перерыва. Что казне, что Верховскому до того, что гибнут молодые силы. Лишь бы поменьше заплатить, да побольше выжать. Выжимают из человека все его здоровье, а окажется при осмотре слабым — проваливай. На твое-де место найдется много голодных. И малышам же, товарищи, приходится, таким образом, выбывать из строя. В цинковочной, в этом подвале без света и воздуха, от купороса рабочие через 3—4 года получают чахотку, а этой отравой дышат 200 человек. В трубопрокатной от фосфора проваливаются зубы. Да, можно сказать живем мы на казенных адмиралтейских заводах, как у христа за пазухой...

Мы требуем:

...8-часового рабочего дня для подростков 14—16 лет.

С.-Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса. Апрель 1898 года.

(Листок «Работник», ноябрь, 1898 года, № 9—10, стр. 44—45)

УМЕНЬШИТЬ ШТРАФЫ МАЛЬЧИКАМ

(Из воззвания Киевского союза борьбы. Киев. 1898 г. Письмо).

К рабочим Южно-русского машиностроительного завода.

Товарищи! Ни на одном из более крупных киевских заводов рабочие не находятся в таких тяжелых условиях, как на нашем. Нас донимают штрафами, заставляют работать дольше, чем на других заводах, обращаются с нами крайне грубо, а более мелких придирок и не счесть... У нас вон дерут за несколько минут опоздания 15 копеек штрафа, не обращая внимания на причины, заставляющие рабочего опоздать. Дерут 15 коп. штрафа и с взрослого рабочего, зарабатывающего рубля полтора в день, и те же 15 коп. дерут с мальчиков, зарабатывающих всего копеек 40 в день. Какое дело нашим хозяевам до того, что изнуренный и измученный непосильным трудом мальчик за опоздание в 2—3 минуты должен отрабатывать больше 4-х часов?

ИЗ ПРОКЛАМАЦИИ ДОНСКОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ

Товарищи! Закон запрещает мучить животных, но о наших детях никто не заботится, их позволяют томить на тяжелой работе. За 35—40 коп. в день мальчиков 14—15 лет принуждают на голове перетаскивать картон со станков по 2½ пуда за-раз на высоту 4-х аршин. От этой каторжной работы у них волосы вытираются, ходят они как ошалелые, их молодые силы гибнут и разрушаются, они болеют и рано стареются. Сотни детских жизней губятся из-за непомерной жадности и прожорливости шайки грабителей и бездельников, проводящих свою жизнь в кутежах и празднествах. Что для них сотня—другая детей? Ведь мальчишке можно дать 35-40 коп.—он и этим будет доволен, а рабочему пришлось бы платить 60 коп., а то и более. Асмолов проживает в месяц несколько тысяч, а наладчику довольно 9—10 руб., мастеру хватит и 10—15 рублей.

Пусть, как хотят околевают с голоду со своей семьей, с малыми детьми и женой. Другое дело—мастеровые, которые доводятся начальству родственниками или подносят приказчику огурцы, картошку со своих бахчей, да те подлецы, у которых языки длинные, которые шпионят за рабочими и доносят на них начальству, те получают 35—40 руб. Плохо, тяжело живется нам, товарищи!

(Листки «Жизнь» 4—17 декабря 1902 г. стр., 31)

ТРЕБОВАНИЯ БУЛОЧНИКОВ ОБ УЧЕНИКАХ

Началась забастовка булочников...

Булочники рабочие предъявили следующие требования.

...10) Ни один хозяин не имеет права держать более одного ученика на одного мастера и двух подмастерьев. 11) Мальчиков должно брать в ученье не моложе 15-ти лет и на срок не более 2-х лет. 12) Не заставлять мальчиков исполнять работу, не относящуюся к ремеслу. 13) Рабочий день мальчиков не должен превышать 6-ти часов. 14) Хорошее помещение и здоровая пища...

(«Курьер», 4 (17) июня 1906 года—№ 17. Рабочее движение. стр. 3)

«ПРАВДА» — В ЗАЩИТУ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

«Молодое поколение—цвет нации», часто говорят буржуазные педагоги. Пролетариат может им ответить: «наше молодое поколение—наша будущая сила». И нет более последовательного, более искреннего защитника свободного развития молодых человеческих жизней, как организация пролетариата. Выступая в защиту молодежи, рабочий класс выступает в защиту самого себя, в защиту своего будущего развития, ибо вчерашний ребенок и

сегодняшний подросток, завтра юношей пойдет за станок на фабрику, за конторку и прилавок. Ибо для пролетариата необходимо, чтобы уже в малолетке-рабочем, ученике, создавалось гордое сознание собственного человеческого достоинства.

В свободных странах Западной Европы сознательные рабочие много внимания отводят «юношеским организациям», «организациям молодежи» и т. д. В них молодой рабочий приносит своим товарищам жалобы на различные притеснения больших и малых фабричных и заводских заправил; в них юноша получает первые уроки классовой сознательности и общей солидарной борьбы. У нас стеснена деятельность всех рабочих организаций. И для своего воздействия на рабочую молодежь, для выступлений в защиту ее, наши сознательные рабочие ищут и находят другие пути. А между тем, у нас более, чем где-либо, интересы труда молодых рабочих и заводских учеников не обеспечены.

Низкая заработная плата, продолжительный рабочий день, непосильный тяжелый труд, грубое обращение мастеров, болезни и увечья,—все это давит молодой организм и молодой ум, препятствуя выработке сильного и сознательного борца. И, выступая против жестоких фабрично-заводских порядков в защиту своей молодежи, сознательные рабочие должны свою деятельность строить на сознательной организованности. Защита молодежи, защита интересов молодых рабочих и фабрично-заводских учеников должна входить неотделимою частью в круг задач рабочих организаций.

(«Трудовая Правда» 21-го июня 1914 г. № 21, стр. 2)

ЗАЯВЛЕНИЯ УЧЕНИКОВ ПОРТНЯЖНОГО ДЕЛА В ПРОФСОЮЗ

Последнее время в правлении о-ва рабочих портняжного дела часто рассматривались заявления об отношениях между учениками и хозяевами.

Первое заявление было 11-го июля т. г. от мастерской А. И. Иванова. Ученица А. Б. была отдана в ученье на 5 лет без всяких условий и договоров,—как было сказано «на совесть». В период ученичества работать ученице приходилось исключительно с кухонной посудой, а также мыть перчатки артельщику и мастерице. Было также систематическое применение наказаний, как-то: устраивались бумажные колпаки, которые надевались на голову, иногда применялась и кулачная расправа.

16-го мая, по окончании сезона, г. Иванов, при отъезде на дачу, за ненадобностью ученицы, дал последней 10 рублей и заявил: «можешь идти». Куда? Ответ прост: «на все стороны, на произвол судьбы»...

Следующее заявление было 26-го июля, от мастерской Олой (Вознесенский пр., уг. Садовой), где работает большинство женщин. К последним даже приставали с гнусностями.

Далее было заявление от мастерской Шувалова (штучник). Мальчик, прожив всего около 3-х месяцев, уже прибежал к родителям с жалобой: «хозяин уехал на дачу, оставил нас одних (5 чел.) и 2 рубля денег, которые уже все вышли и кушать не на что». Но для родителей это не новость. Зная, что не он первый и не с ним последним такое явление... спровадили обратно. Но это не надолго и мальчик прибежал вторично. Говорит, что хозяин бьет, приходит в 1 час ночи пьяный, кричит на мальчиков, заводит драку с женой, при чем мальчик должен содействовать, т.-е. стоять с лампой и смотреть на ужасающую картину. После жены, в свою очередь получают побои и мальчики.

Эти картинки жизни ясно доказывают, что бессовестная эксплуатация и бесчеловечность по отношению к ученикам—вещь обычная в среде хозяев.

Не следует ли организованным рабочим смотреть на это равнодушно и применяться к хозяйским нравам и существующим условиям, оставляя без внимания безвыходное положение меньших товарищей? Нет, рабочие должны и обязаны все это принять во внимание и в ближайшем времени заняться изысканием способов защиты учеников и учениц вмешательством союза.

Рабочий

(«Невская Звезда». 12-го августа 1912 г. № 21 стр. 4)

МАЛЬЧИКИ ПРИБЕГАЮТ К ПОМОЩИ ПРОФСОЮЗА

В правление общества поступило следующее заявление от Ивана Яковлевича Нечаева, мальчика ресторана «Яр».

«22-го апреля т. г. в 7 час. вечера я работал на кухне ресторана «Яр», при чем добавлю, что в этот день была большая торговля. Меня заставили резать ветчину. При большой спешке я затерял где-то свой нож и, чтобы нарезать ветчины, взял нож, лежавший на прилавке, и стал резать. В это время приходит повар Копылов, Александр Андреевич и, увидав, что я режу ветчину его ножом, ударил меня по уху с такой силой, что я упал и у меня из другого уха пошла кровь. А потом, когда я встал, Копылов бил меня по спине.

После избияния, в знак наказания назначил меня дежурить на все лето с часа дня до шести часов утра следующего дня. Не заслуживая такого наказания и считая поступки его по отношению меня неправильными, я ушел со службы. Свидетелями означенного избияния были: И. В. и Богов, Н. П. На основании вышеизложенного, прошу правление общества принять меры против варварских приемов господина Копылова и оградить от подобных рукоприкладств оставшихся мальчиков на кухне ресторана «Яр». На кухне ресторана «Яр» я работал в течение трех лет».

Правление, по получении заявления ученика Нечаева, послало письмо как Копылову, так и свидетелям, чтобы они явились на заседание 29-го апреля. Свидетели, по приглашению правления, явились, а Копылов не явился—не считал для себя нужным. Свидетели Богов и Часовников, подтвердили факт избиения с добавлением, что мальчик после избиения так сильно плакал, что не мог даже отвечать и уши у него были заложены бумагой. Они также сообщили, что такие избиения как со стороны Копылова, так и других—вещь обыденная.

Правление, обсудив всесторонне означенный случай, постановило: «в виду недопустимости варварских приемов со стороны члена общества Копылова, войти с предложением на общее собрание об исключении Копылова из членов общества и передачи дела об избиении юристу общества, для привлечения Копылова к судебной ответственности».

(«Путь Правды», 17-го мая 1914 г., № 89. Москва. стр. 4)

СОЮЗ ДЕРЕВООБДЕЛОЧНИКОВ О ДЕТСКОМ ТРУДЕ

В субботу 14-го сентября, в доме гр. Паниной, состоялось общее собрание членов профессионального общества рабочих по обработке дерева. Присутствовало на собрании 420 членов. Так как данное собрание является продолжением обсуждения вопросов, незаконченных на общем собрании 21-го июля, то на повестке дня значились вопросы, касающиеся охраны труда: 1) продолжение обсуждения вопроса о детском труде; 2) о сверхурочных работах и 3) текущие дела.

Докладчик по данным, собранным с мест, ярко обрисовал неприглядную картину положения мальчиков-учеников на фабриках, но в особенности по мелким мастерским, где они находятся в отвратительных условиях. Работать им приходится больше взрослого подмастерья—от 12 до 17 часов в сутки, при весьма скудном питании; кормят отвратительной пищей, постелей никаких нет, спят в грязи, осыпанные клопами, вшами и другими паразитами, где попало: на верстаке, под верстаком, в стружках, и в чем ходят и работают. Большей частью исполняют работы домашние, ничего общего не имеющие с ремесленным трудом, для обучения которого были взяты. Исполняют работу носильщиков, разносят работу по местам, навьючивают на голову мальчиков лет 10—12-ти по 6-ти стульев, нести которые впору взрослому человеку. Начиная с 5-ти часов утра и до 10—11 час. вечера приходится работать непрерывно. В особенности отличаются хозяева из так называемых «ямских краев», т. е. улицы—Ямская, Боровая, Предтеченская, Лиговская и Волкова деревня, не говоря об Охте, где хозяйки распоряжаются, как им на ум взбредет (заставляют мальчиков выносить ночную посуду из своей комнаты). Работают в праздники. В довершение всего этого, редко выпадает такой день, чтобы ученик не был избит за малейшую ошибку немило-

сердно: рассердившись на членов своей семьи, хозяин возмещает злобу на учениках. За отказ мальчиков от непосильной работы в праздничное время их выгоняют раздетыми, босыми на мороз.

Яркий пример дает имевший на-днях место факт избияния ученика на фабрике Оффенбахера, где мастер без всякой уважительной причины избил мальчика. Это на фабрике, где условия должны быть более сносными, чем у кустаря-«рашпиля»: некоторые из более сознательных рабочих—человек 7—8—запротестовали, за что получили маршрут за ворота: остальная же масса рабочих (на фабрике работают 160 человек) к своему позору осталась совершенно пассивной.

Приводя вышеизложенные факты, докладчик говорит, что такая постановка учения есть только глумление над личностью и достоинством учеников и из них выходят плохие подмастерья-работники, притупленные умственно, физически слабые, а о нравственности и говорить не приходится. Так как все рабочие заинтересованы в том, чтобы быть здоровыми и сильными физически и нравственно, то необходимо обсудить этот вопрос, наметить и проводить в жизнь меры, охраняющие детский труд.

После доклада ряд ораторов подтверждают указанные докладчиком факты мрачной картины и добавляют, что сами рабочие способствуют развращению учеников, посылая их за вином в казенку и в пивную и на др. посылки. Другие говорят, что существуют законы 1882 или 83 г., ограждающие детский труд, но они существуют только мертвой буквой на бумаге. Тов. Д—ский говорит: «хоть и есть законы, охраняющие в некоторой степени детский труд, но о них никто не знает, а тем более их никто не исполняет, и не только в деревообделочном производстве, но и в других отраслях идет жестокая эксплуатация детского труда».

Необходимо всем организовать в профсоюз и, если будет в каждой мастерской большинство членов союза, то лишь тогда можно вполне надеяться на успех защиты дет. труда, тогда и законы помогут. Тов. С. предлагает защиту детского труда производить своим примером, т.-е. давать пример своим поведением, так как мальчики берут пример со взрослых, а если будут единичные выступления в защиту их учеников, то им всегда скажут: «не лезь со своим уставом в чужой монастырь».

Тов. М. указывает, что закон 1882 года, до некоторой степени охраняющий детский труд, отменяется законом 1886 г., где допускается эксплуатация детского труда почти неограниченная. Он предлагает иметь на местах самое братское отношение к ученикам. Тов. В., подтверждая жестокую эксплуатацию детского труда, предлагает, как средство защиты, самую тесную сплоченность в организованные профессиональные союзы. Тов. П. указывает на работу Всероссийского с'езда фабр. врачей, где много говорилось о детском труде, о 6-часовом рабочем дне для них, об училищах, и много, много говорилось, но ничего не сделалось, а потому предлагает самим бороться с этим злом путем организации

в сильные профсоюзы, с которыми необходимо пришлось бы считаться всем хозяевам. Только тогда может быть поставлена на должную высоту степень защиты детского труда.

После выступления еще нескольких ораторов, объявляется перерыв, во время которого была выработана и затем единогласно принята следующая резолюция:

«Дабы вывести учеников из жалкого и забитого положения, мы постановили:

1) дать ученикам право бесплатного хода на лекции, экскурсии и прочие культурно-просветительные места за счет общества;

2) принимать всевозможные меры для того, чтобы ученики посещали вечерние и воскресные курсы;

3) ознакомиться обществу с юридической стороной, дабы могли мы иметь законное право защищать ученика перед коронным судом, требовать от городского самоуправления технических школ;

4) предложить соц.-дем. фракции гос. думы внести законопроект, ограждающий ответственностью детский труд, согласно которому рабочий день был бы не более 6-ти часов в сутки: а) запрещающий сверхурочные и домашние работы, б) помещения для жилья учеников должны быть отдельно от мастерской и с кроватью для каждого ученика; в) не должны приниматься на работу мальчики и девочки моложе 15 лет; г) нравственное обращение с учениками; д) лечение (в случае болезни) за счет хозяев с платой за время болезни; е) воспрещение срочного найма учеников.

ЗАЩИЩАЙТЕ ДОСТОИНСТВО МАЛЕНЬКИХ ТРУЖЕНИКОВ

Изо дня в день в рабочую газету посылаются скорбные вести о дикой расправе—то хозяев, то старшего мастера над «маленькими пролетариями»—учениками. В пролетарской печати часто делаются упреки по адресу «взрослых» рабочих за то, что они, если не сами истязают, то в лучшем случае, молча и равнодушно относятся к тому, что делается над юными пролетариями. Корреспонденты стараются устыдить взрослых и доказать им, что это несправедливо.

Вот, например, сообщалось вчера, что в модной мастерской Варламова варварски избиты мальчики Турбонов и Шаров на глазах 11-ти взрослых рабочих. Товарищи, очевидно, рассчитывают на то, что эти взрослые устыдятся и в следующий раз не дадут истязать детей.

Стыда мало, скажем мы товарищам. Понятно, что такое отношение взрослых лишь свидетельствует о темноте их, бессознательности. Разве может сознательный рабочий хладнокровно глядеть на то, как на его же плазах дерут ремнем будущего члена рабочей семьи, ребенка, которого вышвырнули в грязную мастерскую го-

лод и нужда родителей. Сознательный рабочий всегда заступится и постарается облегчить ученику его тяжелую, утомительную жизнь.

А вот рабочие, у которых сознание затемнело, они-то и гогочут, когда зверь-хозяин стегает ученика, ободряют его своим сочувствием. Тут пристыдить—мало. Надо стараться в их головы провести рабочую мысль и, таким образом, просветить их, чтобы они стали смотреть на ученика, как на будущего товарища и за него постояли.

А ежели кто из них упорствовать будет и на зло другим будет доносить хозяину и вызывать его расправу, можно не стесняться и назвать его в рабочей печати. Пусть все рабочие знают, что он попросту злодей. Так можно скоро отучить этих мастеров от кулачной расправы. Куда не сунется такой субъект, ему рабочие и скажут: «ах, это ты, душегуб, детей уродуешь»... И отойдут прочь от него. Ведь, сознательный рабочий не будет смотреть на то, что избит не его родной мальчик-ученик, а чужой.

Рабочие дети или ребята городской бедноты—все родные рабочему, потому что из них через несколько лет выйдут такие же пролетарии, как он сам.

А главное, не следует забывать самого хозяина. Бить он не имеет права. За истязания он отвечает перед судом. Надо каждый раз привлечь его и добиться того, чтобы мордобойный хозяин знал меру своему «нраву»—не переносить покорно жестокие побои и молчать, а немедленно сообщить в свою рабочую газету, а затем привлечь хозяина к уголовной ответственности, как привлек маленький приказчик купца Глибина.

О, руки станут коротки у этих скуловоротней, когда они будут знать, что в каждом случае будет дано знать в рабочую печать и суд. Пусть десятки раз хозяева оправдаются, пусть они воспользуются услугами тех из рабочих, кто им прислуживает по своей бессознательности. Но, ведь, избияния и истязания совершаются ежедневно и надо не пропустить ни одного случая безаказанно.

Мы должны отучить хозяев и старших от этой варварской «привычки» и чем энергичнее мы будем бороться с этим злом, тем скорее и взрослые перестанут сочувствовать хозяйским колотушкам.

Товарищи-ученики! Читайте рабочую газету и сообщайте в нее о каждом факте избияния, о каждом насилии над вами. Чем сознательнее мы будем сами, тем солидарнее будут к нам относиться те взрослые, которых мы так часто понапрасну стыдим.

Не-пайнька

(«Путь Правды», 3 апреля 1914 г., № 53. Из рабочей жизни стр. 3).

ЗАБАСТОВКА ИЗ-ЗА РАСЧЕТА МАЛЬЧИКА(Завод Лангензипен и К^о. Каменноостровский пр., д. 11)

Как известно, 10 июня на заводе Лангензипен, в казенном отделении, мастер Эк избил мальчика, вывел из мастерской, записал расчет и поставил штраф за то, что он отказался исполнять по пониженной расценке (7 коп. за сотню) ту работу, которую раньше исполняла опытная работница по 9 коп. за сотню, но, не выработывая 1 руб. в день и содрав себе руки, отказалась работать. Рабочие возмутились выходкой мастера; дневная и ночная смены заявили администрации завода, что не приступят к работе до тех пор, пока не будет уволен мастер, на что администрация ответила отказом, и рабочие казенного отделения 11 июня в 9 час. утра забастовали. С обеда к ним присоединились рабочие и других мастерских. Поданы требования:

- 1) уволить мастера Эк;
- 2) не рассчитывать избитого мальчика;
- 3) за забастовку никто не должен быть рассчитан.

Бастует весь завод в количестве 800 человек.

(«Трудовая Правда». 13 июля 1914 г. № 14. Рабочее движение, стр. 3)

ЗА МАЛЬЧИКОВ

(Зеркальная фабрика Безбородко Измайловский пр., д. № 24)

Утром 14 апреля хозяином было уволено 10 мальчиков за то, что они стали говорить о снятии с них штрафа в размере 10 коп. с каждого, наложенного на них 12 апреля. Штраф был на них наложен на покрытие, якобы украденного с фабрики, зеркала. После обеда 14 апреля, рабочие стали требовать снятия этого штрафа и обратного приема на работу уволенных. Хозяин отказал, после чего рабочие прекратили работы, предъявив следующие требования:

- 1) Снять с мальчиков штраф и принять их всех без исключения на работу.
- 2) Прибавить жалование всем по 20 коп.
- 3) Получку выдавать в рабочее время.
- 4) За забастовку никто не должен пострадать.

(«Путь Правды». 18 апреля 1914 г. № 64. Движение рабочих стр. 3)

ЗАБАСТОВКА РАБОЧИХ ТИПОГРАФИИ Е. ТИЛЛЕ ЗА УЧЕНИКОВ

Рабочие данной типографии наборного, машинного, переплетного и линовального отделений, в количестве 101 человек, 21 марта потребовали от конторы исполнения неудовлетворенного в 1911 г. требования об учениках, т.-е. не отвлекать их на посторонние работы.

За последнее время ученики наборного отделения отказались ставить и снимать формы с тискальщиком с подъемной машины, а также поднимать подъемную машину, так как им это не под силу. Либеральные хозяева малолетним рабочим ответили расчетом.

Рабочие возмутились таким поступком, устроили общее собрание и, обсудив данный вопрос, решили учеников защищать вплоть до забастовки.

После этого рабочие послали представителей от всех отделений с требованиями:

- 1) снять с учеников расчет и впредь их не заставлять делать посторонние работы;
- 2) за забастовочное время уплатить полностью всем рабочим и
- 3) за забастовку никто из рабочих-учеников не должен пострадать.

Хозяева отказались удовлетворить данное требование. В 5 ч. 12-го же, рабочие забастовали. Бастуют рабочие по отделениям.

а) наборное: 17 наборщиков (все члены своего проф. о-ва) и 13 учеников;

б) машинное: 9 накладчиков, 10 приемщиков и 4 «американца» (все члены своего проф. о-ва);

в) переплетное: 12 переплетчиков, 1 позолотчик, 1 лакировщик, 2 нумеровщика, 1 резальщик и 10 учеников (все взрослые—члены своего проф. о-ва);

г) женщин бастует в переплетном отделении 11: 1 нумеровщица, 1 швея, 7 фальцовщиц, 2 упаковщицы (все члены своего проф. о-ва);

д) линовальное: 2 линовщика, 1 линовщица, 3 чернорабочих, 2 ученика (это отд. не организовано).

Остался работать один накладчик—Соколов.

Места всех бастующих под бойкотом.

Осталось работать литографское отделение—8 чел. (не организованы).

Рабочие читают рабочие печатн. органы: «Нов. Печатное Дело»—50 чел., газ. «Правда»—45 чел., газ. «Луч»—5 чел. и «Трудовой Голос»—2 чел.

Забастовка 6 мая ликвидирована. Долго, упорно и организованно проходила эта стачка «за учеников». Не одну жертву принесла эта стачка (аресты бастующих), но стачка проиграна, так как набралось пол-типографии «желтых» рабочих (штрейкбрехеров).

Из бастующих обратно работать никто не стал.

(«Правда», № 68 (272) 22 марта 1913 г. и № 104 (308), 8 мая 1913 года)

О СТАЧКЕ РАБОЧИХ НА «Е. ТИЛЛЕ»

Еще на заре капитализма в России, Н. А. Некрасов писал о детском труде:

«Равнодушно слушая проклятья
В битве жизни гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?»...

В вопросе об охране детей, которых «в золотую пору малолетства» втянул прожорливый капитал, должно бы быть заинтересовано даже буржуазное общество.

Ведь, высасывая соки из детей в раннем возрасте, промышленность сокращает продолжительность жизни будущих работников и производительность их труда.

Ведь, буржуазное государство получает таким образом в армию хилых, тщедушных рекрутов. Даже теперь замечен колоссальный рост числа непригодных к военной службе новобранцев в фабричных районах.

Но господствующие классы равнодушно проходят мимо таких «государственных» соображений. Они по другим «государственным соображениям» не желают лишиться промышленности дешевого детского труда. А мелкая ремесленная промышленность только и дышит бесплатным и дешевым трудом и чрезмерной эксплуатацией.

Правда, для отвода глаз филантропы устраивают общества «защиты детей от жестокого обращения».

Но какая это комедия!

Идет, скажем, барыня по улице и видит: мальчик из сил выбивается, несет непосильную тяжесть.

Городовой!—запишите адрес зверя-хозяина.

Мальчик пуще плачет: «барыня, не надо! Меня бить будут за это!»

Но барыня, гордая своей чуткостью, записала адрес и пошла на скетинг. Хозяину ничего не будет, все останется по старому, а мальчика изобьют.

В уличных газетах жалобно опишут этот случай,—барыня героиней станет на скетинге...

И вот на страницах «Правды» печатается повесть о выступлении рабочих в защиту учеников.

Рабочие типографии Е. Тилле бастуют вторую неделю только из-за 4 учеников-подростков, которых заставляют таскать большие тяжести.

Рабочие эти требуют найма специального рабочего для тяжестей. Надо отметить, что почти все они состоят членами в проф. союзе.

Рабочие (около 100 человек) обрекли себя на все лишения и риск забастовки, отстаивая беззащитных учеников. Надо думать, что все товарищи-рабочие оценят этот факт высокой соли-

дарности и сознательности и поддержат выступление типографии Е. Тилле морально и материально.

Это—не единичный факт.

В числе требований, предъявленных, например, бастующими портными мастерской Черенковой (Стремянная, 7) мы видим:

4) «вежливое обращение с рабочими и человеческое отношение к девочкам».

Значит, отношение к девочкам было нечеловеческое и рабочие решили искоренить его.

Таким образом, только рабочий класс добивается и законодательной охраны детского труда и только он защищает детей при данных условиях от чрезмерной эксплуатации в промышленности.

Стачка за учеников у Тилле останется в памяти у подростков, они запомнят братский порыв рабочих в их защиту и займут места борцов в первых рядах, когда вырастут.

А. Алексеев

(«Правда» № 76 (280), № 77 (281) 31 марта—2 апреля 1913 г.)

РАБОЧИЕ ЗАБОТЯТСЯ О ВОСПИТАНИИ СВОЕЙ СМЕНЫ

(Мариуполь, завод „Провиданс“)

1 ноября рабочие завода предъявили администрации требования:

- 1) улучшить и расширить школу;
- 2) устроить ремесленные классы по металлу для мальчиков, а для девочек—школу кройки, шитья и рукоделия;
- 3) летние экскурсии с научной целью в другие города и местности;
- 4) наиболее способных учеников, окончивших заводское училище, отдавать за счет завода в средние-технические и средние-учебные заведения;
- 5) устроить сад с детскими играми и т. д.

Главным пунктом требований для рабочих было настоять на устройстве библиотеки, которая являлась бы в заводской колонии рабочих культурным центром. Директор, секретарь и заводский представитель обещали выполнить все в ближайшее время. По их словам, администрация идет навстречу требованиям рабочих. Остановка за помещением, в виду острой квартирной нужды. Рабочие настаивают на своих требованиях.

(«Правда», 7 ноября 1912 г., № 162. По России, стр. 4)

РАБОТНИЦЫ ПРОТИВ ОТМЕНЫ ЗАКОНОВ О ЖЕНСКОМ И ДЕТСКОМ ТРУДЕ

(Киев)

Киевскими работницами в количестве 66 человек была принята к женскому дню следующая резолюция:

«Мы протестуем против отмены закона об охране женского и детского труда; требуем:

запрещения труда женщин в тех производствах, которые вредно отражаются на женском организме;

охраны материнства, страхования от родов, беременности, несчастных случаев и безработицы;

устройства яслей при фабриках и заводах, где женщина могла бы несколько раз в день кормить своего ребенка;

организации детских садов за счет государства;

учреждения женской инспекции;

запрещения принимать на фабрику детей моложе 14 лет;

запрещения работать детям от 14 до 18 лет больше 6 часов в день;

равноправия женщин и устройства профессиональных школ.

(«Наш Голос», 20 марта 1916 г., № 10 (24) Южный рабочий стр. 4)

Движение рабочей молодежи

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ПОДРОСТОК, ПОДНЯВШИЙ КРАСНОЕ ЗНАМЯ

(Из обвинительного акта)

...1876 года 6-го декабря, в понедельник, Казанский собор был переполнен молящимися, в числе которых резко выделялись по своей внешности, поведению и отсутствию благоговения молодые люди обоего пола, привлеченные, повидимому, в храм каким-то посторонним молитве побуждением. Большинство из них принадлежало, судя по одежде, к учащейся молодежи; они стояли, разбившись на кучки, шептались, пересмеивались, переходили с места на место, как будто о чем-то сговариваясь, кто-то из них делал пометки в записной книжке. Все это обратило на себя внимание молящихся; некоторые из постоянных посетителей собора обращались к вахтеру Богачеву и церковному старосте Рабутовскому с вопросом, почему собралось так много «студентов»? Купец Гуков, уходя после обедни, обратил внимание Рабутовского на поведение, как он выразился, «студентов» и рассказал между прочим, что когда кто-то из богомольцев дал свечу одной из «студенток», та приняла ее с гримасою и видимым неудовольствием, а затем свеча эта далее не передавалась; товарищи молодой женщины при этом смеялись. Вахтер Богачев по настоянию публики спросил одного из молодых людей о цели их прихода в собор; ему ответили: «не твое дело».

После общего молебна церковь значительно опустела, так как публика начала выходить понемногу по окончании литургии, и в храме оставалась только толпа молодежи человек в 150 и несколько частных лиц — заказчиков молебна. Городовой Есипенко, которому Рабутовский сообщил после разговора с Гуковым о толках и неудовольствии богомольцев, собирался уже отправиться с докладом к приставу о сборище молодежи в соборе, но был оттиснут ею от двери, в которую она выходила скученною массою. Понимая, что затевается какой-то беспорядок, Есипенко бросился вслед за выходившими и побежал дать знать о происходившем в 1-й участок Казанской части, помещавшийся на Малой Конюшенной улице. В это время из толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондин, снял шапку и начал громко говорить, горячась и размахивая руками. Остальные образовали около произносившего речь тесный круг; удивленные этим зрелищем богомольцы, не-

доумевая, стояли поодаль, у портика храма, на ступенях лестницы и на самой площади.

Молодой человек говорил, как показывают о том свидетели Рабутовский, Александра Товбич, Абрамов и Кашинцов, а также обвиняемый Попов, о гнете правительства и его несправедливости, о ссылках лучших русских людей, каковы Чернышевский, Долгушин, Нечаев и др., о бедственном положении русского народа, у которого для взыскания податей продают последнюю корову. Речь была окончена при криках «браво», «браво» и аплодисментах столпившейся около говорившего молодежи.

В тот же момент был выкинут над этою толпою красный флаг с надписью «Земля и Воля», но так как он был не на древке и взлетел комком, то молодые люди подняли и подбрасывали небольшого роста парня, в полушубке, который, взлетая на воздух, держал флаг развернутым в обеих руках. Эта выходка сопровождалась криками «ура» и бросанием в воздух шапок. Все описанное, как говорят некоторые свидетели, было видно даже с Невского проспекта. Прибывший на место преступления в то время, как вскидывали флаг, чиновник полиции Васильев бросился прямо в толпу и схватил уже сзади высокого молодого человека, махавшего этим флагом, как вдруг был сбит сильным ударом, нанесенным ему в голову, упал на землю, где его толтали ногами, и успел только крикнуть публике: «держите его».

...Один из свидетелей происшествия — Абрамов, бывший в соборе и на площади, заметил, что молодой человек, которого толпа поднимала со знаменем в руках, скрылся еще до окончания свалки, сопровождаемый несколькими молодыми людьми, отделившимися от толпы. Опасаясь при этой обстановке задерживать молодого парня, Абрамов следил за ним до Большой Садовой, где шедшие разделились: одни пошли по Садовой, а молодой человек в нагальном полушубке направился к Публичной библиотеке. Остановленный, по заявлению Абрамова, городовым, неизвестный был доставлен в участок, а затем препровожден с задержавшим его городовым Вишняковым и заявителем Абрамовым в Петербургское губернское жандармское управление, где по обыску Вишняков нашел у него в панталонах флаг из кумача с нашитыми на нем белыми шелковыми шнурками словами: «Земля и Воля». Во время препровождения задержанного в жандармское управление он, при проезде мимо Аничкина дворца, кричал: «да здравствует свобода!»

Арестованный, на допросе 6-го декабря, назвал крестьянином Тверской губ. Старицкого уезда, дер. Казнакова, Яковом Потаповым и показал, что находится под следствием по государственному преступлению, по которому привлекался в Киевской губ., куда ездил без определенной цели. В Киеве он содержался

несколько месяцев под стражею и был выслан на родину, откуда в сентябре 1876 г. приехал в Петербург и поступил на фабрику Торнтона, где работал и прежде. Не отрицая факта нахождения у него в кармане флага, Потапов объяснил, что поднял его после того, как толпа двинулась от Казанского собора к памятнику Кутузова. Флаг этот он нашел лежащим на земле и взял его без всякой цели скрыть следы преступления, так как сам участия в беспорядке не принимал, а зашел в Казанский собор помолиться. Спрошенный за сим 11-го декабря Потапов отказался от первоначального своего заявления о том, что работал на фабрике Торнтона, и не указал, где именно проживал с самого приезда в Петербург. По его словам, выехал он из деревни в конце сентября, имея пять рублей, на которые и жил до задержания, нигде не работая; сапоги куплены им в Твери, а красная кумачевая рубаха в Петербурге; полушубок же взят из деревни.

По приезде в Петербург бывал у дяди Трифонова, служащего у Торнтона, который помогал ему деньгами, виделся и с братом своим Арсением, работающим на той же фабрике, и шел к нему обедать, выйдя 6-го декабря из Казанского собора. При задержании денег у него, Потапова, вовсе не было. В Киеве он называл себя Петром Сергеевым.

Допрошенные, по указанию обвиняемого, брат его Арсений Потапов и дядя Трофим Трифонов объяснили, что не видели Якова более двух лет; получая на фабрике 20 и 23 р. в месяц, он без всякой видимой причины в 1874 г. бросил место и более на фабрику Торнтона не возвращался. До Трифонова доходили слухи, что Яков попался в Киеве, но причины поездки его туда он уяснить себе не может; по слухам, ходившим на фабрике, на Якова, прежде работающего и хорошего мальчика, дурно повлияло знакомство со студентами, и дальнейшую судьбу его Трифонов предвидел, служа на фабрике 18 лет. К делу этим же свидетелем представлено письмо от 17-го ноября 1876 года, присланное стариком Потаповым сыну его Арсению, в котором он говорит, что Яков ушел, «наказав его на 10 рубл.», причем убедительно просил двенадцатилетнего Арсения помочь ему из заработанных им денег. Спрошенный в свою очередь отец Потаповых, разъяснил, что сын его Яков был прислан по этапу из Киева 27-го июня 1876 года и скрылся из деревни после Покрова (1 октября). Вся одежда, в которой сын его Яков теперь ходит, приобретена им после выезда из деревни; в деревне же он ходил в старых разорванных сапогах, в пестрядинной рубахе и унес у него, свидетеля, поддевку. Денег у Якова в деревне не было. Предъявленный свидетелям Кашинцову, Богданову и Рябинину, Яков Семенов Потапов был признан за парня, которого подымали из толпы с флагом в руках. Против всех приведенных улик обвиняемый заявил только, что все свидетели «врут».

Допрос обвиняемого Потапова

Первоприсутствующий предложил каждому из подсудимых вопросы о виновности: во-первых, в намеренном участии в действиях толпы и, во-вторых, в сопротивлении полицейской власти.

Подс. Потапов (на первый вопрос).—Нет. — Первоприсутствующий. Вы же признаете себя виновным в том, что вас поднимали и вы разворачивали флаг?—Подс. Потапов.—Меня не поднимали и я не разворачивал флага. На вопрос о сопротивлении полиции, подсудимый отвечал: совершенно нет.

Показания свидетеля Кашинцова

Свид. Кашинцов (носильщик) показал: мы постоянно находимся у Казанского собора. Случилось мне 6-го декабря, в первом часу, быть у собора. Вдруг я взглянул к церкви и вижу: собирается толпа народу к под'езду, где изволит приезжать царская фамилия. Нас было двое: я и Пантелеев. Я оглянулся и говорю: «Семен Семеныч. Должно быть царская фамилия будет у собора». Он посмотрел и сказал: «если бы приехала царская фамилия, то на лестнице выстлали бы красный ковер».—«Постой»,—говорю я,—«погляжу»,—и побежал к толпе. Забрался в середину, слышу, один разговаривает громким голосом, руками махает, поворачивается на все стороны. Говорит, как русский царь неправильно делает. Также русское правительство неправильно делает, и как обижают бедных, а богатых награждают. Проговорил эти слова, потом замолчал. Потом толпа подняла руки кверху, захлопала в ладоши и закричала: «браво, браво». Я не понял, к чему это было дело. Потом вдруг мальчика деревенского в шубе сейчас бросили кверху, а он красное полотно раскрыл. Потом они несколько раз кидали его кверху. Как метнут—так он резвернет красное полотно. Потом они закричали «ура», и некоторые шапки кверху кидали. Тогда мальчика опустили в середину. Потом кто-то сказал: «теперь, братцы, идите плотно, а кто к нам подойдет, тот без головы пойдет».

Первоприсутствующий. Можете вы узнать того, который держал красное знамя?—Свид. Кашинцов. Мальчик был, узнаю. Он лицом был ко мне.—Первоприсутствующий. Посмотрите на подсудимых.—Свид. Кашинцов (указывает на Потапова). Вот этот самый. Затем свидетелю пред'явлен флаг, который он признал за тот самый, который видел.

В.—Не заметили ли вы мальчика с флагом раньше в толпе. О.—Нет. В.—Публика далеко была от толпы. О.—Сажени на три. В.—Не могли они этого мальчика взять из публики. О.—Не знаю. Защитник просил, чтобы подсудимому было разрешено самому развернуть флаг. Первоприсутствующий.—Если это в пользу защиты и подсудимый желает, то может. Прис. пов. Гантовер.—

Это его желание. Свид. Кашинцов.—Он лучше меня знает, как развешивал. Подс. Потапов берет флаг, развешивает его и спрашивает свидетеля: «как я махал». Свид. Кашинцов.—Я показывал. Подс. Потапов.—Я вовсе не махал. Первоприсутствующий.—Так как подсудимый отвергает это обстоятельство, то г. судебный пристав возьмите у него флаг. Подсудимый, садитесь. Прис. пов. Гантовер.—Не помните ли, свидетель, Ефимов вместе с вами был. Свид. Кашинцов.—Нет, я на площади долго не стоял. Когда мне наклали, я взял пальто и ушел. Подс. Потапов.—Слушайте, господин Кашинцов. Вы показали на меня, что будто бы я держал флаг, а на дознании вы не признали. Вы не сказали, что это флаг, а сказали, что «вижу что-то красное». Свид. Кашинцов.—Я сразу сказал: красное с белыми буквами, с аршин длиною. В.—Почему вы на дознании 7-го числа меня не узнали. Вы сказали, что только полшубок признаете. О.—Я стоял около стены в III Отделении когда допрашивали и слышу, что кто-то пришел. Я, как только оглянулся, так сразу тебя и узнал (обращаясь к суду): точно как сердце услыхало, что это тот мальчик.

Тов. прок.—Сколько раз вы видели этого мальчика. Свид. Кашинцов.—Да сегодня четвертый раз. Прис. пов. Гантовер.—Как его поднимали. Свид. Кашинцов.—Известно: как мы начальство поднимали, так и они его.

Показания свидетеля-городового Вишнякова

Свид. Вишняков (городовой) показал, что 6-го декабря он стоял на посту на углу Невского и Большой Садовой. Подходит какой-то господин и, показав на мальчика, сказал, чтобы его задержать, потому что он ушел с Казанской площади. Свидетель пригласил господина с собою; они взяли мальчика, посадили на извозчика и поехали в участок. Там господин пошел к помощнику пристава, а свидетелю приказал смотреть за мальчиком, чтобы он не вынул чего-нибудь из кармана. Оттуда они отправились к Пантелеймону и, когда проезжали мимо Аничкина дворца, мальчик закричал: «да здравствует свобода». Свидетель сказал ему, что так кричать он не позволит, и велел извозчику повернуть в Караванную. В канцелярии жандармского управления ему приказали обыскать мальчика, и он нашел у него в кармане красный кумачный флаг с белыми буквами: «Земля и Воля». Предъявленный свидетелю флаг он признал за тот самый, который нашел у Потапова при обыске. Затем, осмотрев подсудимых, он признал Потапова. Когда свидетель его арестовал, он спросил: «за что меня взяли». На что свидетель ответил ему, что это объяснят в участке. Дорогой он ругал господина, который приказал его арестовать «мазуриком».

Показания брата и родственника Потапова

Свид. Потапов (Арсений, брат подсудимого, 12 л.) после раз'яснения первоприсутствующим, что по закону он имеет право отказаться от показания, заявил, что может показывать. Тов. прок.—Где вы служите. Свид. Потапов.—У Торнтона. В.—Что там делаете. О.—На прядильных машинах. В.—Вы вместе жили с братом. О.—Вместе, как из деревни приехали — месяца полтора с ним жили. Он ушел, и я его не видал больше. В.—Вы слышали, что он был в деревне. О.—Слышал, что был нынешним летом. В.—Вы получили от отца письмо. О.—Получил. В.—Что он писал. О.—Что брат Яшка ушел, на 10 руб. его наказал.—Защитник Потапова заявил, что подсудимый поручил ему отказаться от допроса свидетеля, не желая ставить его в неприятное положение. Свид. Трифонов (крестьянин, дальний родственник Потапова) показал, что служит на фабрике Торнтон; подсудимого Потапова определил на фабрику он, свидетель, или кто-то из родных, назад тому лет пять или шесть. Сначала он работал хорошо, так что достиг 23 рубл. жалованья. Года два тому назад он ушел с фабрики и с тех пор свидетель его не видал. Когда уходил, он сказал, что поступает в кухонные мужики к господам, у которых жила его сестра. Впоследствии был слух, что он оказался в Киеве. На вопрос, почему Яков ушел с фабрики, свидетель объяснил, что мельком он слышал, будто бы Яков познакомился со студентами. Затем он слышал от отца Потапова, вытребованного сюда, что Якова прислали под стражею в деревню прошлым летом.

Свид. Потапов (крестьянин, отец подсудимого) также пожелал дать свое показание и объяснил, что перед покосом прислали Якова в деревню. Он жил до осени и занимался крестьянскими работами, а потом ушел, когда его, свидетеля, не было дома. Перед тем он просил купить ему сапоги, но ему было сказано, что денег теперь нет, а что когда придет зима и они будут возить дрова, тогда можно будет купить сапоги. Уходя из дому, он сказал матери, что пойдет зарабатывать деньги. Свидетель опрашивал сына, как он попал в Киев? Он сказал, что работал там на заводе. За неимением паспорта его «пригнали в деревню с сотским». Свидетеля и еще несколько крестьян из деревни вызывал судебный следователь в город Старицу, и когда они явились, то он сказал, что киевский следователь «не пишет никакой вины», что нужно было вызвать только одного свидетеля, а что других потребовали напрасно. Мужики хотели взыскать с него за то, что ездили к следователю, но следователь отказал им. Свидетель писал Арсению, что Яков наказал его на 10 рубл. Но он не украл эти деньги, а с свидетеля взыскали в волостном правлении 4 р. 13 к. за доставку Якова да потратился на проезд в Старицу к следователю. На вопрос за-

щиты, может ли свидетель в чем-нибудь обвинять сына, Потапов ответил: «чего же обвинять. Он как у Торнтонa жил, присылал денег в деревню. Дурного ничего не делал».

Из речи прокурора

«Кто является,—сказал обвинитель,—самым рельефным деятелем, провозгласителем тех принципов, которые выражаются в словах «земля и воля»? Потапов, деревенский мальчик, человек, который не знает даже грамоты. Он приходит на Казанскую площадь, приносит флаг, его поднимают, он старательно разворачивает этот флаг для предъявления зрителям и он же является хранителем его. Он уносит флаг, покидая толпу во время арестов. Он уходит, прикрываемый лицами, принадлежащими к той же интеллигенции. Что же это за связь между Потаповым и молодежью, называющею себя учащеюся и находящеюся здесь на общей всем скамье подсудимых. Что за связь между Потаповым, Тимофеевым, Громовым и Морошкиным и этими людьми? Есть ли у них общие интересы? Одни из них должны работать, трудиться, зарабатывать насущный хлеб, тогда как другие заняты интересами более высшими, интересами науки. Что же это за связь?»

Эту связь наглядно указывает вся жизнь Потапова, то состояние нравственного падения, до которого он дошел, наконец, тот факт, то необъяснимое положение, в котором вы видите соединение на одной скамье Потапова с Бибергалем, студентом медико-хирургической академии третьего курса. Вот над чем стоит поразмыслить, вот что составляет такое обстоятельство, которое придает наглядно серьезное значение беспорядку 6-го декабря. Вот почему на этот беспорядок нельзя смотреть слишком легко.

Что такое был Потапов прежде. Это был простой мальчик, хороший работник, который уже с 12-ти лет поддерживал свою семью, который трудился, — и чем же он сделался теперь. Он является здесь перед вами одним из самых главных деятелей, и если обвинение не выделяет его как главного виновного, то потому, что не находит в себе достаточно мужества, чтобы поставить против него это обвинение. Потапов, господа судьи, это такая страшная улика против всех обвиняемых из интеллигенции, это такая разбитая вначале и вместе с тем порочная жизнь простого русского человека, что, мне кажется, она не может не оставить в каждом, знакомом с делом, самого тяжелого, самого грустного впечатления. Эта, оторванная от семьи и честного труда, личность Потапова оттеняет смысл дела «земля и воля».

Постановление суда

...Правительствующий сенат, в особом присутствии для суждения дел о государственных преступлениях, выслушав дело и прения сторон, признал... обвиняемых — участниками в дерзостном порицании установленного государственными законами образа правления... Правительствующий сенат определяет... Погалова 16 лет... отдать в один из отдаленных монастырей на 5 лет, с поручением его там особому попечению монастырского начальства для исправления его нравственности и утверждения его в правилах христианского долга.

(«Государственные преступления в России» т. II под ред. В. Богучарского)

СТАЧКА МАЛЬЧИКОВ НА ПАТРОННОЙ ФАБРИКЕ

(Начало семидесятых годов, до 1875 г.)

На патронной фабрике в Петербурге (на Васильевском острове) 80 мальчиков, занимающихся обрезаем гильз, забастовали на следующем основании.

Мальчики эти работали поштучно по 7 коп. с пуда и получали расчет каждые две недели. Однажды г. Загоскину, директору фабрики, показалось, что плата чересчур высока; он решил, что для таких мальчуганов и 6 коп. будет достаточно. Ничего не говоря, он их рассчитал по 6 коп. Мальчики остались, конечно, недовольны и начали шуметь.

Пришел в мастерскую сам Загоскин, обругал мальчишек по-русски и сказал, что, если они не начнут сейчас работать, то могут убраться к черту, а может быть и куда-нибудь подальше. Мальники все до единого ушли.

Производство патронов так устроено, что из-за этих мальчуганов и прочим рабочим нечего было делать; пришлось остановить завод. Удивленный и испуганный Загоскин послал за мальчиками и рассчитал их по 7 коп.

Стачка продолжалась $\frac{1}{2}$ дня, после обеда снова началась работа. Впоследствии удалось-таки сбавить цену до 6 коп.

(«Вперед» № 6, 1 апреля 1875 года, стр. 172)

МОЛОДЕЖЬ В МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКЕ

(Из воспоминаний т. А. Моисеенко — руководителя знаменитой стачки 1885 года)

Мы сейчас все внимание обращаем на молодежь. Всеми фибрами нашей души мы стремимся к тому, чтобы возможно больше учить нашу молодежь тому знанию, которое было запрещено для нас в тогдaшнее время. И я сейчас вспоминаю, кто был когда нашим помощником в этом движении. Когда разразилась

стачка, нашими помощниками была молодежь тогдашнего времени. Она всегда была в авангарде, она всегда стремилась улучшить свое положение.

Когда пришло время начать забастовку, 7-го января, то на общем собрании на «Песках» было решено, что мы не войдем в фабрику, а остановим всех рабочих, не будем их пускать на фабрику.

Подходя к дверям фабрики, мы увидели вооруженные банды, которые не позволяли рабочим собираться и останавливаться. Подойду к одним дверям, остановлю нескольких пробегающих, смотришь—у других дверей тоже.

Подхожу к Волкову и говорю: «мы здесь ничего не сможем сделать, пойдем-ка, обсудим, что прежде всего делать». И вот мы с ним решили, что я пойду на фабрику и, если мне не удастся что-либо создать, то я сейчас же уйду совсем с фабрики, ибо я знал, что если меня арестуют, то докопаются до моего прошлого и мне тогда не сдобровать, а без меня ничего не сделается. Был также со мною товарищ по ссылке Лука Иванов, работавший у Смирнова, и вот мы решили, что надо войти в фабрику, а потом мы увидим, что делать дальше. И вот, как только мы вошли в фабрику, мы увидели, что дело еще не потеряно. Когда мы разделись, то, не подходя даже к своим станкам, прямо махнули рукой, чтобы собраться за хоры. И вот, когда мы там собрались, приходит помощник мастера Шорин и говорит: «если у вас праздник, то бросайте работу». Я говорю: «у нас не праздник. А ты уходи. Теперь тебе праздник, а мы поговорим». И вот, когда он ушел, мы стали совещаться.

Подходят ко мне несколько молодых мальчуганов и говорят: «мы завернем коренной газ». Я говорю им: «как же вы завернете, детки, ведь, для этого нужна лестница, а будете брать лестницу, подмастерье вас заметит, а раз заметит, то придется отвечать, а этого я не хочу». «Нет,—говорят,—мы лестницу брать не будем, мы так—один на другого, сделаем живую лестницу и завернем газ». «Хорошо»,—говорю. Попросили женщин выйти и завернуть рожки передних станков, чтобы стало темно. Это было сделано: женщины вышли и завернули рожки, а мои ребята — один на другого и завернули газ. Поэтому удалось моментально создать то, чего никогда не пришлось бы сделать без помощи молодежи.

Когда этаж стемнел, я бросился во 2-й этаж и крикнул, чтобы народ стал выходить. Народ стал выходить, но в это время сторожа успели запереть боковые двери и пришлось проходить только через одну дверь, через табельскую. Лишь только я кончил в 1-м этаже—этих трудно было выгонять, к некоторым приходилось подходить, брать их за руку и говорить: «пожалуйста, уходи». Как только я вскочил наверх, в некоторых местах свет зажгли, но уже в пустой фабрике. Волков мне говорит:

«приходили прядильщики». Я говорю: «хорошо, ведите меня к ним, только я не знаю хода через дорогу. Я никогда в прядильном корпусе не был». И вот подходят мальчуганы и говорят: «идемте, мы знаем». Я прошел. Все было подготовлено.

(«Путь к Октябрю», в. II, стр. 46)

НЕУДАЧНАЯ ЗАБАСТОВКА

Меня выпросил брат к Мефодию Гарелину в прядильную в выборное отделение разбирать подмет. Таким образом началась с 13 лет моя жизнь на той фабрике, о которой я от братьев слышал много самого плохого и которую ненавидел еще задолго до поступления в нее.

В выборной еще было легко, так как работать приходилось сидя и только восемь часов в сутки, ввиду того, что в то время уже существовал закон о малолетних. Это было как раз в тот знаменитый для иваново-вознесенских ткачей 1887 год, когда они завоевали себе 9-часовой рабочий день при сменной работе, когда была разбита ткацкая фабрика Никанора Дербенева, выбиты окна, порезаны ремни и основы и разбиты ткацкие станки.

В выборной мне пришлось работать не больше трех месяцев, и я был переведен, по просьбе брата, на мюль-машины в ставильщики. Тут-то и началась самая сверхкаторжная жизнь. Прядильная фабрика в забастовке ткачей не принимала никакого участия и продолжала работать так же, как работала и раньше.

Рабочий день начинался с пяти часов утра и продолжался до девяти часов вечера, с полуторачасовым перерывом на обед; работа все время на ногах. К этому еще нужно прибавить каторжный режим: во время работы рабочий не имел права напиться чаю или принести кипятку в фабрику, не имел права принести табак и спичек и курить во время работы.

За неисполнение этих правил каждый рабочий подвергался штрафу, а за курение в фабрике—увольнению без расчета и высылке в тюрьму до трех месяцев. Помимо всего этого каждый ставильщик находился под бдительным надзором прядильщика и трех присучальщиков на мелком размере и прядильщика и одного присучальщика на крупном размере.

В руках этих учителей находилась вся жизнь ставильщика, и за него они не отвечали ни перед кем. Произвол царил полный, и нередко робкие ставильщики загонялись работой до того, что делались кривоногими. Побой на ставильщиков сыпался со всех сторон, их били ни за что, ни про что, и они должны были безропотно переносить все издевательства, побои и насмешки.

Со всем этим режимом я не мог помириться и действовал так, как подсказывал мне мой необузданный, упрямый и своевольный характер, не считаясь ни с кем и ни с чем. Поэтому мне приходилось выдерживать постоянные нападки со стороны своих учителей, которые привыкли воспитывать так, как были воспитаны сами—пинками, колотушками и потасовками. Всякое поползновение к такому обучению встречало с моей стороны самый жестокий отпор—вплоть до бомбардирования чугунными гирями, отчего могло не поздоровиться самому сильному человеку. Только таким путем мною были завоеваны самостоятельность и свобода, и меня признали за человека, с которым нужно считаться.

Около года я проработал учеником, а потом был поставлен на сдельную работу вторым ставильщиком на ровные номера. Проработав несколько месяцев сдельно в денной, мы были переведены в смену—работать день и ночь по восемь часов. Вывесили расценочную табель, по которой оказалось, что мы при сменной двенадцатичасовой работе не можем выработать такое же количество денег, какое вырабатывали прежде в денной при четырнадцатичасовом рабочем дне.

На основании этого расчета мы, малолетние ставильщики, работавшие сдельно, заявили директору протест. Директор же уверял, что заработок меньше не будет, но это уверение не помогло, и мы объявили забастовку. К нашей забастовке, понятно, не примкнул никто из старших, хотя положение их было одинаково с нами, и они были также недовольны расценкой. Но каждый из них дорожил своим местом и был полнейшим рабом фабриканта, поэтому мы и остались одни.

Фабричная администрация принимала все меры, чтобы уговорить нас согласиться с вывешенными расценками, но это ей не удавалось, пока мы были все вместе. Раза три нас вызвали к директору, но ни к каким результатам не пришли. В последний раз мы так рассердили директора Козлова, что он обещал донести на нас в жандармское управление. Некоторые трусили и предлагали приняться за работу.

Но более решительные, в том числе и я, настаивали довести дело до конца. Мы чувствовали, что нами дорожат, и что если мы будем настойчивы, то нам прибавят. Администрация знала, что мы не все единодушны, прибегла к хитрости, начала вызывать нас поодиночке и брать подписи от каждого—желает или не желает работать. При таких условиях все малодушные дали свое согласие за своей подписью, и их оказалось большинство—две трети или больше.

Нас вызвали последними и показали нам список давших свое согласие стать на работу на тех же условиях, которые были вывешены администрацией, и нам ничего не оставалось делать, как только подчиниться. Таким образом, была сорвана первая

забастовка, в которой мне пришлось принимать непосредственное участие и играть руководящую роль, но она была не организована и находилась без всякого содействия извне.

С. Балашов

(«Пролетар. Революц.» № 9 (44), стр. 144)

МОЕ ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

(Из воспоминаний большевика)

Когда мне, наконец, исполнилось 15 лет и я уже по закону мог поступить учеником в механическую мастерскую, мне после долгих споров удалось убедить отца в этом, и он определил меня учеником в то же слесарное отделение, где он сам работал.

Чугуно-литейный и механический завод Людвиг Нобель помещается на Выборгской стороне по Сампсониевской набережной. Работало на нем в то время около 600 человек.

В 1896 году, когда я еще работал разметчиком, на заводе произошло событие, оставившее во мне глубокое впечатление. Когда я пришел утром на работу, мне по секрету сообщают, что ночью кем-то по заводу были разбросаны какие-то листки, в которых написано, чтобы прекратили работы и чего-то требовали от хозяина. Но как я ни пытался достать хотя бы один листок, это мне не удалось. Через несколько дней после этого на соседних ткацких фабриках Мальцева и Шау рабочие и работницы прекратили работу, а еще через день работы прекратились на всех фабриках Выборгской стороны. Это началась знаменитая в истории рабочего движения стачка петербургских текстильщиков, продолжавшаяся на некоторых фабриках до трех недель.

Насколько помню, ни один из механических заводов тогда к этой стачке не примкнул, хотя попытки привлечь как со стороны подпольной организации, так и отдельных фабричных рабочих—были. Особенно усиленную агитацию за стачку среди заводских рабочих вели работницы с окружающих фабрик, составлявшие огромное большинство среди бастующих.

Агитация рабочих и появившиеся время от времени листовки возымели действие и на наших рабочих. Так, в один прекрасный день по заводу распространился слух, что сегодня вечером по окончании работ надо остановиться у ворот, вызвать хозяина, самого Эммануила Людвиговича Нобеля, и предъявить ему требование, чтобы по субботам работу кончали не в 5½ часов вечера, а в 2 часа дня.

Задолго до окончания работ мы, молодежь, бегали по мастерским, убеждая непременно остановиться у ворот, не бояться и вообще требовать, тем более, что как нам стало известно, из соседнем заводе, у Лесснера, администрация уже обещала, если у Нобеля и на других заводах согласятся.

Уже за несколько минут до звонка (у Нобеля вместо гудка звонили в небольшой колокол) мы выбежали из мастерской и стали останавливать у ворот во дворе выходивших рабочих. Остановилось ожидать хозяина не более половины работавших на заводе, остальные, несмотря на наши уговоры, ушли домой, подальше от греха. Простояли мы, таким образом, в ожидании выхода хозяина около часа, за это время еще добрая половина ушла домой, так что когда, наконец, хозяин вышел, нас было около 100—150 человек.

Когда хозяин, стоя на крыльце, окруженный инженерами и мастерами, спросил, что нам надо, для чего мы его вызвали, среди нас не нашлось ни одного, кто бы выступил и предъявил ему наше единственное требование—кончать работу по субботам и перед праздниками вместо 5½ ч. вечера в 2 часа дня.

Видя, что все мнутя, никто не выступает, а хозяин презрительно смотрит на нас и пожимает плечами, я, 16-летний мальчик, решил выступить и, смело выйдя вперед, стал громко излагать хозяину наше требование. Говорил я красноречиво, убедительно, горячо..., но хозяин даже не глядел на меня, а продолжал сверлить толпу глазами и ждал, не выступит ли кто-либо посolidнее. Это меня ужасно обидело, тем более, что из толпы стали меня одергивать за рубашку и тащить назад. Наконец, общими силами вытолкнули из толпы вперед старика-слесаря, работавшего на заводе лет 20, по фамилии Линдстрём и заставили его изложить наше требование, что он в конце концов и сделал. В ответ на его «речь» хозяин сказал кратко, что если у Лесснера и на других заводах будут кончать в два, то и он согласится. С тем и разошлись.

Так неудачно кончилось мое публичное выступление.

Дома отец меня слегка пожурил, но я почувствовал, что в глубине души он одобряет мое выступление и даже немного гордится этим. Сосед же наш по квартире, Н. Б. Блохин, давно уже покойный, работавший токарем на заводе Барановского, большой друг моего отца, весьма горячо защищал мой поступок перед отцом и, дружески похлопывая меня по плечу, говорил: «молодец, молодчага, кабы да у меня такой сынок был!»

А. Шотман

(«Пролетарская Революция». № 9. «Записки старого большевика»)

МАЛЬЧИКИ ВПЕРЕДИ

(Петербург, остров Голодай, 1898 год)

На казенном заводе на острове Голодай (против порта) начальство вздумало завести новые порядки и выдавать получку рабочим всего 1 раз в месяц вместо двух раз, как это делалось раньше. А рабочим и так приходится брать все в долг и, конечно, получать самые скверные продукты, платить за них втридорога и постоянно нуждаться даже в той копейке, которая уже зара-

ботана. Новый порядок грозил новым ухудшением их положения и они не позволили ввести его. Очередная 2-недельная получка должна была быть 2-го мая и хотя рабочие целую неделю требовали, чтобы вывесили проверочную табель этой получки, ее до 1-го мая не вывесили. 1-го мая рабочие, потеряв терпение, забастовали. Мальчики не разводили горнов и препятствовали более трусливым начать работу. Сторожа заперли ворота и не выпускали рабочих.

Мальчики тогда пробрались в кочегарню к свистку и сняли с него клапан: раздался оглушительный свисток и сторожа, думая, что свисток дали по приказанию начальства, выпустили рабочих. Рабочие направились к порту, но оказалось, что мост поднят. Рабочие порта приветствовали забастовщиков, но соединиться с ними не могли. К обеду их выпустили и после обеда многие рабочие не пошли на работу.

2-го мая деньги были выданы.

(«Рабочее Знамя» № 1, май 1898, стр. 9—10).

МОЯ ПЕРВАЯ СТАЧКА

Осенью 1898 года, на 11-м году от роду, я был вынужден пойти на фабрику Лопатина зарабатывать жалкие гроши (за каждый рабочий день платили 15 коп.), чтобы малость улучшить экономические условия жизни нашего семейства.

Первое время я начал работать на початочной—подавать початки, но потом начали прибавлять работы, стали заставлять таскать корзины с браком, в которых был приблизительный вес пуда до полтора, что для нас, малолетних, было совершенно непосильным трудом и что заставило задаться мыслью подготовить своих товарищей к отмене этой работы.

На этой почве мне удалось сделать забастовку среди малолетних с предъявлением требований об отмене работ по переноске брака. Со стороны администрации мы встретили сопротивление, а потому, чтобы настоять на своем требовании, мы решили уйти с фабрики.

В этой забастовке принимали участие т. Баньщиков, Родин, я, некоторые другие товарищи—всего человек 9, но эта забастовка нам не удалась, и требования наши удовлетворены не были. Запуганные директором фабрики—Коротковым, и старшим приказчиком—Сушиным, товарищи, были вынуждены закончить эту забастовку. Меня же им напугать не пришлось, так как я настаивая на этом требовании и меня, как зачинщика и элемент, оказавший сопротивление воле капитала, с фабрики уволили.

Матвеев

(«Пути к Октябрю», вып. 2, стр. 287-88)

БИОГРАФИЯ СОЗНАТЕЛЬНОГО ПОДРОСТКА

На 10 году я был окончательно взят из школы и помещен отцом на ткацкую фабрику мотать шпули за 2 руб. в месяц. Много различных мытарств пришлось претерпеть за годичный период моей работы на фабрике Сафонова, расположенной по соседству с родной деревушкой. Стоило на фабрике появиться инспекции, как фабричная администрация немедленно запрятывала нас, малолетних подростков, в огромные мешки пыльного хлопка, с предупреждением не кашлять и не шевелиться, где и приходилось сидеть, задыхаясь, по несколько часов, и откуда однажды я был извлечен в бессознательном состоянии.

Когда мне минуло 11 лет, сафоновская фабрика закрылась, при чем рабочим, в том числе отцу моему и мне, не было выплачено 2-месячное жалование. Этот удар привел к окончательному разорению мою и без того бедствовавшую семью и вынудил ее покинуть развалившийся отцовский домишко и, распродав последние пролетарские пожитки, перебраться в уездный город Дмитров. Здесь меня отдали, с отцовского хлеба долой в качестве лишнего рта, бесплатно в ученье кустарю—столярному ремесленнику. Непосильный гнет эксплуатации и побои заставляли меня переходить от одного ремесленника к другому. Таким образом, мне пришлось пять раз переменить хозяина и ремесло. 14 лет я был взят братьями, работающими на фабрике Чернышева, ст. Мытищи, и помещен на ту же фабрику, где пришлось ознакомиться с различными отраслями фабричного производства, подвергаться тяжелой эксплуатации и удалось впервые познакомиться со светлыми идеями марксизма и услышать агитацию и пропаганду о социализме.

Первая революционная ласточка

Во время моего пребывания на фабрике Чернышева, в 1901 г. стали ходить в массах различные толки о том, что в Москве что-то происходит, будто бы все студенты взбунтовались, ходят по улицам с красными флагами, бьют стекла магазинов, кричат «долой царя!» и якобы эти студенты требуют вновь закрепощения крестьян. Все это возбудило мой интерес, и я стал добиваться подробностей, что немного позднее повело к моему сближению с одним из рабочих ткачей, Николаем Большим, по прозвищу «ефрейтор».

Этот Николай, с виду такой угрюмый и задумчивый, вел очень скромный образ жизни и отличался многими особенностями от других рабочих, чем и привлекал к себе большое внимание рабочих, которые часто группировались около него в темных закоулках фабричных казарм, внимательно вслушивались в рассказы Николая о тяжелой доле рабочего и о том, как можно облегчить эту долю. На одном из таких собеседований удалось и мне присутствовать. Добываясь подробностей о московских происше-

ствиях, я спросил Николая, зачем ходили студенты по Москве с красными флагами и чего они добивались.

Николай не сразу ответил на мой вопрос. Оглядев меня, он медленно сказал:

«Давно, Ванька, я к тебе присматриваюсь, кажется, дельный выйдет из тебя парень. Если будешь прислушиваться к тайным речам в темных уголках и интересоваться такими вопросами, то скоро много узнаешь. Только вам, юнцам, принадлежит светлое будущее. Только не ходи туда, — сказал он с предупреждением, указывая рукой на темный коридор фабричной казармы, называемой фабричной спальней, где большая компания рабочих увлеклась карточной игрой, — а также старайся избежать еще другого порока. Слышишь, как беспомощно стонут о своей тяжелой безотрадной жизни наши, потерявшие облик человеческий, товарищи», — обратил он мое внимание на доносящиеся из-за перегородки голоса шумной пьяной компании рабочих, поющих нестройную песню про долю бедняка. Немного помолчав, он обратился к обступающей его группе рабочих и стал отвечать на затронутые мною вопросы.

Так в первый раз в жизни услышал я про политику от рабочего Николая «ефрейтора», и его пророчества о предстоящей борьбе рабочего класса зажгли первую революционную искорку в моей юношеской душе.

После этого я всячески искал встреч с Николаем, который охотно беседовал со мной наедине на разные политические темы, а также приглашал меня на свои беседы среди группы рабочих. Немного спустя он дал мне прочесть первую революционную книжку: «Пауки и мухи» Вильгельма Либкнехта, а затем стал частенько ссужать меня книжками. Между ними попадалась литература по вопросу о требованиях, которые рабочие должны предъявлять фабрикантам и заводчикам, маленькая программа Р. С.-Д. Р. П. и т. п. Все это во мне возбуждало огромный интерес, большой порыв и стремление к дальнейшему развитию в этом направлении.

Мое знакомство с подпольными кружками

Вскоре после поступления моего на завод Блюмберга, мне удалось завоевать авторитет среди некоторых старых рабочих-литейщиков и заставить их обратить на себя особое внимание. В один из летних праздничных дней я был приглашен группой рабочих пойти с ними в лес, на что я охотно согласился. Прошли мы от завода Блюмберг по направлению к станции Мытищи версты три между деревнями Высоково и Рубцова и зашли в гущу леса. По тропинкам нам навстречу попадались несколько товарищей, к которым подходил один из рабочих нашей группы и о чем-то с ними тихо разговаривал.

Как я узнал после, то были расставленные патрули. Нам пришлось миновать пять таких постов, пока мы не пришли на полян-

ку, на которой уже расположилась большая группа рабочих Мытищенского машиностроительного завода. Спустя немного времени, на полянке появился товарищ с небольшой кучкой людей, отличавшихся от рабочих. Клички товарища точно не помню, кажется, Егор или Борис. Он стал говорить на тему из русской истории—об освободительном движении. Группа рабочих, окружавшая товарища, жадно ловила его слова. Я лично был в неопишемом восторге и вынес неизгладимое впечатление от 1-го тайного собрания рабочих, на котором мне удалось присутствовать.

После этого было еще несколько таких собраний, и на одном из них один из выступающих ораторов рассказал нам, что такое Р. С.-Д. Р. П. и чего она добивается. По окончании речи я спросил говорившего товарища, где же находится эта партия и как можно в нее вступить? Он ответил мне, что все сидящие здесь—представители рабочей партии, что я, когда буду постарше, тоже буду социал-демократом, а так как я рабочий, то по природе своей эсдек, а поэтому должен стремиться быть активным, «как вот этот молодой товарищ»,—указал он на одного молодого рабочего Мытищенского завода, который уже не один раз вступал в открытую борьбу с заводчиком, пред'являя различные требования в защиту рабочего класса.

Моя первая попытка открытого выступления

На заводе Блюмберга нас работало учениками 10 мальчиков, получали по 25—30 коп. в день. И вот я задался целью добиться повышения заработка и сокращения рабочего дня до 8-ми часов. Выработали требование повысить заработную плату до 50 коп. в день, или же перевести всех учеников на сдельную работу.

Сагитированные и настроенные ребята, все, как один, согласились энергично поддерживать выставленные требования, я же и один из учеников, Ленка, отправились вести переговоры с хозяином завода, который, ознакомившись с нашими требованиями, затопал ногами и закричал на нас: «вон из конторы, паршивые черти, слишком рано начали носы задираТЬ, от старых рабочих научились. Погодите же, я скоро со всеми вами разделаюсь»,—угрожал нам, размахивая кулаками, Блюмберг.

Возмущенные таким отношением, мы быстро вернулись к своим единомышленникам и обо всем рассказали им, а также и старым рабочим, которые обещали нам свою поддержку и посоветовали нам бросить работу, что мы, все 10 человек, сделали и удалились с завода.

Наше отсутствие тормозило работу взрослых, которые также вынуждены были приостановить работу, если бы наше отсутствие продолжалось более продолжительное время.

На 3-й день нашей забастовки мы явились вторично к хозяину, который на сей раз согласился частично удовлетворить наши требования и прибавил нам всем по 15 коп. в день, однако

часы работы не согласился сократить. После этого мы возобновили работу, и эта первая удачная попытка еще более укрепила во мне уверенность в силе метода коллективной борьбы.

Изгнание с завода

Зимний период мешал очередным кружковым собраниям, которых в течение продолжительного времени не было. Но вскоре после нашей маленькой забастовки удалось организовать такое собрание, которое состоялось в крестьянском овине в деревне Карташино. На этом собрании было обещано записать меня в РСДРП и давать мне поручения по выполнению партийных задач.

Я восторжествовал и стал льстить себя надеждой, что наконец-то настанет период осуществления моей заветной мечты—окончательно вступить на настоящий путь революционной борьбы. Но в то время моя надежда не оправдалась, так как Блюмберг не забыл отомстить мне за нанесенный ущерб его карману, вызванный достижениями нашей забастовки.

Он уволил меня с завода, сказав на прощанье: «ну, молодой крамольник, ты добивался сокращения рабочего дня, теперь я тебе его совсем сокращаю. Теперь ты совсем свободен, иди к Ветрову—он хозяин хороший. Там вашего брата голодает много».

Я еще не знал, кто такой «Ветров» и только впоследствии узнал, что «Ветровым» называлась безработица.

Таким образом в марте 1904 г. в тот момент, когда мне предлагалась возможность войти в организованные ряды партии, когда во мне была разрыхлена почва для восприятия революционных идей, я, еще неокрепший юнец, был выброшен за борт завода и тем самым лишен возможности поддерживать только что завязывающуюся связь с революционной организацией.

(«Путь к Октябрю», в. III, 1923 г., стр. 55. Петухов «Мои краткие отрывочные воспоминания о личных переживаниях и о прохождении суровой школы жизни»)

ВЫИГРАННАЯ ЗАБАСТОВКА

(Екатеринбург. Из корреспонденции рабочего)

...Особенно отличаются ученики. Подростки все бойкие, грамотные: книжку едят, как белый калач. С ними хозяину нет никакого сладу. Заставляет он их, например, не в рабочие часы разносить корректуры. Сговорились между собою мальчишки и заявили хозяину, что корректуры носить не станут—не их дело, да и занимать их в неурочное время он не может.

— Вон пошли. Заставлю и ночью будете работать.

— Ну, нет,—заявляет один из мальчиков,—это рабство, а времена рабства прошли; все вперед двигаемся.

— Стачку устраиваете.

— Ну, нет,—говорит один из мальчиков,—я читал, какие стачки-то бывают: по две тысячи человек, а мы что же,—всего три мальчика.

А заведующему без мальчиков нельзя обойтись; перестал он посылать с корректурами, но принял еще троих мальчиков и велел метранпажу поскорее подучить их. Метранпаж все настраивает, но не зевают и старые ученики: «мы рабочие,—толкуют они новичкам,—должны дружно держаться».

Зовет хозяин прежних мальчиков и объявляет им расчет, смотрит, и новички тоже расчета требуют.

— Вы чего? Сами, ведь, просились, а теперь расчет?

— Что же, что просились, а теперь не хотим служить, раз вы так с нашими товарищами поступаете.

Плюнул заведующий и оставил всех мальчиков. Все работают и корректуры не носят. Да и не только заведующему, а и рабочим старой закваски иногда солоно приходится от учеников. Так, например, раз один рабочий ударил за что-то ученика, смотрят, все ученики бросают работу, окружили его и один из них выступил с речью: «как вам не стыдно так поступать. Не можете разве словесно объяснить. Я вам перед всеми товарищами заявляю, что так стыдно поступать».

Побежал рабочий жаловаться заведующему, а тот говорит: «что я с ними, чертями, делать буду».

(«Искра», Декабрь 1900 года. № 1. Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов, стр. 6—7)

СТАЧКА МАЛОЛЕТНИХ В КОСТРОМЕ

В октябре на одной из здешних фабрик была стачка малолетних. Требовали повышения расценок. Это была одна из жизне-радостнейших стачек; молодежь ходила героями, поощряемая одобрениями взрослых—через неделю требования были удовлетворены.

(Листок «Рабочего Дела» июнь 1900 года, № 1, стр. 8)

ВЫПОЛНИЛИ ТРЕБОВАНИЯ МАЛЬЧИКОВ

(Екатеринослав)

Наш табельщик безбожно урывал рабочие часы и осмеливался сам штрафовать рабочих, особенно мальчиков. Кроме того, летом всем мальчикам была сбавлена плата на 5 коп. в день. Бросив работу и собравшись у ворот, стали совещаться, как им быть. Явился директор и стал было с ними объясняться. Его освистали. На по-

мощь поспешил пристав и стал грозить розгами. «Розги бы директору да табельщику, а не нам!» — отвечали на его угрозы мальчишки. Наконец, они согласились начать переговоры и потребовали сохранения старых расценок и удаления табельщика. Когда же директор согласился с этим, они потребовали повышения расценок на 10 копеек. Директор принял и это условие: расценки повышены и табельщик уволен.

(«Южный Рабочий» № 3, ноябрь 1900 г., стр. 3)

СО СТАРШИМИ СЕСТРАМИ

(Одесса, гильзовая ф-ка Кроне, 1901 год.)

На фабрике работают преимущественно девушки; есть также дети 10 лет. Получали обыкновенно 8 коп. с тысячи. Заработок нищенский—16 р. 40 коп. Тяжелое положение и грубое обращение заставили девушек забастовкой добиваться улучшения условий труда. Стачка началась 9-го апреля. Требования были следующие: 1) надбавка 1 коп. на тысячу, 2) лучшее обращение.

Бастовало 40 человек. Стачка продолжалась 2 недели. После дружной и стойкой борьбы работницы добились удовлетворения.

4-го октября работницы снова забастовали. Поводом послужило введение новых печатных гильз. В виду невозможности работать эти гильзы (бронза ложится на прудь, руки деревенеют) девушки потребовали уничтожения этой работы. Управляющий не согласился. Тогда они выставили требование считать тысячу за полторы тысячи и, когда он на это не согласился, то все девушки, в количестве 45 человек, а также и несколько малолетних побросали работу.

(«Рабочее Слово», № 1, Одесса, 1901 г., стр. 3)

СТАЧКА ДЕВОЧЕК НА ФАБРИКЕ ПОПОВА

Одесса. В конце октября на табачной фабрике Попова, где работает 600 чел., подручницы—12-летние девочки, отказались работать за 30 коп. в день, требуя с мастериц прибавки. Последние получают по 1 рублю и прибавить подручницам не могут, поэтому обратились к управляющему в контору. «Посидят дома день—другой, да и снова прибегут»,—ответил им управляющий на слова, что без подручниц работать нельзя. Дети ушли. Половина фабрики стала.

Дети не приходили на работу в продолжение нескольких дней. Хозяин, видя, что не так-то легко ожидать, когда все само собой уляжется, обратился к администрации. Та тотчас поспешила на помощь. Городовые бегали по квартирам мастериц, которые после отказа прибавить 10 коп. тоже забастовали и выставили еще и другие требования—между прочим, чтобы им дали отдельную ком-

нату для обеда (раньше они обедали и летом и зимою «на чистом воздухе»), открыли другой выход, так как по прежнему ходить опасно—лестница полусгнила. Итак, мастериц тащили на работу, полураздетых детей буквально хватали на улице.

Но дело не шло: досидев до обеда, работницы разбежались. Тогда подумали о «зачинщиках» и арестовали 40 человек, на что работницы ответили прибавлением требования—выпустить арестованных. Хозяин, видя, что дело не клеится, обратился к администрации уже с просьбой выпустить работниц, он думал удовлетворить их требования. Но каково было его горе, когда администрация ответила: «пока нас не звали, могли сами поступать как угодно; теперь же дело наше, не мешайтесь».

Новое постановление (о штрафовании хозяев) вошло в силу: с хозяина этой фабрики за то, что он поздно заявил о стоянке, взят штраф в 500 рублей.

(«Искра» № 14, от 11 января 1902 г. Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов, стр. 4)

СЕНТЯБРЬСКАЯ СТАЧКА УЧЕНИКОВ ГЛАВНЫХ МАСТЕРСКИХ В 1903 Г. В КРАСНОЯРСКЕ

После майского разгрома социал-демократической организации началось собрание ее осколков, и по истечении некоторого времени возобновилась кружковая работа. От красноярского комитета были выделены для работы среди железнодорожников курсистки акушерско-фельдшерской школы т.т. Полина Калико и Витя Шуваева, а в августе их заменил студент-технолог Леонид Александрович Красин. В кружок входили: Мардасевич И., Люц В., Старцеусов М., Рогов А., Анселев П., Строганов В. и Суханкин. Все перечисленные товарищи работали в главных мастерских в качестве учеников, кто по году, а кто и по три года.

Заработная плата определялась при поступлении в 20 коп. в день, а через каждые 6 месяцев должна была повышаться, в зависимости от успеха того или иного ученика. Всего работало в главных мастерских 300 учеников. Возраст учеников колебался от 15 до 19 лет.

Однажды на собрании кружка было сделано сообщение о том, что в течение уже года не было прибавки жалования, тогда как раньше эта прибавка проводилась через каждые 6 месяцев; три четверти учеников были разбросаны по бригадам на сдельной работе, и многие из них работали не хуже квалифицированных рабочих. Это сообщение было подвергнуто обсуждению и было вынесено решение повести кампанию среди учеников за стачку с целью повышения оплаты труда. Это нужно было сделать еще и потому, что среди рабочих после первомайской демонстрации было подавленное настроение, а, с другой стороны, среди учеников большое недовольство отсутствием прибавки. Расчет был

прост: при условии успешной стачки учеников под'ем настроения должен передаться на мастеровщину и оживить работу в мастерских.

В начале сентября было объявлено общее собрание учеников в ученическом цехе, инициаторами которого явились ученики, работавшие уже давно по бригадам разных цехов. Тов. Рогов объяснил цель созыва собрания, и ученики без всяких разговоров присоединились к предложению кружка и выбрали для переговоров с начальником мастерских особую делегацию—т.т. Рогова, П. Портнягина, Суханкина, В. Строганова. Было вынесено постановление—пока требования не будут удовлетворены, к работе не приступать. К концу собрания появились жандармы, дежурившие в мастерских, и окриком: «разойтись на работу!» хотели ликвидировать стачку, но ученики со свистом и гамом разошлись с тем, чтобы собраться после переговоров депутатов в ученическом цехе.

Пока делегаты ходили к начальнику, жандармы следовали по пятам, следя за каждым их движением. Начальник мастерских Клочковский был вызван в управление дороги, и его заменял мастер сборного цеха—инженер-технолог Черунович. Черуновичу было уже известно о стачке, и он решил запугать делегацию, заявив: «я с вами разговаривать не хочу, идите и работайте, а если кто не выполнит моего распоряжения, тот будет уволен из мастерских». Делегаты заявили, что они явились для переговоров не лично за себя, а за всех учеников. Что же касается обещания уволить, это он может сделать когда угодно, как начальник мастерских.

Начальнический пыл спал, и он предложил зайти в кабинет изложить, что делегатам нужно. Немедленно были сообщены требования о прибавке жалованья и вежливом обращении с учениками технической администрации мастерских. Переговоры велись с начальником в присутствии студентов-практикантов-технологов, в числе которых был и наш пропагандист Леонид Красин, в это время находившийся у начальника. Это еще более придало делегатам смелости. Начальник по заслушании заявил: «идите и передайте всем остальным, пусть немедленно приступают к работе. Что же касается вас, то я наведу справку у мастеров, и если выяснится, что вы заслуживаете прибавки, будет прибавлено, а если нет, то будете уволены».

В этом было повторение того же самого маневра «взять на испуг», что и в первый раз. Делегация потребовала у начальника определенного ответа: будет ли удовлетворено требование или нет. На это он ответил, что повторяться не будет, и просил передать то, что сказал. Делегация направилась в ученический цех сообщить товарищам ответ начальника; дежурные жандармы также присоединились к делегатам в качестве провожатых, но достаточно последним было войти с делегатами в цех, где ученики были в полном сборе, как раздались голоса: «долой жандармерию!»—и свист.

После того, как ученики немного успокоились, делегаты передали им суть переговоров, а также внесли предложение о том, чтобы собрание уполномочило делегатов пойти вновь к начальнику и передать о том, что стачка не будет прекращена, пока начальник не даст определенного ответа об удовлетворении требований. Было принято еще одно предложение о том, что, когда делегаты отправятся к начальнику, все ученики должны идти вместе с ними к конторе и ждать результата переговоров. Путешествие нужно было проделать через кузнечный и токарный цехи, так как начальник в это время находился не в главной конторе, а в конторе сборного цеха.

Предложение было принято, и все ученики, в количестве 300 человек, с шумом и гамом двинулись к конторе; их сопровождали жандармы. Вышла недурная демонстрация; а когда ученики проходили мимо мастеровщины, иные покровительственно, а иные с гордостью смотрели на подпрыгивающую молодежь. Подойдя к конторе, делегаты сообщили через табельщика начальнику о своем прибытии. Начальник вышел и, увидя занятые учениками проходы, страшно взбесился и затопал ногами. Часть учеников разбежалась, но делегаты пододвинулись еще ближе к начальнику и предложили ему выслушать ответ учеников. Разбежавшиеся ученики опомнились и, увидев, что большинство не уходит из конторы, вернулись обратно. Однако, от ведения переговоров Черунович отказался и делегаты предложили всем ученикам, в ответ на его поведение, разойтись по домам и приходить каждый день только с утра для осведомления, удовлетворены ли требования.

Остановившись на подобном решении, молодые ученики-стачечники разошлись по домам. Забастовка продолжалась два с половиной дня; 16-го сентября за вторую половину месяца были вывешены табели; оказалось, что у всех без исключения учеников были пометки о прибавке жалования, кому на 10—15, а некоторым даже 20 коп. в день. Оказалось, что во время стачки бригадиры, у которых работали ученики, ходили к начальнику и вели с ним переговоры о прибавке, указывая на то, что, если стачка затянется, то в бригадах, где было по несколько учеников, приработок получится много меньше и это может повлечь за собой остановку работы мастерских из-за низких расценок. Это хождение бригадиров сыграло немалую роль в ускорении победы учеников.

Так закончилась ученическая стачка 1903 года.

А. Рогов

(«Пролетарская Революция» № 1 (36). Воспоминания о рабоч. движении в Красноярске в 1901—1904 годах)

ПРИКАЗ КАПИТАНА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОРТА

(От 19-го марта 1902 г., № 105)

«...14-го марта утром во время производившегося обыска из толпы мастеровых, ожидавших входа в порт, несколько подростков, взобравшись на гору у казарм, стали бросать вниз камни в мастеровых и солдат.

Поступок этих безобразников можно объяснить двояко: или же этим причинить хотели вред солдатам за исполнение ими долга службы, или мастеровых заставить не идти на работы в порт. В первом случае их нельзя назвать иначе, чем дикарями, во втором же случае их нужно признать очень скверными людьми, так как причинение вреда ближнему за исполнение им долга присяги и намерение мешать людям заработать честным трудом пропитание себе и семье, нечестны и противны божеским и человеческим законам.

В виду их молодости вина за этот поступок падает на их родителей, которые очевидно мало школят их дома и не приучили их к порядку и к уважению личности ближнего, но тем не менее не дело порта их воспитывать и порту такие люди не желательны.

Поэтому предписываю, из поименованных ниже в списке мастеровых и учеников, участвовавших в бросании камней, уволить из порта вовсе и впредь не принимать в порт: Владимира Лехта, как зачинщика, Ивана Васильева за дерзость офицеру при арестовании его, остальных же в виду их молодости и в надежде, что этот случай заставит их родителей обратить на своих детей строгое внимание, предписываю уволить из порта на один месяц.

Подписал контр-адмирал Лощинский»

(Листки «Жизнь» № 2, 17 (30) мая 1902 г., стр. 11)

ДЕМОНСТРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ДЕРЕВНЕ

(Письмо рабочего из Тверского уезда)

15-го мая в с. Пречистом-Бору, Первитинской волости, бывает ярмарка, куда собирается крестьянская и фабричная молодежь для гулянья. Часа в два пополудни, в самый разгар гулянья, нашлась кучка крестьянской молодежи, которая запела революционную песню «Дубинушка» и тем привлекла большую толпу. Дело происходило на берегу р. Тверцы.

Но вот, из толпы послышался голос: «в село, в село». И толпа, приблизительно около 200 человек, тесно сплоченною стеною с разгоряченными лицами и бодрым настроением отправилась туда. Шествие продолжалось восемь минут. Когда пропели «Дубинушку», то прокричали: «долой царя!» и дружным эхом по окрестностям разливалось «ура». Это шествие происходило на глазах урядника Лаврова, но из боязни, чтобы ему не попало колотушек, он не посмел унимать шествующую толпу.

По этому поводу начались розыски лиц, руководивших толпой. Урядник 23-го мая приехал в дер. Носово и допрашивал крестьян. Но те ему ответили, что ребят на ярмарке было много—«мы не знаем, кто тут руководствовал». И в этот же день допрашивали в Пречистом-Бору четверых ребят: Ивана Иванова, Павла Екимова, Матвея Ефимова, Сергея Васильева, но те ответили то же самое, что и носовские мужики.

При допросе участвовали попы Сергей Раевский и Иван Думашев, они показывали на тех ребят, которых совершенно не было. Духовенство совсем завралось. 28-го мая приехал в Пречистый-Бор жанд. полковник Устинов и опять допрашивал этих же ребят, ничего от них не добился и, не составивши протокола, уехал обратно.

26-го мая в дер. Городне, Новинской волости, в праздник Духов день, собралось ребят человек 70 для гульбы. Около 3 час. пополудни с общего согласия порешили пройти по деревне с красным платком, привязанным на длинную жердь, на котором было написано мелом: «долой царя!». Пропели хором «Дубинушку» и после каждого куплета составляли требования: «долой царя! Да здравствует земский сбор! Долой помещиков!» Шествие продолжалось минут 15, настроение было хорошее, веселое.

31-го мая в дер. Поддубок, той же волости, ходили по деревне и пели «Варшавянку», рабочую «Марсельезу» и «Дубинушку». Настроение было очень хорошее. В местечке Федяево, Никулинской волости, бывает ярмарка и собирается молодежь. И там—в присутствии урядника—человек сто пропели «Дубинушку».

(«Искра», 1-го июля 1903 года, № 43. Из деревни, стр. 6).

ЛЕНИН О РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В 1905 ГОДУ

(Из письма Н. Ленина Рахматову Харитону, 11 февраля 1905 г.)

I.

«...Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая, и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неподвижности, чиновничества и проч. Основывайте из молодежи сотни кружков впередовцев и поощряйте их работать во-всю. Расширяйте комитет втрое приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, «кооптируйте» всякого и каждого честного и энергичного человека. Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты (не беда, если ошибется, мы во «Вперед» «мяпко» поправим). Надо с отчаянной быстротой объединить и пускать в ход всех революци-

онно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости, не хныкайте по поводу того, что они зелены. Во-первых, если вы не сумеете организовать и подтолкнуть их, то они пойдут за меньшевиками и Галонами и той же самой неопытностью навредят впятеро больше; во-вторых, учить будут теперь в нашем духе события. События уже учат всех и каждого именно во впередовском духе.

Только непременно организовывать и организовывать сотни кружков, отодвигая совершенно на задний план обычные комитетские (иерархические) благоглупости. Время военное. Либо новые, молодые, свежие, энергичные, военные, сплоченные организации повсюду для революционной с.-д. работы всех сортов, всех видов и во всех слоях, либо вы погибнете со славой «комитетских формалистов», людей с печатями.

Я об этом буду писать во «Вперед» и говорить на с'езде. Пишу вам, чтобы попытаться паки и паки вызвать на обмен мыслей, вызвать на то, чтобы с редакцией связали непосредственно десятки молодых, свежих рабочих (и др.) кружков, хотя..., хотя, между нами будь сказано, никакой надежды на осуществление этих надежд, дерзких пожеланий не питаю. Разве через два месяца запросите, чтобы по телеграфу ответил, согласен ли на такие-то изменения «плана»...

Заранее отвечаю, что на все согласен...

До свидания на с'езде

Ленин.

Надо поставить себе задачей революционизировать доставку «Впереда» в Россию. Пропагандируйте самым широким образом подписку из Питера. Пусть студенты и особенно рабочие выписывают десятками и сотнями на свои собственные адреса. Бояться этого по нынешним временам смешно. Все перехватить никогда не сможет полиция. Будет доходить половина — одна треть, и это уже очень много. Давайте эту мысль любому кружку молодежи, которая найдет и сотни своих путей за границу. Давайте шире адреса для посылки писем во «Вперед», как можно шире.

(«Пролетарская Революция» № 4 (39), стр. 19, 20. 15 февраля 1905 года)

II

Дорогой друг! За письмо большое спасибо. Продолжайте непременно в том же духе, только вот еще что: 1) никогда не ограничивайтесь конспектированием переданных вам писем или сообщений, а непременно (пишет) пересылайте их (кроме ваших писем) целиком; 2) обязательно связывайте нас непосредственно с новыми силами, с молодежью, с свежими кружками. Не забывайте, что сила революционной организации в числе ее связей. Числом передаваемых нам новых русских связей мы должны определять дееспособность и результаты работы наших

друзей. До сих пор все питерцы (позор им!) не дали нам ни одной новой русской связи (ни Серафима, ни Сысойка, ни Землячка, ни Ник. Ив.). Это скандал, это зарез, это крах! Учитесь у меньшевиков, Христа ради! В № 85 «Искры» тьма корреспонденций. Ведь вы вот читали молодежи «Вперед», отчего же не связали нас ни с кем из этой молодежи? Помните, что стоит вам провалиться, и мы на мели, пока вы не приобрели нам десятка новых, молодых, верных друзей «Впереда», которые умеют вести сношения, сумеют переписываться и без вас. Помните это!! Профессиональный революционер должен создавать в каждом месте десятки новых связей, давать им при себе всю работу в руки, учить их и подтягивать не поучениями, а работой. Затем ехать в другое место и через месяц—два возвращаться, проверять молодых заместителей. Уверяю вас, что среди нас есть какая-то идиотская, филистерская, обломовская боязнь молодежи. Умоляю: боритесь с этой боязнью всеми силами. Ваш Ленин.

(«Пролетарская Революция», № 4 (39), стр. 25—26)

КАРИНКА С НАТУРЫ

(Сообщено петербургским рабочим)

Приходская школа. Ученики собрались на дворе, возле полуразрушенного сарая, и толкуют, как и с чего начать расспрашивать у священника, за что стреляли на Невском 9-го января. Из толпы выделяется стройный красивый мальчик и предлагает: «товарищи! Митя спросит, за что его отца убили когда он сидел в сквере возле Невского, а мы все поддержим»... Пришедшие к заключению своего собрания, третьегруппники направились в книжный зал. Заходит священник. «Встать, дети!» Молчание. Ни одного движения. Священник поражен нахальством учеников; подходит и поднимает одного, который протестует, указывая, что весь класс сидит. Священник сел за кафедру. Воцарилась тишина.

— Что вам нужно?—сверкая глазами, спросил священник.

— Поговорить...—тихо раздается среди учеников.

— Говори.

На третьей скамье поднимается худенький Митя и начинает дрожащим голосом говорить:

— Отец-батюшка! Зачем убили моего отца? Кому нужна его жизнь и наше страдание? Ведь мы голодаем, корки хлеба дома нет. Расскажите, за что?

Поп было совсем ошел, но, оправившись, решил предпринять радикальные меры:

— Я там не был и не знаю,—заговорил он грубо,—а если убит, то он шел против воли царя и бога. А ты убир...—Но пошедшие слова заглушили свист, гиканье и стук ногами о пол.

(«Искра», 18 апреля 1905 г. № 97, стр. 4. Наша общественная жизнь).

БОЙКОТ ФИРМЫ ВЫСОЦКИХ

Из-за детского труда

Ко всем российским гражданам!

Вы, вероятно, слышали, что в Одессе существует чайная фабрика **В ы с о ц к и х**. Господа **В ы с о ц к и е** известны не только как богачи и чайные фабриканты, но и как филантропы и еврейские благотворители. В обществе они кичатся своими просвещенными убеждениями, гуманностью и либерализмом. Вот эти-то щедрые и либеральные **В ы с о ц к и е** у себя на фабрике немилосердно эксплуатируют рабочих. Работают на этой фабрике малолетние девочки, воспитанницы школы, откуда почетный попечитель ее, он же директор этой фабрики, г. **Т а у э р** берет их под свое отеческое покровительство на фабрику. Этих счастливых детей пролетариата берет он прямо в рай земной!

Одесские граждане, вероятно, видели не раз этих счастливых обитателей Эдема, каждое утро направляющихся группами в это единственное в своем роде благотворительное учреждение! Вы удивляетесь, вероятно, что у этих избранных такие тщедушные тела и бледные, бескровные лица; вы поражаетесь, отчего эти лица не сияют восторгом и не дышат счастьем. Ведь знаменитый филантроп-благотворитель душу свою кладет в заботу о них! Остановите когда-нибудь такую счастливую, поговорите с ней. Пусть она вам порасскажет о радостях своей жизни. И польется неожиданно для вас печальная повесть этих избранниц, прерываемая душой потрясающей громкой нервной икотой.

— Это от чайной пыли,—говорит она, извиняясь,—из 400 работающих девочек половина страдает икотой и за это нас выгоняют с фабрики, так как икота заразна.

Вы видите перед собой молодой девичий организм, в корне подорванный профессиональной болезнью. За счастье работать в филантропическом учреждении **И. Д. Высоцкого** девочки до 15-ти лет получают 7 рублей в месяц, а старше 15-ти лет—9 руб., они получают немного, но их отец-благотедель в заботах о них не забывает, что они от пролетариата, сами пролетарии, что они бесприданницы. И вот на приданое у них высчитывают ежемесячно по 2 руб. По истечении трех лет это приданое выдается, а кто ушел раньше, тот лишается этого заготовленного **Высоцким** приданого. Удивительно заботлив **И. Д. В ы с о ц к и й**! Счастливые девочки являются обеспеченными и в настоящем и в будущем!

Мужчины, работающие у него, получают: холостые—от 9 до 17 рублей, а семейные—15 рублей. Это ли не благодеяние?!

А неблагодарные работницы и рабочие не умеют ценить заслуг своего отца-благотеделя, они недовольны—«бунтуют».

И тут г. Высоцкий обнаруживает необыкновенную заботливость о «своих детях». Он горит желанием уберечь их души от вредного влияния социалистов.

— Не слушайте социалистов, они ваши враги, истинный друг ваш—это я,—восклицает Высоцкий, слыша кругом себя ропот и разговоры о забастовке,—я политики не потерплю у себя на фабрике... Военное положение... Я вас всех до одного выпшвырну,—кричит он.

Он верен своему слову. Как только рабочие заявили ему свои требования, удовлетворенные после забастовки в мае и отнятые теперь, г. Высоцкий выполнил свою угрозу. Он в союзе с фабричными «шпионами и городовыми» занялся изловлением крамольников у себя на фабрике». По его указанию было арестовано трое. Г. Высоцкий протянул свою либеральную руку самодержавному правительству в борьбе с борцами за народное дело, и борьба с «внутренними врагами» в полном разгаре. На отказ—удовлетворить требования рабочих, они ответили ему забастовкой, несколько десятков юношей и девочек очутились за воротами фабрики.

Не сбылись мечты г. Высоцкого. Когда четыре года тому назад он расправился с забастовщиками, подвергнув их экзекуции во дворе своей фабрики при содействии казаков и градоначальника Старкова, он заменил мужской рабочий персонал детьми. Он решил, что приобрел себе всех маленьких послушных рабов. С детьми, ведь, легче поладить! И платить им нужно меньше, и безответственное они, чем взрослые. Но, увы! Ошибся филантроп! И в детской душе наемного рабочего-подростка загорается ненависть к беспощадному произволу и эксплуатации. Дети забастовали, но не сумели дружно постоять за себя. Лишившись нескольких десятков своих товарищей, они снова должны мириться со своим тяжелым положением, снова терпеть обиды и унижения. Снова тянуть непосильную ляжку, обречать свои неокрепшие организмы на вырождение и вымирание, таков-то либерализм г. Высоцкого!

— Долг всех честных людей помочь нам в нашей задаче—разоблачить господ Высоцких, сорвать с них лицемерную маску просвещенных благотворителей. Пусть фабрикант эксплуатирует своих маленьких работников, пусть разрушает их здоровье—это его право, как фабриканта! Но общество не вправе отнестись к этому равнодушно. И теперь, когда так много хороших слов говорится о свободе, о правах народа и о жизни пролетариата, общество на деле должно показать свое отношение к «просвещенным филантропам» Высоцким.

Мы объявляем им б о й к о т. Общественное презрение должно клеймить их лицемерное поведение. Пусть они, испытав на себе тяжесть общественного негодования, поймут, что нельзя играть двойную роль: быть гуманными филантропами, одновременно заключив союз со шпионами и полицейскими, пить безжалостно

кровь детей-работников и бесконечно оскорблять их молодые души.

Граждане! Бойкотируйте фирму Высоцких, бойкотируйте их личность. Пусть эксплуататоры будут эксплуататорами. Пусть не претендуют на звание порядочных людей.

Бойкотируйте чай фирмы Высоцких!

Чай Высоцких не должен покупаться!

Приглашаем всех организованных рабочих и всех граждан поддержать одесских товарищей в этом бойкоте.

Одесская группа РСДРП. Одесский с.-д. комитет «Бунда».

(«Социал-Демократ» № 15. 30 сентября 1905 г. стр. 8, По России)

МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ В ЗАБАСТОВКЕ СЛУЖАЩИХ У Г. СЕГАЛЯ В ВИЛЬНЕ

«...6 сентября началась стачка служащих у г. Сегалья. Забастовка вызвана увольнением двух служащих за то, что они не «поклонились» своему «хозяину». На требования, предъявленные товариществу служащими, «хозяин» г. Сегаль ответил «целым воззванием»: «К служащим товарищества И. Б. Сегаль, в Вильне». Стиль сегалевского документа столь великолепен, содержание его до такой степени бесподобно, что мы не можем отказать себе в удовольствии познакомить хотя бы и в выдержках читателей... с литературным произведением виленского парфюмерного короля.

В своем воззвании г. Сегаль констатирует «новое, ненормальное и крайне прискорбное явление, наблюдаемое уже около года», заключающееся в том, что некоторые «служащие», преимущественно мальчики и несколько девочек, ничем недовольны: не угодишь на них: «они недовольны установленным в товариществе порядком», «они недовольны жалованьем», «они недовольны старшими», «они недовольны управлением и хозяевами». Вот эти-то самые «мальчики и девушки», лишённые «чувства долга и чести», «агитируют среди товарищей» и своей агитацией они внушают «товарищам неуважение к старшим» и «ненависть к хозяевам». Работают «мальчики и девочки» из рук вон плохо: «работа вялая, халатная, бестолковая, без желанья, без интереса»; работают они «отвратительно, небрежно, так, что со стороны противно смотреть». К тому же эти «распущенные молодые люди», «не имея заслуг» никаких за собой — «грубы и наглы». Словом, такая «анархия среди служащих», что «дело» не может уже «прогрессировать». И эти наглые и грубые служащие бросили работу «без каких-либо серьезных оснований», при чем они «не постеснялись выставить ряд требований», не подумавши даже над их содержанием.

И необдуманном требованиям служащих парфюмерный король противопоставляет свои условия, вероятно, очень и очень

хорошо обдуманные. Условий всего одиннадцать — приведем из них два, наиболее характерных. Пункт 5 «требований правления» гласит, что устанавливается «посредствующее звено» между правлением и служащими; в это посредствующее звено служащие выбирают из своей среды «5 представителей»; указан и возраст представителей — «не моложе 25 лет». Кроме того, чтобы иметь право попасть в число «пяти», надо прослужить у г. Сегалья «не менее 5 лет». Пункт седьмой сохраняет за правлением «полное право увольнять служащих без изложения каких-либо причин»... «В требованиях правления», помимо требований, еще и одна «покорная просьба» — «нравственным воздействием» на «молодых людей содействовать установлению порядка». Господин Сегаль выражает надежду, что его «поймут и поддержат все порядочные служащие». То, что требования служащих санкционированы «рабочей организацией»..., г. Сегаль считает лишь «недоразумением», ибо «никакая уважающая себя организация» не возьмет на себя защиту таких лиц, которые «в отношении к своим обязанностям, товарищам старшим и фирме ведут себя подобно хулиганам»...

(«Последние Известия» № 254, 30 октября 1905 г. Стачка служащих в товарищ. И. Б. Сегаль, стр. 10)

СТАВИЛЬЩИКИ НА СТАЧКЕ У МОРОЗОВА

Орехово-Зуево. Стачка на фабрике Викулы Морозова продолжается. После того, как 22 числа ставильщики прядильной ф-ки выгнали со своих фабрик рабочих, 23 утром все рабочие, за исключением ставильщиков, снова вышли на работу, но ставильщики решили настоять на своем и геройски бросились снова останавливать фабрику. Мимо казаков, пытавшихся загорудить выход в прядильную фабрику, ставильщики в сопровождении боевой дружины проникли в нее, собрались в сортировочной.

Оратор с.-д. начал речь, которой призывал к дружной забастовке всех рабочих фабрики Викулы Морозова. Во время речи появились три казака, что послужило как бы сигналом к остановке фабрики. С криком «долгой казаков» и револьверными выстрелами ставильщики и дружинники разбежались по фабрике, паровые остановились, рабочие бросили работу. В одной из паровой был тяжело ранен провокатором ставильщик 17-летний мальчик, смелый, развитой, один из руководителей своих товарищей.

(«Борьба» № 3, 30 ноября (13 декабря), 1905 года, стр. 4)

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

8 июля. Бастуют все мальчишки торгово-промышленных заведений, мальчишки из типографий, мальчишки-слесаря и мальчишки-заготовщики. Больше всего заслуживает внимания забастовка маль-

чиков торгово-промышленных заведений. Уже третий день эти мальчики (в возрасте от 9 до 13 лет) сходятся в собрании общества приказчиков в количестве не менее 500 человек. Председательствует 12-летний мальчик, который поражает всех своим ораторским талантом. Удивительно было видеть, когда 12-летний оратор открыл заседание и произнес речь, в которой точно и определенно выяснил то положение, в каком находятся мальчики и стремления, которые зародились у них. «Мы, говорил он, несчастные дети угнетенного пролетариата, прежде всего должны добиваться таких условий труда, которые дали бы нам возможность учиться, иметь время для своего развития, чтобы принять человеческий облик. И первое требование, которое мы должны предъявлять своим хозяевам, это предоставление свободного времени для ученья». Дальше он указал, что даже и торговому делу, для служения которого они взяты, их не считают нужным учить, а употребляют для домашних услуг. Указал на необходимость требовать от хозяев и старших приказчиков вежливого обращения, увеличения жалованья и неприкосновенности забастовщиков. Говорили и другие мальчики, приводили конкретные примеры всей той кабалы и эксплуатации, под гнетом которой приходится им жить.

На третий день 12-летний оратор опять открыл собрание речью, в которой говорил о труде и капитале так популярно, что она ничем не отличалась от речей более взрослых. Тут он указал на необходимость примкнуть к борьбе за конечную цель, к которой стремится весь рабочий класс,—за социализм, и выяснил, что это такое. Указал на необходимость созыва учредительного собрания, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. После этой речи были выработаны требования и выбрана комиссия из мальчиков и приказчиков. Завтра идут на работу. Если же требования не будут удовлетворены к назначенному сроку, то мальчики снова решили бастовать.

(«Пролетарий». Женева, 9 (22) августа 1905 г., № 13. Рабочее движение, стр. 6).

ДВИЖЕНИЕ УЧЕНИКОВ НА ЗАВОДЕ «ДУКС МЕЛЛЕР»

После декабря администрацией завода была обещана ученикам прибавка через каждые полгода, но администрация этого не исполнила. Тогда ученики решили протестовать и при посредстве заводского комитета выработаны были следующие требования учеников: 1) неприкосновенность депутатов, т.-е., чтобы никто участвующий в выборах не был уволен, 2) прибавка жалованья ученикам по 20 коп. в день, 3) при выучении жалованье должно быть не менее 40 коп. и прибавка через каждые 4 месяца, 4) отмена всех сверхурочных работ, 5) вежливое обращение со стороны старших, 6) по прошествии полугода ученик имеет право требовать перевода из одного отделения мастерских в другое и 7) сдельные работы по принуждению быть не должны, а могут производиться только по добровольному соглашению. Эти требо-

вания через депутатов от учеников 26-го мая были переданы администрации, которая их не приняла, заявив, что «мы с мальчишками не намерены вести переговоры». Ученики, увидя «радушный прием хозяев», сейчас же ушли с завода.

...Такая постановка дела сразу отрезвила хозяев, потому что уход учеников прозил приостановкой некоторых отделений. Тогда хозяева сейчас же устроили собрание рабочих, на котором предложили ученикам, что прибавку могут сделать монтеры, сколько они найдут возможным. Ученики не согласились. Тогда было предложено нечто вроде примирительной камеры по 3 человека от рабочих и хозяев, только для прибавки жалования, на что тоже не согласились, а продолжали твердо стоять на выработанных требованиях. Общее собрание по этому поводу вынесло следующую резолюцию: мы, рабочие акционерного общества «Дукс Меллер», придя на собрание 26-го мая в количестве всего завода и обсудив требования учеников, нашли их вполне справедливыми и единогласно постановили—присоединиться к этим требованиям, и решили поддерживать их всеми средствами; кроме того, собрание находит необходимым добавить следующие требования: 1) установить немедленно 9-часовой рабочий день, а перед праздниками—8-часовой; 2) требовать прибавки всем жалования на 20%; 3) не увольнять никого за забастовку и 4) уплатить жалование полностью за дни забастовок.

На другой день, т.е. 27-го мая, эта резолюция была представлена через уполномоченных хозяевам, которые из пунктов решили удовлетворить следующие: из требований учеников—пункты 1, 3, 5 и 7, а общего собрания—пункты 1 и 3; подробный ответ был сообщен общему собранию, которое решило от своих требований не отступать и заявило уполномоченным, чтобы они передали хозяевам, что ответа ждем через полчаса, и если не последует, то уходим с завода, на что хозяева сейчас же вывесили объявление, что все требования удовлетворены. Ученики бастовали с утра 26-го до обеда 27-го мая.

Забастовка была организована заводским комитетом РСДРП и велась вполне организованно и планомерно, все выставленные требования разбирались по пунктам и доказывалась необходимость их. В это время, как шли переговоры уполномоченных с хозяевами, был устроен митинг, на котором говорились о профессиональном движении, и почти все выразили согласие записаться в члены.

(«Светоч» № 16, 30 мая 1906 г.)

ПОРАЖЕНИЕ ПОДРОСТКОВ НА ЗАВОДЕ МЕЙЕРА

Условия труда на чугунно-литейном заводе сохранили еще первобытные формы. Не коснулось рабочее движение рабочих Мейера, и в результате те незначительные льготы, которые даже у нас, в России, отвоевал себе рабочий класс, не дошли до этого завода: сохранились еще сверхурочные работы, увеличивая таким образом рабочий день до 13—14 часов, сохранились еще рублевые

штрафы за прогульные дни и т. д. Мальчики, поступающие впервые на завод, в других предприятиях получают по 30—40 коп. в день, у Мейера они получают только по 20 коп., по-старому. У Мейера в течение пяти лет они получают ежегодно по 5 коп. прибавки, так что рабочий на заводе Карла Ивановича получает 45 коп. в день. Надо сказать, что работа мальчиков-стерженщиков в чугунно-литейном производстве очень важна, так как без стерженщиков подмастерья совершенно не могут работать. Мальчики-стерженщики на чугунно-литейных заводах, проработав 3 года, переходят на сдельную работу.

Уже на второй год им даются новые мальчики, которых они в течение 1½ года должны приготовить себе в заместители. На таких условиях и к Мейеру поступают мальчики. Но эти условия исполняются в других предприятиях, где уже солидарность и единство проникли в среду товарищей-рабочих, где как говорят: «один за всех, все за одного», у нас же Карл Иванович и не думает исполнять условий, заключенных с мальчиками. У него стерженщики, работающие уже пятый год, не имеют еще заместителей и все получают по 5 коп. прибавки ежегодно. В этом году перед пасхой Мейер обещал мальчикам к 1-му мая прибавить по 10 коп., вместо обычных 5 коп. Но подошло 1-е мая, Карл Иванович и не думает исполнить своего обещания. И вот, несмотря на «черносо-тенную» атмосферу, которая создалась на заводе за последнее время, несмотря на полное отсутствие агитации, мальчики сговорившись, все, как один (всех младших мальчиков-стерженщиков 20), бросили работу.

...Это была, что называется «капля, переполнившая чашу». Не испугало их и грозное заявление Карла Ивановича, что он будет писать им ежедневно по 1 рублю штрафа, они решили стойко держаться до конца и не уступать. Но Мейер достал рабочих, которым дал по 1 рублю 25 коп. и 1 руб. 50 коп. и поставил их стерженщиками. Затем 8 старших мальчиков, пробастовав один день, изменили своим товарищам и отправились на работу. Печально кончилось первое выступление юных борцов: большая часть их была рассчитана, и они уехали в деревню или сидят без работы в городе. На-днях является на завод околоточный надзиратель и приносит мальчикам «забастовщикам» следующее постановление от градоначальника: «если вы еще раз забастуете, то подвергнетесь полевому суду и будете приговариваться к смертной казни через расстрел». Постановление подписано большими красными буквами, повидимому, для того, чтобы навести еще большую панику на мальчиков. Кто написал это постановление?

...Товарищи! В тех предприятиях, где солидарность протекла в среду рабочую, таких постановлений быть не может. Каким бы не был хозяин, боязнь соединенных рабочих у него сильнее хищнических наклонностей.

Один из рассчитанных стерженщиков

(„Светоч“. 24-го мая 1900 года — № 22, На фабриках и заводах, стр. 3).

ДЕМОНСТРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ

Иваново-Вознесенск. Война и последние события сильно революционизировали рабочих. Молодежь, находящаяся в сфере нашего влияния, ищет выхода своему настроению и стихийно выносит свой протест наружу. Например, в конце января самостоятельно, без ведома группы Сев. Комитета организуется молодежью небольшая демонстрация...

(«Вперед». Женева, 9 (26) мая 1905 года — № 17. Рабочее движение, стр. 4).

ПЕРВОЕ МАЯ 1906 г. В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

Дети на улице собрались и снимали всех из школ—человек 500 разгуливают по улицам с пением «Марсельезы», «Варшавянки» и прочими песнями. Что, ребята, весело сегодня?—обратился я к толпе ребятшек 8—10 лет, девочек и мальчиков.—Как же, сегодня наш рабочий праздник 1-е мая, сегодня никто не должен заниматься.—Вдруг кто-то из них достал красный платок, моментально достали палку, и красное знамя готово. «Красное Знамя» петь!—кричат со всех сторон, и звучные детские голоса затянули боевой марш. «Ведь они—это и есть будущая армия труда, пускай научаются знать свои будущие интересы и свой рабочий праздник»,—говорил мне один рабочий...

(«Волна», 6-го мая 1906 года—№ 10. Первое мая в провинции стр. 4).

1-е МАЯ 1906 г. В РЕМЕСЛЕННОЙ ШКОЛЕ

Заведующий ремесленным училищем «О-ва распространения просвещения среди евреев», кадет и выборщик инженер Болотин, лишил учеников обычной летней прогулки за то, что они, считая себя будущими пролетариями, решили вместе со всем пролетариатом отпраздновать 1-е мая и в этот день не работали. Этот же г. Болотин лишил зимою бедных учеников сапог за то, что прикнули к политической забастовке.

(«Курьер», 3 (16) июня 1906 года—№ 16. Хроника стр. 4).

КАК ЗАБАВЛЯЕТСЯ РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ

За последнее время по вечерам по Шлиссельбургскому тракту часто устраиваются самопроизвольные демонстрации с красными флагами и песнями. То расцветет Семянниковский завод флагами, с надписями «Амнистия», «Земля и воля» и т. п., то разукрасят такими флагами водовоза, которого затем блюститель порядка тащит в участок. Так забавляется рабочая молодежь.

(«Курьер», 23-го мая (5-го июня) 1906 года—№ 6. стр. 3. Рабочее движение).

ВЫВОЗЯТ МАСТЕРА НА ТАЧКЕ

В механической мастерской Никитина и Руссота (на Лиговке) мастер Соловьев, преследованием, придирками, несправдливостями, по отношению к ученикам, так их возмутил, что они решили вывезти его на тачке, заручившись предварительно обещанием со стороны мастеровых в поддержке, но их приготовления были обнаружены мастером, отчасти при помощи одного из учеников, который, испугавшись угроз мастера, выдал своих товарищей: В результате два ученика, принимавшие наиболее деятельное участие в этой истории, получили расчет, причем одному не доплатили за неделю жалованья.

(«Вперед», 28-го мая 1906 года—№ 3. На фабриках и заводах, стр. 4).

КАК ИГРАЮТ ДЕТИ ПРОЛЕТАРИЕВ

В воскресенье 30-го апреля во дворе одного дома на Петербургской стороне по Б. Зелениной улице детишки, собравшись огромной ордой, играли в демонстрацию и баррикадный бой, с пением «Марсельезы» и «Варшавянки», с красными знаменами, двинулись по двору, изображая демонстрацию. «Да здравствуют рабочие». Потом представили, будто едут казаки, начали строить баррикады из досок, кое-как скидали их в одно место в кучу. Когда баррикада была готова, водрузили на ней красное знамя, и запели «Марсельезу», а потом начали бросать камни в ту сторону, откуда будто бы показались казаки.

(«Невская Газета», 8 (21) мая 1906 года—№ 6. Хроника стр. 4).

ПЕРЕСТРЕЛКА МАЛЬЧИКОВ С ПОЛИЦЕЙСКИМИ

Варшава, 31-го марта. Вчера, вечером, по улице Монюшки проходили три полицейских агента. Заметив толпу мальчишек, показавшуюся им подозрительной, они направились к ним и приблизились на несколько шагов; из толпы раздался выстрел, которым один из агентов ранен неопасно в щеку. Агенты бросились за стрелявшим и задержали его с браунингом в кармане. Задержанный оказался мальчиком, продававшим газету «Рабочий».

(«Наше Эхо». 1-го апреля 1907 года—№ 7, стр. 3).

РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В 1905 ГОДУ

Брянск, май 1905 г. Пение революционных песен сильно распространяется по деревням, Мальцовским заводам и селам. Революционная песня положительно вытесняет фабричную «частушку». Нередко вечером приходится слышать мелодичные звуки песни,

распеваемые двумя—тремя девушками, где-нибудь на завалинке. Поют и подростки 11—13 лет. Особенно привились: «Смело, товарищи», «Варшавянка», «Дубинушка», «Марсельеза».

Среди деревенской и фабричной молодежи можно теперь нередко встретить девушку, не то было раньше. «Семейная драма» между «отцами» и «детьми» забралась и в крестьянский дом и часто кончается победой последних. Особенно трудно выносить борьбу девушкам, пользующимся меньшей самостоятельностью. Борьба между стариками и молодежью иногда принимает нежелательную форму—особенно под влиянием пропаганды попов. Бывали случаи, что отцы предавали сыновей. К счастью, влияние попов заметно падает.

К событиям последнего времени надо отнести детскую манифестацию в с. Любохне 1-го мая. Дети 11—13 лет собрались в роще и, выслушав своего «оратора» (подражание старшим), двинулись по селу с красным платком на древке и пением революционных песен. Теперь там стоят казаки.

(«Револ. Россия», 1-го июля 1905 г. № 70. Рабочее движение в городах и деревнях, стр. 18).

«МАЛЕНЬКИЙ БУНД»

Бобруйск. Как и в других городах, у нас образовался так называемый «Маленький Бунд», объединяющий подростков 12—14 лет. Они устраивают свои собрания, на которых выступают их же ораторы, выпускают писанные листки и т. п. Они часто беспокоят наших охранителей своими манифестациями. Так, например, в промежуточные дни пасхи они устроили демонстрацию: выкинули красное знамя, стреляли из револьвера и с революционными возгласами маршировали по Шоссейной улице. Несколько недель тому назад они решили прогнать городского со слободы (бедная часть города). На помощь городскому были вызваны казаки. В редакцию доставлены (в оригинале) две «прокламации» подростков, написанных детскими каракулями.

Кроме возгласов: «долой самодержавие», «да здравствует социализм» и др., отдающих явным подражанием старшим, в них содержатся трогательные по своей непосредственности жалобы малолетних на свою горькую долю эксплуатируемых хозяевами учеников, на свою забитость и заброшенность вообще. «Раннее детство, жалуются подростки, мы проводим в душных и тесных талмуд-торах, нередко питаюсь одним сухим хлебом. С десяти лет нас рассовывают по мастерским». Авторы «прокламаций» приглашают своих товарищей «бросить всякие глупости» и наравне со старшими добиваться повышения платы и лучших условий труда, ибо «нас, малышей, совсем придушили, нам совсем жить не дают».

(«Последние Известия», 4-го июля 1905 г., № 239. Хроника рабочего движения, стр. 3—4).

Проскуров. 6-го ночью специальная полиция окружила синагогу, где происходила сходка организации «Молодого Бунда», и арестовала 13 человек, преимущественно детей 10—14 лет.

(«Вперед», 7-го июня 1906 года—№ 11, стр. 2).

ПРОСКУРОВСКАЯ КРАМОЛА

О ней оповестила весь мир телеграмма, в которой сообщалось, что в ночь на 6-го июня полиция окружила одну из местных синагог, где арестовала 13 детей, от 10 до 14 лет. Сообщаем подробности этого события. В понедельник, 5-го июня, вечером, одним из сыщиков (в коих, как показали последние события, у нас недостатка нет) было донесено, что в одной из синагог происходит массовка «Бунда». И надзиратель 2-й части г. Хромович с отрядами городских и стражников поспешил войти в синагогу. Смелый надзиратель приказал дать несколько выстрелов в воздух, чтобы напугать собравшихся, вместе со стражниками двинулся в синагогу. Но каково было их удивление, когда, при входе в синагогу, они, вместо направленных на них револьверов, как они предполагали, увидели толпу мальчиков 10—14 лет, о чем-то горячо споривших. Надзиратель, который во всяком случае видит крамолу, смекнул, что это должна быть массовка «Молодого Бунда» и приказал отвести этих детей в участок.

(«Летопись», 16 июня 1906 года. В провинции, стр. 4, № 19)

ПОДРОСТКИ В ИЮНСКОМ ВОССТАНИИ 1905 г. В ОДЕССЕ

Зверское избиение произошло на углу Канатной и Еврейской. Здесь с обеих сторон собралась грандиозная толпа рабочих, среди которых было больше половины девочек-подростков из чайной фабрики Высоцкого. Девочек только что сняли с работы. Радостные, страшно возбужденные, они вышли с толпой взрослых рабочих с фабрики Левинсона. Вся толпа с громкими криками, страшно возбужденная, двинулась было по Канатной улице. Навстречу быстро двигался отряд городских. Передние части толпы пытались было повернуть на Еврейскую, но задние, не видевшие городских, начали кричать: «Не ходите, товарищи, на Еврейскую. Там участка засада». Но как раз в этот момент началось кровавое побоище с двух сторон: и со стороны Еврейской, где из участка, действительно, выпала куча городских с саблями наголо, и со стороны Канатной, откуда к тому времени уже вплотную двинулся отряд городских. Началась частая револьверная стрельба, отчаянные крики растерявшихся девушек (были от 13 до 14 лет), а в это время шашками рубили отдельные кучки сва-

лившихся девушек, мужчин. Рубили жестоко, зверски. В результате—множество избитых и до десятка сильно изрубленных шашками.

Разбежавшаяся толпа быстро вновь собралась и стала останавливать другие мастерские. В это время залпы начались с Преображенской улицы. Здесь полиция стреляла целый день с промежутками в два—три часа. Несмотря на это, толпы собирались каждый раз и плотными массами двигались назад и вперед. Преобладала рабочая молодежь и много подростков, которые всюду являлись застрельщиками. Сколько было залпов на Преображенской улице, трудно было установить, ибо стреляли беспорядочно, так что получилась картина непрерывной стрельбы. В этот же день стали закрываться магазины, банки и т. п. Войск пока было мало. Действовала, главным образом, полиция. Городовые мчались по улицам, размахивая в одной руке револьвером, в другой—шашкой. Однако, большинство выстрелов были холостые, иначе трудно себе объяснить поразительно малое количество жертв при почти непрерывной стрельбе. А стрельба была во множестве пунктов. Масса металась с улицы на улицу, ни разу не рассеиваясь хотя бы более чем на 15 минут. В пяти—шести пунктах воздвигали баррикады, валили конки, возы, тащали доски, но при первых выстрелах сейчас же разбегались. При постройке баррикад выдающуюся роль играли уличные дети.

Ночью во вторник пришлось констатировать следующие факты: 1) Завтра забастовка станет всеобщей. 2) Настроение находящихся на улицах рабочих крайне революционное. В острой форме требуют оружия. 3) На улицах преимущественно рабочая и интеллигентная молодежь всех возрастов до мальчиков и девушек 13—14 лет включительно.

(«Искра», 1-го июля 1905 г., № 104. Восстание в Одессе, стр. 3).

26-го июня. Интересно отметить роль детей пролетариата в Одесском восстании. Во время событий 14, 15 и 16-го июня на улице выступали в качестве ораторов подростки-дети. Один оратор, лет 13—14, сказал приблизительно такую речь: «Многие говорят, что в движении принимают участие много детей и подростков. Пусть так, разве не хорошо, что мы, дети-пролетариев выступили на борьбу? Разве мы, дети пролетариев, не переносили ту же нищету, что и наши отцы и матери? Разве мы не так бесправны и угнетены, как они? Разве нас не ждет впереди голодная жизнь? Разве нас не выбросят на улицу, когда выжмут из нас все соки? Нас, детей, еще больше угнетают, потому что мы еще больше беззащитны. Нас принимают на фабрики потому, что нам можно платить дешевле, чем взрослым, а в это время наши взрослые родители сидят без работы. И когда отцы наши выходят на улицу и умирают, мы тоже должны бороться. Будем же бороться, не будем жалеть жизни и добудем политическую свободу, которая освободит нас от несправедливости». Окружавшие оратора взрослые

рабочие и женщины целовали мальчика со слезами на глазах. Даже стоявшие тут же буржуа плакали. Вообще дети принимали самое живое участие, много их было убито и изранено. Особенно же горячее участие они принимали в постройке баррикад, в опрокидывании конок, в закрывании лавок и магазинов. Целыми отрядами переносились они с угла на угол, неслись по улице и вносили много бодрости в борющуюся массу.

(«Пролетарий», Женева, 13 (26) июля 1905 г. № 9. Письма из Одессы, стр. 3).

15-го июня. С 13-го числа объявлена всеобщая забастовка. Два дня мы толпами ходили по улицам и всюду снимали с работы несознательных рабочих. Были мелкие стычки с полицией, но мы выходили победителями. Разъяренные шайки казаков беспощадно бьют и режут, не разбирая детей, стариков, женщин. На третий день арестованы были 25 человек (высланных нами депутатов). Это взволновало всю массу, и началось шествие по улицам, на которых начали строить баррикады. Я никогда не забуду одной сцены, происходившей на моих глазах. Представьте себе толпу детей (11—14 лет), с воодушевленными, вспотевшими личиками, таскающих своими маленькими рученками бревна и камни для баррикады. Они так поглощены своей святой работой, что не обращают ни на что внимания, не слушают ни топота казачьих лошадей, ни свиста нагаек. Праздная, глазающая публика, да и все мы содрогаемся, завидев их бешеный бег. Еще один момент, еще один скачок, и слетят, быть-может, невинные головки, перестанут биться эти еще чистые детские сердца... Раздался залп, и на несколько минут все покрылось как бы туманом. В воздухе запахло кровью. Когда туман рассеялся, мы увидели красную от крови мостовую, несколько убитых и раненых товарищей, в том числе и одну молодую девушку.

(«Пролетарий», Женева, 27-го июня 1905 г. № 7 Восстание в Одессе, стр. 3).

«ЮНЫЕ БОРЦЫ»

Отражение влияния революции 1905 г. бывш. русск. окраины

«Россия» сообщает, что в Финляндии существует так называемый «Ihanneliitto», — организованный социал-демократами особый детский союз, членов которого (маленьких детей) социал-демократы уверенно называют «будущими борцами за право финляндского пролетариата». Вот по поводу этого «Ihanneliitto» пишет социал-демократический орган «Tgö» (№ 73).

«После великих событий 1905 года, когда численность социал-демократической партии достигла неслыханных ранее пределов, мы думали, что главную свою деятельность мы должны сосредото-

точить на внешнем развитии партии. Но в то же время и внутреннее развитие партии нами не было оставлено без внимания. Средствами подобного развития были—литература, библиотеки, союзы молодежи и «Ihanneliitto». Особенно сильного внимания заслуживает «Ihanneliitto». Существует изречение, что будущность народа зависит от его молодежи. Характер же этой будущности зависит от характера того воспитания, которое молодежь получит. В настоящее время мы должны вступить в борьбу с буржуазией. Последняя знает, что борьба за молодежь равносильна борьбе за силу и власть в общественной жизни.

Ведь, у детей так легко направить течение мыслей в ту сторону, в какую это желательно. Современная организация воспитания совершенно не соответствует требованиям и нуждам пролетариата. В школах детей приучают уважать только одно религиозное миросозерцание. Миросозерцание же социалистов там совершенно игнорируется. Поэтому нет ничего удивительного, что среди учеников народных школ встречаются дети, которые в самых мелких чертах расскажут вам какое-либо библейское событие, между тем как если вы спросите их о каком-либо экономическом вопросе, то они обнаружат полнейшее незнание. В наших школах детям не дают вполне ясных знаний ни об основах общественной жизни, ни о значении классовой борьбы. Между тем, с уверенностью можно сказать, что все эти сведения безусловно сделали бы из детей революционеров. Каким-либо героям или «святым мужам» в наших школах отдается очень почетное место, между тем как события, вроде Французской революции 1848 года или Парижской Коммуны 1871 года, изображаются детям в самых сентиментальных красках.

Причиной этого является то, что во всех событиях на долю пролетариата выпадала самая печальная участь. В силу такой постановки школьного дела явился вопрос, как детям пролетариата привить те убеждения, которые присущи большей части их родителей. Лучшим ответом на этот вопрос является деятельность «Ihanneliitto». Деятельность «Ihanneliitto» началась с 1902 года, а в текущем году только в одном Выборге уже насчитывается 755 членов этого союза. Быстрое развитие «Ihanneliitto» вызвало буржуазию на ожесточенную борьбу. Наоборот, среди социал-демократической партии деятельность этого союза вызвала к себе самую сердечную симпатию. Лучшим доказательством этого служат резолюции происходивших в разных местах Финляндии партийных собраний. Во всех этих резолюциях «Ihanneliitto» определяется как лучший и надежный способ борьбы за светлую будущность пролетариата.

ИЗВЕСТНЫЙ ЧЕРНОСОТЕНЕЦ ПУРИШКЕВИЧ О ДВИЖЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ

...Передо мной «Заря Поволжья» (издание не подпольное) № 9, Самара, 15 марта 1914 года... Характерна, например, последняя страница этого журнала. Вот корреспонденция из Сызрани:

«Урвавши минутку свободы, мы, магазинные мальчишки, собрались прочитать «Зарю Поволжья» и видим что она проливает свет на нашу жизнь и дает надежду в будущем иметь свободу и нормальный восьмичасовой рабочий день»... «Мы радуемся этому хорошему началу и надеемся, что на это общее дело откликнутся во всех странах и оценят трудную задачу. При сем прилагаем свою посильную помощь — 1 рубль. Четверо мальчиков разных магазинов города Сызрани».

Это 12-летние сопляки (смех) пишут подобные вещи.

(Из речи Пуришкевича 2 мая 1914 года, в 72 заседании 4-ой государственной думы. («Стенограф. отчеты 4-ой государств. думы, сессия вторая, часть III, стр. 1616—17»)

ЦЕРКОВЬ НА ПОМОЩЬ ХОЗЯЕВАМ

(Листок причета Свято-Троицкого собора)

Хозяева разных предприятий получают и читают ученикам для назидания такой листок:

«Слышатся повсеместно жалобы на одичание подростков!.. Грубость, пьянство, курение, картежная игра, воровство, ложь и т. п. пороки все более и более заражают наших подростков. Мы все страдаем от этого одичания; но более всех страдают и терпят от него хозяева торговых и ремесленных предприятий: ведь, грубые, нечестные, лживые, порочные мальчишки и девочки — плохие ученики и ученицы.

Причт Св.-Троицкого собора, зная все это, и решил прити на помощь хозяевам торговых и ремесленных предприятий.

Мы идем на помощь хозяевам прежде всего в исполнении лежащей на них религиозно-нравственной великой обязанности: ведь, хозяева, взявшие мальчика или девочку в обучение, заменяют им отцов, хозяйки — матерей. Мы идем на помощь хозяевам и в их трудном, но важном для их житейского благополучия деле: ведь, худые, ленивые, нечестные, лживые, грубые ученики и ученицы затрудняют работу, наносят ущерб труду; хорошие ученики и ученицы облегчают работу, поднимают в достоинстве и цене труд.

Чтобы обсудить все это важное дело, мы приглашаем хозяев торговых и ремесленных предприятий на собрание».

Однако, было бы не худо, если бы к этому причт внушал хозяевам поменьше изнурять работой и лучше содержать учеников и учениц, да не прикладывать к ним «отеческих» рук. Это и причту сочлось бы во благо.

(«Правда», № 20 (224) 25 января, 1913 года)

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ В ТИПОГРАФИИ «РУССКОГО СЛОВА»

Москва. 30 марта мальчишки-фальцовщики в типографии Сытина (газ. «Русское Слово») предъявили экономические требования и объявили, что, если их требования не будут исполнены, то они отказываются работать.

Требования: 1) каждый поступающий мальчик вместо прежних 10 руб. в мес. будет получать 12 руб. жалования; 2) наклейщики — 3 руб. особенно и 3) также тискальщикам в таком же размере — удовлетворены.

Бастовало 75 чел. Получают они от 10 до 19 руб. в месяц. Зимой они зарабатывали часовые (по 7 коп. в час).

Работают они с 5 ч. утра до 11—12 час. дня (с 9 час. утра идут часовые).

Часть учеников тасует адреса с полок 2 часа, приблизительно (платили прежде 3 руб., а теперь, после забастовки, 5 руб.).

Большая часть мальчиков приходит днем наклеивать адреса (время для этого каждый день объявляется особо). Наклеивают 3—3½ часа (платили раньше 3 руб., а теперь 5).

Помещение мастерской тесное — работает в ней до 100 чел. Душно, плохая вентиляция, обилие бумажной пыли — воздух тяжел.

Плохое питание, недосыпание. Азартные игры, вино.

30 марта, в день стачки, после уговоров и угроз рассчитать, администрация на все согласилась, но 2 апреля, подтверждая условия, оговорилась, что, все таки, при поступлении новичкам мальчикам-фальцовщикам будет 10 руб. в мес.

(«Правда», № 78 (282), 3 апр. 1913 г., № 86 (290), 13 апреля 1913 года).

ТРЕБОВАНИЯ УЧЕНИКОВ ТИПОГРАФИИ «РУССКОГО ТОВАРИЩЕСТВА»

Москва. В виду вздорожавшей жизни, истощения организма, постоянного недоедания, благодаря скудному жалованию, недавно ученики типографии и граверной мастерской «Русского Т-ва» обратились к администрации с следующими требованиями: 1) вежливое обращение; 2) возможность учиться мастерству — к которому приставлен — открыто, а не тайно, как сейчас в машинном отделении; 3) ежегодный двухнедельный отпуск с полным окладом; 4) увеличение заработной платы с 40 до 60 коп. в день работаю-

щим год, с 55 до 75 коп. работающим 2 года и с 70 до 85 коп., работающим 3 года, работающим самостоятельно на машине полное жалование мастера 1 руб. 50 коп.; 5) ежегодная прибавка жалования литографским ученикам по 20 коп. в день; 6) повышение жалования наборщикам-ученикам: 1-й год с 4 руб. 50 коп. до 8 руб., 2-й год с 5 руб. 50 к. до 10 руб., 3-й год с 6 руб. 50 коп. до 12 р., 4-й год с 8 руб. до 16 руб., 5-й год с 10 до 20 рублей.

Ответ был таков: двухнедельный отпуск отклонен, все остальные требования, кроме жалования наборщикам-ученикам, работающим 5-й год — удовлетворены.

Пятый год администрация решила совсем уничтожить.

Литографские ученики под давлением своих подмастерьев не присоединились к предъявившим требования.

В случае отказа удовлетворить требования, ученики предполагали забастовать и обратились за поддержкой к подмастерьям. Все согласилось, кроме литографских.

(«Правда», № 88 (292), 18 апреля 1913 года).

ЗАБАСТОВКА УЧЕНИКОВ В ТИПОГРАФИИ КУШНЕРЕВА

У нас в типографии до 200 учеников. Положение у них очень тяжелое: гоняют по городу, в самой типографии приходится часто бегать с 4-го на 6-й этаж, а иногда и со 2-го на 6-ой. Подъемная машина есть, конечно, но... не для рабочих, разумеется. Рабочий день учеников—9-часовой и это, несмотря на то, что по правилам работать ученики должны 8 часов. Пасху у нас принято «отрабатывать», так что ученики весь пост работают по 10 часов в день.

Получают ученики по следующему «точному» расчету: при поступлении — 3 руб. 50 коп. и через каждые полгода прибавка по 1 руб., наконец, через 4½ года — 15 рублей. Эта нищенская заработная плата — не единственная особенность положения наших учеников. Грубое обращение и неприличная ругань процветают во всю. Никаких попыток со стороны взрослых рабочих до сих пор не делалось в защиту учеников, и последние решили собственными усилиями добиться хотя бы некоторого облегчения своей участи.

Собравшись 12 марта и обсудив положение вещей, ученики с замечательным единодушием постановили потребовать: 1) увеличения заработной платы, 2) вежливого обращения и 3) 8-часового рабочего дня. Заработная плата должна быть установлена по следующей норме: 1-ый год — 10 руб., 2-ой — 12 руб., 3-й—15 р., 4-ый — 18 руб., и 5-ый — 20 руб.; наградные всем без исключения. Месячный отпуск ежегодно, с сохранением заработной платы. Директор обещал... до 16-го подумать, узнать, как в других типографиях, — и тогда прибавить; в остальном решительно отказал.

Новое собрание — и работу оставили около 150 учеников. Держат себя ученики организованно, вполне корректно. Тем не менее, городовые очень усердно «честью просят» их «не собираться» — тащить в участок не прочь. Появился и околоточный.

Администрация пыталась было взять рассчитанных из тип. Чичерина, но те, узнав о забастовке учеников, отказались. Ученики уверены, что их скромные требования будут удовлетворены. Все зависит от того, как поступят взрослые наборщики.

Можно считать решенным положительно вопрос о поддержке учеников старшими товарищами: 15-го состоялось собрание, на котором огромным большинством, при 2—3 воздержавшихся, постановлено: «считая требования учеников безусловно справедливыми: 1) не исполнять тех работ, которые лежали на обязанности учеников; 2) безусловно отказаться от каких бы то ни было сверхурочных работ впредь до удовлетворения требований учеников, и 3) настаивать, чтобы никто не был уволен». Таким образом, помощь ученикам обеспечена, а, значит, обеспечена победа их.

(«Луч». Среда. 20 марта 1913 г., № 66 (152). Москва, стр. 3—4).

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ В ПЕРЕПЛЕТНОЙ МАСТЕРСКОЙ СЕРГЕЕВА (Спасский пер.)

О жизни учеников и говорить не приходится. Живут они на хозяйской квартире и на кушаны, сахару им выдают по 1 фунту на месяц, спят они все в одной комнате по два, по три человека на кровати, а некоторые, не имея этой роскоши (кровати), спят на полу или на обрезках бумаги. На шашаб учеников оставляют обязательно и платят им только тогда, когда бывает в хорошем настроении хозяин, и то только по 1 коп. в час., а больше всего бесплатно, отказываться же — не смей.

В середине октября был такой возмутительный случай. Хозяин выдал мальчикам утром на булки вместо 3 коп. по 2 коп. Мальчики эти деньги отослали хозяину обратно и просили, чтоб им выдали по 3 коп. Хозяин грубо сказал: «Черти, не хотите брать, так и этого не получите».

Тогда мальчики, в виде протеста, не вышли на работу и стали требовать, чтобы им: 1) улучшили пищу, 2) выдавали бы больше сахару и чаю, 3) на булку 3 коп. и 4) для каждого — отдельную койку и постельное белье.

Узнав об этом, хозяин послал к мальчикам своего старшего сына, который предварительно вооружился веревкой от конторских книг. Придя к мальчикам, он начал их избивать, принуждая идти на работу.

Мальчики разбежались, но к работе не приступили, тогда сын хозяина пошел и доложил все отцу. Отец тоже вооружился веревкой, и пошли в поход против мальчиков. И пошла расправа. Беревки в воздухе свистели, но и это не помогло. Мальчики стояли на своем, пошли в полицию и рассказали обо всем случившемся.

Покамест они ходили в участок, хозяин не дремал: он спешно ставил свои стальные кровати, клал подушки, простыни, одним словом, перенес всю свою спальню в комнату мальчиков. Когда пришел полицейский, хозяин пригласил его к себе в комнату и они там сидели около часу; что они там говорили — это одному аллаху известно, но, когда вышли, полицейский сурово распрашивал мальчиков и, осмотрев комнату, составил карандашом протокол. Перед уходом он оставил свой адрес мальчикам, сказав: «если вас будет обижать хозяин, вы приходите ко мне, а я уж за вас заступлюсь» — и ушел, ничего хорошего для мальчиков не сделав.

Только полицейский вышел за дверь, как хозяин, что зверь, набросился на мальчиков с руганью: «сволочи, черти, если не нравятся, то убирайтесь к чорту. Вы мне не нужны».

И в тот же день он выгнал 4-х мальчиков, а с остальными расправился веревкой. И эти истязания продолжались целую неделю.. а взрослые рабочие, подмастерья, только смеялись: «ишь сопляки, тоже бастовать лезут». После этой забастовки мальчиков, хозяин стал выдавать мальчикам порционное, на день 25 коп.

(«Правда», 12 декабря, 1912 г., № 191. В разных предприятиях, стр. 4).

ЗАБАСТОВКА УЧЕНИКОВ В ЮВЕЛИРНОЙ МАСТЕРСКОЙ «Э. КОРТМАНА»

Забастовали ученики. Они подали свои требования, кончили работы в 3 часа дня 31 января.

Требования: 1) улучшение пищи; 2) булки давать не черствые и не двухкопеечные, а в 5 коп., к каждому стакану чаю давать по 3 куска сахара; 3) при приготовлении пищи, у плиты не должны находиться развешенные тряпки или белье; 4) удаление кухарки и прачки и замена их новыми; 5) отмена обысков; 6) отмена сверхурочных работ, а если таковые и будут, то должны быть оплачены; 7) при выходе ученика из ученья обязательно давать 25 руб.; 8) за прекращение работ до полного удовлетворения всех требований никто из учеников не должен подвергаться какому бы то ни было взысканию; 9) по выходе из ученья, жалование ученику — 1 рубль 50 коп. в день; 10) без подмастерьев на работу ученик не может выступать; 11) переговоры вести через уполномоченных от подмастерьев.

Г.г. мастера заменяют теперь бастующих так: Уро, получающий 250 руб. в месяц, заменяет шлифовщика, получающего 1 руб. 40 коп. за день, Щербаков, получающий 140 руб. в месяц, заменяет пропиловщика, получающего 1 р. 55 к. в день. Фактически, у хозяина имеются работники, так что у него нет еще желания обращаться к уполномоченным от рабочих. Рабочие решили с своей стороны не являться на работы до тех пор, пока не будут приглашены уполномоченные для переговоров.

Штрейкбрехерами считаются гравера: Лебедев и приезжий из Москвы.

Требования учеников рабочие решили также отстаивать вместе со своими до полного удовлетворения.

Настроение у всех бодрое.

Бастуют с 29 января 80 подмастерьев и 40 учеников.

Имея в виду то, что хозяева прекратили выдавать ученикам утром и вечером булки и даже не дают обедать, обещая еще их выпнать с хозяйской квартиры, уполномоченные от рабочих, подмастерьев вступили в переговоры с хозяевами 5-го февраля относительно только учеников. Переговоры с хозяевами никаких положительных результатов не дали, если не считать обещания, данного хозяевами члену гос. думы с.-д. Бадаеву, присутствовавшему во время переговоров, что пищу ученикам они будут выдавать, как и раньше, но на самом деле, пищи им не дают.

На требования рабочих хозяин Сорокин ответил так: «Г.г. подмастерья! На старых условиях, милости просим, начинайте работать; для вас двери всегда открыты». Сорокин наверное совсем потерял память, забыв, что рабочие хотят работать на новых условиях.

Рабочие решили не приступать к работе до полного удовлетворения всех требований.

Хозяева рассылают ученикам письма:

«Если вы все завтра, в пятницу (8 февр.), не выйдете на работу — будете выселены из квартир через мирового и обратно приняты не будете ни в каком случае (подпись)».

Итак, ученикам объявляют локаут. Ученики решили бастовать вместе со взрослыми рабочими.

Один из бастующих, И. И. Сошников, 6 февраля получил через парадный ход работу из фабрики на дом. Рабочие вынесли ему строгое порицание.

Изумительную стойкость проявляют ученики фирмы Э. Кортмана, несмотря на все лишения до поступления пожертвований (сейчас кушанье ученикам обеспечено), не взирая на угрозы хозяина и полиции, остаются верны раз принятому решению — бороться до конца.

Сели штрейкбрехерами: с нижнего этажа Егоров шлифовщик, и вновь принят пропиловщик Иванов, рассчитанный за неблагоприятные поступки мастером Щербаковым, который, настаивая на его расчете, заявлял — «или я, или он».

В настоящее время, мастер Щербаков нашел возможным иметь с ним дело, как со штрейкбрехером.

Пожертвования в помощь бастующих поступают. Обещана помощь из других городов.

Бастующие бодро смотрят вперед.

Камера мирового судьи в понедельник 25 февраля представляла несколько необычную картину. Скамьи для публики переполнены рабочими. Влево около стола мирового судьи, в качестве ответчиков, толпятся 12 молодых рабочих-учеников ювелирной мастерской Кортмана, в возрасте от 16 до 20 лет.

Направо молодой юрист, приглашенный господином предпринимателем для защиты его хозяйских интересов.

Слушается характерное дело о выселении из хозяйской квартиры забастовавших учеников фирмы Кортмана. Хозяин фирмы, в борьбе с забастовавшими рабочими и учениками, прибег к жесткой мере — насильственному выселению юношей рабочих (6 чел.—17 лет, 4 чел.—18 лет, 1—16 лет и 1—20 лет).

Приступая к разбору дела, мировой судья выражает недоумение о привлечении малолетних в качестве ответчиков, так как ответчики по закону не имеют права, за несовершеннолетием, ни быть ответчиками, ни истцами. Господин адвокат, проникаясь состраданием к предпринимательскому карману, сделал целое археологическое изыскание из практики раз'яснений сената 1870-х годов, когда, будто бы, сенат раз'яснил, что мировой судья имеет право разбирать дела и несовершеннолетних, но не моложе 17 лет.

Таким образом, из дела был выделен Русинов (16 лет). На предложение мирового судьи покончить дело миром, ученики-золотосеребряники ответили, что хозяин не желает мириться. В виду того, что мировому судье нужно было сверить ссылку г-на хозяйского адвоката с сенаторскими раз'яснениями 70-х годов, приговор по этому делу будет объявлен 4 марта в 11 час. утра.

По окончании дела, учеников окружают взрослые рабочие и выражают свое сочувствие гражданскому мужеству юношей, выступавших на суде без помощи юриста. Чем бы ни кончилось это юридическое дело, рабочие увидят из него, что в руках капиталистов все оружие современной юстиции, тогда как пролетариату для обладания хотя бы услугами адвокатуры, нужно делать громадные усилия. Первым шагом в эту сторону будет организация рабочих в профессиональные союзы.

(«Правда», № 26 (230)—1/II-1913, № 32 (236)—8/II-1913. № 36 (240)—13/II-1913, № 48 (252)—27 февраля 1913 года).

ТРЕБОВАНИЯ УЧЕНИКОВ НА БРОНЗОВОЙ ФАБРИКЕ

Мастер опять начал проявлять свою силу, — что ни шаг, то репрессии, что ни слово, то угроза расчетом.

Недавно ученики просили прибавки жалования, мастер Ми-чурин вытолкал их вон из конторы, приговаривая: «к чорту». Ученики на это подали мастеру требования: 1) прибавка жалования на 20 коп. в день; 2) если ученик проучился больше 2-х лет, то ему давать самостоятельную работу, а не винты прорезать.

На первый пункт последовал ответ «по усмотрению», на 2-й—«так и делается». В результате, 5 учеников рассчитано.

Одного из учеников доктор по болезни уволил на 2 недели. Но где-же администрации возиться с учеником, да к тому же с больным! Ухватились за 105 статью, пункт 5 устава о промышл., который гласит: «по заразной болезни». «Нам, де, некогда разбираться, что у него за болезнь? Чахотка или сифилис. Нам дела мало. Пусть-де обжалует в суд».

(«Правда», № 110 (314), 15 мая 1913 г.)

ПОДДЕРЖИВАЮТ ВЗРОСЛЫХ

(Мастерская бронзы Адельберг, Моховая № 30)

Бастует 14 человек. Стачка длится 16-й день, настроение бодрое. На переговоры не ходят. Ученики, в числе 7 человек, также забастовали. Хозяин их спрашивает: «кто вас научил?», ученики ответили, что их никто не научил, что они будущие рабочие и не могут подставлять ногу своим же товарищам. Настроение бастующих бодрое.

(«Живая жизнь», 14 июля 1913 г., № 4. Стачечное движение. Страница 3).

СТАЧКА УЧЕНИКОВ В МЕБЕЛЬНОЙ МАСТЕРСКОЙ

21 марта с обеда 12 человек учеников собрались и, обсудив свое положение, решили пред'явить хозяину требования: 1) улучшение пищи, 2) выдать хорошие сапоги, 3) чтобы 2 хозяйских брата не касались дел учеников и 4) чтобы всем были отдельные койки, которых сейчас 5 штук на 12 человек.

Пред'явив требования ученики 11 голосами при 1 воздержавшемся решили с обеда забастовать.

Хозяин требования все обещал удовлетворить, но не исполнил, 1 ученик из бастовавших ушел от хозяина.

Стачка 12 учеников кончилась в тот же день, т. е. 22 марта.

Удовлетворены следующие требования учеников: 1) два хозяйских брата отстранены от дел учеников; 2) сапоги ученикам хозяин все еще обещает; 3) койки, по принуждению полиции, добавлены складными походными кроватями; 4) пища та же.

23 марта, когда появилась заметка о стачке в «Правде», Ионову пришлось прочитать ее нечаянно, — он рабочей газеты не читает. Пришел он в бронзовую мастерскую Шуко (по Коломенской улице). Рабочие мастерской спросили Ионova о конфликте с учениками. Ионов глаза вытаращил — откуда-де узнали. Тогда ему дали прочитать газ. «Правда».

Придя домой, снарядил он своих присных и дал строгий наказ. Присные сейчас же нашли: «виновник в деле — новичок».

Новичку записали расчет. Затем взял расчет сам один из учеников, он ушел к другому хозяину. Ионов передал хозяину, что ученик из числа бастовавших. Новый хозяин не взял ученика доучиваться.

(«Правда», № 69 (273), 23 марта 1913 г., № 77 (281), 2 апреля 1913 года).

ЗАБАСТОВКА ПОДМАСТЕРЬЕВ И УЧЕНИКОВ В БУЛОЧНОЙ

(Булочная Крумеля)

3 подмастерья и 4 ученика забастовали 1 июня, предъявив следующие требования: 1) улучшение квартиры в гигиеническом отношении; 2) смена постельного белья каждую неделю; 3) открытие черного хода во всякое время дня и ночи; 4) соблюдение правил нормировки труда — работать не свыше 12 часов в сутки с 2-х часовым перерывом, — утвержденных смешанной комиссией хозяев и рабочих; 5) человеческое обращение с мальчиками; 6) вежливое обращение со всеми.

Порядки в булочной возмутительные. Пекарня и спальная на ночь закрываются на замок, так что рабочие находятся как бы в тюрьме. Клозета при пекарне нет—он находится во дворе, и рабочим ночью приходится пользоваться кадкой с водою...В этой же кадке мочится помело, которым заматывается печь. Санитарная комиссия на все эти безобразия смотрит сквозь пальцы. Обращение с мальчиками бесчеловечное. Хозяин их бьет палкой и кнутом; о пощечинах и подзатыльниках и говорить нечего. Мальчики работают не менее 18 часов в сутки.

(«Правда», 6 июня, 1913., № 128 (332). Рабочее движение стр. 3).

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ

(г. Красноярск, мануфактурный магазин)

16-го октября в мануфактурном магазине Назарова забастовали мальчики и предъявили требование о повышении заработной платы на 25%. После 2-дневной забастовки, требования удовлетворены.

На другой день после этого ученика уволили, а с ним еще одного жалобщика, а затем третьего, дразнившего «дядьку». Кухарке же, матери жалобщика, тоже заявили расчет—не заступайся, мол, за учеников. Хозяйка заявила, что: «кто будет недоволен «дядькой», то лучше всех учеников прогони, а обижаться не смеют».

Товарищи рабочие почему-то хладнокровно смотрят на все это, а не мешало бы посмотреть на положение учеников более здраво, и на то, что г. Будде ответил нам, что, «мол, не ваше дело, а мое и их родителей».

Труженик

(«Правда» № 29, стр. 4)

СТАЧКА КУХОННЫХ МАЛЬЧИКОВ В РЕСТОРАНЕ «МЕТРОПОЛЬ»

(Москва)

«Метрополь» — это один из фешенебельных и самых дорогих ресторанов в Москве, но в то же время, положение труда в нем наиболее тяжело. Не раз уже возникали здесь различные конфликты между администрацией и служащими. Особенно невыносимо положение кухонных мальчиков. До сих пор, они работали так: один день с 6-ти часов утра до 2 с пол. ночи... без перерыва на отдых, другой день — с 6 часов до 3-х дня. Но и этой зверской эксплуатации хозяевам показалось мало.

В настоящее время администрация заставила кухонных мальчиков работать ежедневно с 6 часов утра до 2 с пол. час. ночи с небольшим перерывом. Такого издевательства мальчики не вынесли и объявили стачку. Администрация всех их рассчитала, но все-таки конфликт еще не окончился.

(«Правда», 25 октября 1912 г., № 152. Рабочее движение, стр. 4.)

РАБОЧИЕ-ПОДРОСТКИ ПОДДЕРЖИВАЮТ «ЗВЕЗДУ»

I. Мы, рабочие и мальчики булочной Рейнфельд (1-я рота), от души сочувствуем возрождению рабочей газеты; в числе 8 человек жертвуем свою посильную лепту и желаем труженикам, товарищам-рабочим, продолжать стойко начатое святое дело.

II. Мы, пишущие это письмо, согласны с предложением группы читателей «Звезды» о том, чтобы № 1 рабочей газеты вышел ценою в 10 — 15 коп.

Мы призываем товарищей бросить хулиганскую игру в «дикетики», а деньги лучше употребить на покупку рабочих газет.

Товарищи, мы — дети рабочих и сами пойдем на фабрики, заводы и в мастерские, нам придется принимать участие в рабочем движении, а мы не подготовляемся для этого участия и будем неподготовлены до тех пор, пока не бросим «дикеты» и не будем читать рабочей литературы.

Ученик-переплетчик

(«Звезда», 17 апр. 1912 г., № 31 (67) стр. 3 столб. 4—5)

К ПОСЛЕДНИМ СТАЧКАМ УЧЕНИКОВ

В среде российского пролетариата есть одна значительная и вместе с тем, совершенно незащищенная категория тружеников; это так называемые — «ученики».

Бедняки-родители, побуждаемые нуждой, стараются как можно скорее, сбыть с рук «лишний рот» — и «Ваньки», «Кольки», «Петьки» — по достижении 9—11 л. (иногда только 8 л.) — идут «в науку».

Ученики, работая почти всегда столько же времени, как и взрослые рабочие, очень часто не получают вознаграждения за свой труд.

Работать ученикам приходится в ужасных, антигигиенических условиях, подтачивающих организм даже взрослых рабочих. Мало того, — учеников заставляют бегать на посылках, выполнять непосильную работу и т. д., и т. д.

Но мытарства детей этим еще не кончаются: их часто бьют, бьют по чем зря.

Что же делают взрослые рабочие? Как реагируют они на такие факты? В большинстве случаев никак.

Крепки еще в нашей рабочей массе предрассудки, что ученик — это «щенок», «сопляк», с которым нечего считаться, «куражатся» над ним, как только хочется, — знай, мол, наших и трепещи.

На долю учеников перепадает не только хозяйские шлепки и подзатыльники, но и рабочие.

Несознательные рабочие спаивают малышей и развращают. В доказательство приведу «экспедицию заготовления государственных бумаг», где подмастерья и им подобные господа, усиленно «просвещают» учеников.

Дети, как известно, очень переимчивы и любят подражать «старшим».

Неудивительно, что ученик «Митька» подчас гордо заявляет, что он выпил вместе с Васькой «полбутылку» или же был «у девок».

Думают ли взрослые рабочие о том, что выйдет из этих Васек и Митек?! Нет и нет!

И это вместо того, чтобы приохочивать учеников к чтению, солидарности, вступаться за них, выставя соответствующие требования.

Сами ученики бессильны помочь своему горю.

Зависимость от родителей, неопытность приводят к тому, что ученик является в руках хозяина дешевою и грушею.

Ученики все чаще прибегают к забастовке, как к единственному способу самозащиты. Но без поддержки взрослых их борьба почти всегда безуспешна.

Пора, давно пора взрослым рабочим подумать о положении своих товарищей по труду.

Ведь ученики это плоть от плоти, кровь от крови рабочего класса, это будущие борцы, и забывать о них—прямо-таки преступление.

Детская душа—это нежный цветок, и долг сознательных товарищей не давать ни хозяевам, ни темным рабочим втоптать его в грязь.

Довольно с учеников-детей и того, что лучшие годы, годы игр, веселья, доступного детям буржуазии, проходят для них за станком в душной и пыльной мастерской. Пора взрослым рабочим показать, что они борются за лучшие условия жизни—не только для себя, но и для других.

Мудрость, выраженная словами: «своя рубашка к телу ближе»,—недостойна пролетариев—она позорна!

Изредка блеснет выступление сознательных рабочих в защиту своих малолетних товарищей (напр., стойкая стачка «за учеников» в тип. Тилле).

Продолжительная, геройская стачка в тип. Тилле обнаружила ненормальное положение учеников, заставившее взрослых встать за них.

Тем гнуснее и позорнее роль штрейкбрехеров, которые сорвали эту принципиальную стачку.

Но большей частью, не дожидаясь выступлений взрослых, ученики сами начинают забастовку, потеряв всякое терпение.

В настоящее время, например, бастуют 400 учеников на Невском судостр. зав., ученики на зав. Савельева и в др. предприятиях. Очевидно, сама жизнь выдвигает на очередь борьбу за улучшение условий труда учеников.

Можно ли допустить, чтобы юные пролетарии на своих слабых плечах вынесли всю тяжесть неравной борьбы и не встретили сочувствия и поддержки у взрослых рабочих?

Можно ли допустить, чтобы рабочие всюду так же безучастно отнеслись к судьбе учеников, как, например, рабочие зав. Зигель, молча смотревшие на кровавую расправу мастера со своими младшими товарищами по труду?

Действительно, пора об этом подумать!

А. Бывалый

(«Правда», № 118 (322), 24-го мая 1913 года).

ЗАБАСТОВКА УЧЕНИКОВ СО ВЗРОСЛЫМИ РАБОЧИМИ

(Завод Вартце и Мак-Гил)

Утром 17-го июня стерженщики, придя на работу, обсудили свое положение и решили написать и подать хозяину свои требования, что и было сделано после обеда. После безрезультатных 2-часовых переговоров стерженщики оделись и вышли из завода. На замечание хозяина ученикам, зачем они бастуют, они, мол,

могли бы работать, последние в ответ заявили: «и мы тоже есть хотим, а потому мы солидарны с большими».

Рабочие стерженщики, обсудив те условия, на которых они в настоящее время работают, и найдя их невыгодными для себя, выработали новые условия.

Требования следующие: 1) увеличение на 2 коп. на пуд; 2) увеличение почасной платы на 15 коп.; 3) право артели самой нанимать и назначать жалование вновь поступающим; 4) отделение чернорабочих от артели стерженщиков; 5) отмена смазки котлов и др. работ или особая плата за них; 6) прибавка мальчикам жалования по 10 коп., всем без исключения; 7) очередной переход мальчиков на формовку, а не так, как практикуется теперь, по выбору или за взятку. Теперь прибавляют еще два пункта: 8) уплата за забастовочное время и 9) за забастовку не увольнять.

Брожение идет также и среди чернорабочих и литейщиков, и забастовка ожидается со дня на день.

(«Невская Звезда», № 14, 24-июня 1912 г.)

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ НА ЖЕЛЕЗОПРОКАТНОМ ЗАВОДЕ

Забастовка возникла по следующим причинам. Благодаря невыносимым условиям труда, на заводе наблюдается поголовное бегство рабочих, следствием чего явилась нехватка рабочих рук. Администрация стала прибегать к таким приемам: там, где работали 14 человек, она ставила 11. Этот прием стал практиковаться по отношению к мальчикам, работающим на машинах.

25-го июля 11 мальчиков, работая на одной машине, очень переутомились и пошли просить мастера Зубкова, чтобы он прибавил еще несколько человек, так как они не могут дальше продолжать работу. Нет сил... На это мастер ответил руганью и добавил: «Если вы не хотите работать, то можете идти на Крестовский сбивать шапки». После этого мальчики пошли, доработали пачку и, не приступая ко второй, ушли из завода.

Тогда мастер Зубков пытался взять мальчиков с других машин и поставить на место ушедших. Но это ему не удалось. Мальчики отказались занять места ушедших. Зубков хотел поставить на места ушедших рабочих магазинного отдела. Магазины тоже отказались. После всего этого пришлось машину остановить и вальцовщиков послать домой. Но вальцовщики потребовали уплаты жалования полностью. Зубков на это согласился.

На другой день ушедшие мальчики явились на завод, но часть из них не пропустили. Это возмутило мальчиков, работающих на других машинах и они, бросив работу, ушли из завода. Теперь мальчики выработали требования и хотят предъявить их администрации.

(«Раб. Правда», 1914 г. № 14, стр. 3)

ЗАБАСТОВКА УЧЕНИКОВ НА МЕХАНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ КРАВЦОВИЧА

Забастовали ученики в количестве 50 чел. в токарной и слесарной мастерских и предъявили следующие требования: 1) на штучную работу 40%; 2) ученикам, поступающим в учение, с первого дня платить 40 коп. в день (а то теперь первый месяц работают бесплатно); 3) по выходе из учения ученик не должен «отживать» прогульное время; 4) во время ремонта станка платить поденную плату; 5) за забастовочное время хозяин должен платить полностью, и 6) никто не должен пострадать во время забастовки.

Стачка продолжается 3-й день. Администрация завода не идет на уступки. Ученики решили продолжать забастовку до полного удовлетворения всех требований и не брать расчета. Места и работа учеников под бойкотом.

Бастуют 4-й день. Администрация завода не идет на уступки. Ученики решили продолжать забастовку до полного удовлетворения своих требований. Ученики просят товарищей-металлистов не исполнять работу Кравцовича. Они слышали, что Кравцович отдает работу в другие заводы и мастерские.

Места и работа учеников под бойкотом. Настроение учеников бодрое.

Забастовка учеников окончилась полной победой. Требования все удовлетворены, кроме 6-го пункта (забастовочное время платить полностью). Бастовавшие посылают привет дорогой газете «Правда Труда» и желают ей существовать многие годы.

(«Правда Труда», № 28 стр. 3, № 30, стр. 3, № 31, стр. 3, № 3, стр. 3)

СТАЧКА ПОДРУЧНЫХ И УЧЕНИКОВ НА МЕХАНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ

15 мая в 6 час. вечера забастовало 27 подручных фрезировщиков и 5 учеников-мальчиков в прицельной и фрезеров. маст. Требования: 1) рабочим, работающим по 70 и 80 коп. в день, заработок поденный должен быть в размере 1 руб. 40 коп.; 2) повысить расценки на 60 проц.; 3) мальчикам-ученикам, работающим по 60 коп. в день, установить поденную плату в размере 80 коп.

Требования были подписаны всеми рабочими. Требования не удовлетворены. Места и работы бастующих под бойкотом.

Бастующие благодарят рабочих всего зав. «Вулкан» за их моральную поддержку.

(«Правда», № 112 (316) 17 мая 1913 года).

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ НА ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ САВЕЛЬЕВА

21 мая забастовали мальчики, 20 человек, и заявили требования. Мастер категорически отказал, и работы были прекращены с 8-ми час. утра. В обед начались переговоры, но в требованиях было вновь отказано. Требования: 1) 10—20 проц. прибавки жалования; 2) кипяток в рабочее время; 3) чай после обеда. Рабочими был выбран выборный, чем хозяин остался недоволен.

После этого взрослые принялись за работу, а мальчики смело, не уступая администрации, вышли из завода. Как только рабочие принялись за работу, то выборного потребовали в контору, и хозяин объявил выборного виновным во всем.

Если хозяин требования не удовлетворит, то к забастовке примкнет весь завод, рабочие на места наложат бойкот. А мальчики не намерены работать, пока не будет им сделана прибавка жалования.

Из 20 мальчиков, забастовавших 22 мая, 5 через 3—4 дня встали на работу, сорвав таким образом стачку. Бастовавшие требовали повышения заработной платы на 20 коп. Остальные 15 мальчиков взяли расчет. Двоих из них вызывал к себе пристав Петергофского участка и всячески прозил за забастовку.

Нехорошо, что 5 из бастовавших сорвали стачку: ведь все стали из-за улучшения общей участи. Стыдно губить рабочее дело уже с 5 лет ученичества!

Администрация выдала рассчитавшимся на заводском бланке интересный «аттестат». На одном из них, выданном мальчику, проработавшему 4 года (с 1909 г.), значится: «Удостоверяю, что (такой-то) работал на заводе с 16 июля 1913 г. по 21 мая 1913 г.». Кроме того, что здесь ошибка, администрация должна была еще указать в удостоверении, в каком цехе, на какой работе находился ученик. И рассчитанные должны этого требовать: это—их право.

(«Правда», № 117 (321) 23 мая 1913 г., № 121 (325) 28 мая 1913 года).

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ-НАГРЕВАЛЬЩИКОВ НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ

25 апреля мальчики-нагревальщики корабельной мастерской предъявили администрации завода требование о прибавке поденной платы до 60 коп. в день. До сих пор мальчики получали 35—40 к. Администрация завода в этом требовании отказала, после чего мальчики забастовали. После обеда у ворот завода появилось объявление о расчете всех мальчиков. В это время в той же мастерской к забастовавшим мальчикам присоединились и рабочие

клепальщики, предъявив требование о повышении цеховой платы и расценки. Администрация просила рабочих подождать до понедельника, когда бастующие получат окончательный ответ на предъявленные требования, после чего мальчишки и клепальщики стали на работу.

(«Правда», № 100 (304) 3 мая 1913 года).

БОРЬБА ЗАВОДСКИХ УЧЕНИКОВ В МАСТЕРСКОЙ И ШКОЛЕ

В скверных условиях находятся ученики в этом заводе.

Ученики находятся в мастерских всего 7 часов. Их заставляют чистить всякую грязь и исполнять непосильную работу, а если кто не захочет этого делать, то тому прозят расчетом.

Начальник завода Адашев устроил при заводе курсы, на которые ходят ученики. Эти курсы он перевел со ст. Бологое по Ник. ж. д., так как там не находилось достаточного числа учеников.

В 3½ часа дня все ученики 1-го и 2-го курса идут на занятия, где подвергаются жестоким насмешкам «педагогов» — г.г. мастеров. Сами г.г. мастера ничего не знают по тому предмету, который они преподают и объясняют его по книге. В этом отличается г. Иванов. Списав заранее дома из учебника, он диктует в классе ученикам, иногда перечеркивая целые статьи по несколько раз и диктуя их снова. Ученики от этого перечеркивания ничего не могут понять, а г. Иванов сердится на это, говоря, что все это легко.

Много приходится слышать ругани от начальника г. Адашева, который только и знает два культурных слова: «хамство» и «хулиганство». Какую «проповедь» он ни начнет читать ученикам, всегда под конец скажет: «Вы хамы, хулиганы! Для вас стараются, а вы все не понимаете!»

9 января, по обыкновению, ученики пришли на курсы. На второй урок ко 2-му курсу пришел г. Адашев и стал расспрашивать учеников, как они провели праздники. Потом он незаметно перевел разговор на другую тему и спросил, кто что читает.

Ученики ответили, что читают рабочую газету «Правда». Услышав это, он посоветовал эту газету не читать, так как она все врет, а читать другую газету, например «Новое Время» или «Копейку», ссылаясь на то, что в этих газетах все известия пишутся правильно. После этого он ушел, посоветовав ученикам вместо чтения рабочей газеты брать книги духовного содержания из принадлежащей курсам библиотеки, на которую учениками наложен бойкот.

После г. А—ва пришел на урок г. С. и велел достать тетради, чтобы записать урок. Ученики встали и заявили, что тетради они позабыли дома. Тогда он заявил, чтобы они уходили домой. Ученики, взяв книги, ушли домой, за исключением четверых.

11 января г. С. рассказал Адашеву, что ученики 9-го января ушли с курсов. Сильно рассерженный, вошел Адашев в класс и объявил ученикам 2-го курса, чтобы они уходили домой и на другой день не приходили на завод. Обо всем случившемся он обещал донести начальнику дороги, чтобы тот распорядился дать расчет всем ученикам 2-го курса, за исключением тех 4-х, которые оставались на уроке г. С.

Ученики, собрав тетради и книги, ушли домой.

На другой день всех учеников остановили в проходной конторе и потребовали у них номера. Отобрав номера, учеников послали «гулять».

В 12 час. дня, когда ученики пришли за получкой, г. Адашев позвал 4 учеников, подозреваемых в подстрекательстве к стачке учеников, и, не желая «губить их молодость», велел им брать расчет «по собственному желанию».

(«Правда», № 12 (216), 16 января 1913 года).

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ НА БРЯНСКОМ ЗАВОДЕ

(Екатеринскав)

У мальчиков, работающих в мостовом цехе, ничтожная заработная плата (35 коп. в день), сверхурочные работы. Весь день работают под открытым небом, несмотря на морозы.

Все это заставило мальчиков подумать, как помочь своему горю. 17 января малыши—то тут, то там—собираясь группами, обсуждали свое положение.

Администрация приняла меры. Мальчикам не давали собираться толпой, но маленькие пролетарии не боялись никаких угроз.

На следующий день, придя в завод, все в один голос порешили не приступать к работам, пока начальник не даст прибавку в размере 15 коп. (вместо 35—50 коп.).

Десятник Наконечный пригласил городского, чтобы более стойких вывести, а остальных заставить работать.

Но этот опыт не удался: за выведенными товарищами ушли и все остальные. Это им стоило больших усилий, так как нужно было прорвать цепь сторожей, которым было приказано не выпускать остальных.

Мальчики, пробастовав полдня, вышли на работу. Четырех из них рассчитали, остальных предполагается заменить другими; всех их бастовало около 50 человек.

Волнение мальчиков для рабочих Брянского завода—первая искра. Горючего материала накопилось слишком много.

(«Правда» № 23 [227], 20 января 1913 года).

СТАЧКА УЧЕНИКОВ НА МЕХАНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ ЗИГЕЛЯ

...Стачка учеников продолжается. 24 января взрослые рабочие выбрали выборных для переговоров с администрацией по поводу учеников. В пятницу вечером выборные пошли в контору, где им ответили, что в субботу, в 9 час. утра, они получают ответ. В субботу выборные получили от администрации такой ответ, что она никаких требований учеников не удовлетворит и всем им объявит расчет. Но настроение учеников все-таки бодрое. С Сергея Марицкого, в виду его раскаяния, ученики решили снять бойкот. Появились новых два штрейкбрехера—Николай Башилов (из котельной мастерской) и Николай Ахунзанов (из сборной мастерской), которые работают. Среди учеников есть нуждающиеся в материальной помощи.

Стачка учеников, продолжавшаяся две недели, сорвана следующими лицами: Ив. Поповым, В. Балбекиным и еще одним работающим у Яковлева. В. Балбекин состоит членом союза металлистов. Администрация выбирает теперь таких, которые ей больше нравятся—в результате за воротами более двадцати товарищей-учеников. Это увольнение лежит на совести товарищей, которые во время стачки говорили не идти на работу, а сами же первые пошли работать.

(«Путь Правды», № 5, 26 января 1914 г. и № 14, 6 февраля 1914 г. Движение рабочих. Стр. 3).

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ-СТЕРЖЕНЩИКОВ НА АРМАТУРНОМ ЗАВОДЕ

На заводе работает мальчиков-стерженщиков 10 человек. Работают они года по два и более и получают поденную плату от 57 коп. до 72 коп. 29 мая они подали петицию директору завода Бергу о прибавке жалования от 9 до 18 коп. в день. Берг сказал, что завтра даст ответ, но тут же вечером всех мальчиков позвал в контору и, по одному вызывая в кабинет, спрашивал: «Вы принадлежите к этой партии?» И при этом показывал на петицию. —«Да, принадлежу!»—говорит мальчик. Директор записывает его рабочий номер и фамилию. Но недолго ему пришлось вести допрос: допросил только двух, остальные же мальчики, увидев, что они попали в паутину, все вышли за ворота. Появился монтер-электрик, и говорит: «Идите, вас зовет Берг».

Берг опять стал вызывать по одному; тогда мальчики ушли. 30 мая, придя утром в свою мастерскую, мальчики собрались все вместе, но тут на них напустилась заводская администрация. «Что вы собрались. Хотите работать по-старому, так работайте, а не хотите—убирайтесь вон».

Уходя из мастерской, мальчики сказали формовщикам, чтобы они не исполняли их работу. Но не успели мальчики выйти за ворота, как формовщики стали работать; старшим говорят, что, мол, нам все равно столько заплатят, как на формовке, а мы отдохнем: работа здесь полегче. 31 мая, в 5 час. вечера, мальчики пришли за получкой, как это полагалось по расчетной книжке, но у ворот уже ожидали двое городских, во главе с околоточным, пропуская по 15 человек в контору. Вместо получки, мальчикам дали полный расчет. Они получили полный расчет, а все-таки решили добиваться полного удовлетворения требований.

Ганенталец

(«Трудовая Правда». 6 июня 1914 г., № 8. Москва, стр. 4).

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ-ШИШЕЛЬНИКОВ НА РУССКО-АМЕРИК. МЕТАЛЛИЧ. ЗАВОДЕ

(Русско-Американский металлический завод. Шлиссельбургский 23)

17 июня в 1-й литейной с обеда забастовали шишельники-мальчики (9 человек), прося прибавки по 2 коп. Ходили к мастеру П. Сампсону, но он им отказал, говоря: «Если не хотите работать, берите расчет. Я лучше возьму женщин, положу им по 1 руб., и у меня не будет такой канители». Мальчики-шишельники с работы ушли все, кроме старшего. Мальчики решили расчета не брать до 19-го.

18-го июня мастер взял из-за ворот новенького мальчика, но тот, узнав, что идет забастовка, с обеда ушел. 19-го взяли женщину (фамилия выясняется) и она штрейкбрехерствует вместе со старшим П. Васильевым (хромым). С обеда мастер привел еще шишельника. 19-го все получили расчет.

Шишек нет; литейщики сидят без дела и по временам ходят в шишельную делать шишки.

(«Трудовая Правда». 21 июня 1914 г., № 24. Стачки в Петербурге, стр. 3).

МАЛЬЧИКИ-ТОКАРЯ В БОРЬБЕ ЗА СВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО

(Сормово, Нижегородской губ. Старо-механический цех).

3 марта токари и мальчики в количестве 200 чел. обратились к заведующему цехом г. Рыжову и пред'явили требования: уволить помощника мастера А. Елина за мерзкое обращение с токарями и мальчиками. По отношению к мальчикам Елин позволял себе выражения: «сволочи», «мерзавцы», «я вам укажу!», а по отношению к токарям идейным он осмелился говорить такие мерзости: «я вас, социал-демократов, подлецов, всех выживу» и т. д.

Он стал сбавлять расценки: прежде работали ролики по 1 руб. 80 коп., а он в наряде стал писать 60 коп., пальцы для роликов шли по 20 коп., он пишет 8 коп. и т. д.

Г. Рыжову был поставлен ультиматум: «Если не уволит Елина, токарки и мальчики будут вынуждены забастовать».

(«Путь Правды». 13 марта, № 35, 1914 г. По России, стр. 4)

ИЗ УЧЕНИКОВ ХОТЯТ СДЕЛАТЬ ШТРЕЙКБРЕХЕРОВ

(Балтийский завод)

Есть у нас техническая школа; после окончания ученики поступают на завод, где получают по 6—7 коп. в час. Эти ученики становятся, кто на станки, а кто у тисков, и одни из них выходят токарями, другие—слесарями, есть и чертежники. Но вот теперь г. Чечугин решил иначе: он хочет из учеников создавать не мастеровых, а штрейкбрехеров, поэтому он хочет ввести такую систему (уже начал): ученика он посылает месяца на три работать на токарном станке, месяца два—на фрезеровочном, месяца 3—слесарем, потом несколько месяцев на разметочной плите и т. д.

Это делается вот для чего. Вспыхнула, например, забастовка токарей, есть ученики-токаря, и, по г. Чечугину, они будут штрейкбрехерами; забастовка слесарей—опять ученики; разметчиков—те же ученики и т. д., и т. д. Что сказать, хитрый и дельный парень наш мастер. Но удастся ли это ему? Такова наша рабочая жизнь и таков режим на Балтийском заводе.

—Н. Сознательный

(«Луч», 20 июня 1913 г., № 139 (225)).

СТАЧКА 400 УЧЕНИКОВ НА НЕВСКОМ СУДО-СТРОИТЕЛЬНОМ ЗАВОДЕ

21 мая забастовали ученики всего завода—400 человек, предъявив требования: 1) при поступлении в завод на работу плата ученику в день 40 коп. и сразу работать на штуку; 2) когда ученик проработал 6 мес., то ему прибавка не менее 1 к. в час.; 3) когда ученик проработает 3 года, то он должен считаться мастеровым; 4) старшой не имеет права иметь более 3 учеников; 5) вежливое обращение с учениками со стороны старших и мастеровых; 6) заплатить за время забастовки по цеху; 7) за забастовку никто не должен пострадать; 8) всех бастовавших учеников после стачки принять обратно без медицинского осмотра.

Места всех бастующих учеников под бойкотом.

Положение учеников таково, что мальчик, поступающий на завод, первое дело ходит старшому варить чай, второе—заставляют носить непосильную работу, от которой отказываются мастера, ибо эта работа чернорабочих.

Старшой паровозо-обшивочной мастерской—жирный, ходит «руки в карманах», кричит: «Эй, вы, хулиганы, работать! А ты, хулиган, беги мне за ужином!».

Мальчишкам дают такую работу, которой они не могут не только научиться, но которая отнимает у них охоту работать. Ученики теряют физическую силу и делаются на всю жизнь калеками.

Директор завода Калабин хочет рассчитать мальчиков и уже назначил на их места чернорабочих.

В судовой медницкой принято так: мальчик 15—16 лет должен нести 3-х и даже 5-пудовую трубу на судно и спустить ее в машинное отделение (саженной 6 глубины) по приставной лестнице. Ежеминутно ученик может упасть.

Старшой же стоит с молотком в руке и смеется: «такой здоровый, женить пора, а такой трубы спустить не может», а чтобы помочь мальчику—он не думает. Мастер внимания не обращает на такое критическое положение мальчиков-учеников. Сильный обижает слабого.

Ученики бастуют второй день. Директор вывесил объявление, чтобы родители повлияли на своих детей, в противном же случае трезит расчетом без права поступления впредь на завод.

Но ученики решили бастовать до удовлетворения всех требований и, несмотря ни на какие угрозы директора, к работе не приступают.

21 мая, после обеда, как известно, забастовали мальчишки-ученики во всех мастерских Невск. судостроит. завода. Требования их, кроме указанных в предыдущих №№ «Правды», еще: 1) повышение заработка с 8 руб. до 10 руб.; 2) получающие по-денно 44 коп., должны получать 60 коп.; 3) за сверхурочные работы завод должен платить 5 коп. в час (до сих пор за сверхурочные работы ученики не получали ничего); 4) бесплатная выдача одежды для работы (в настоящее время мальчишки работают в своей одежде, например, в литейных мастерских). Благодаря забастовке учеников, работы в некоторых мастерских почти не могут продолжаться.

Были переговоры с директором, который сказал, что если ученики не станут на работу, то все они будут рассчитаны.

Забастовка продолжается.

К возникшей забастовке мальчиков в заводе примкнули и мальчишки столовой, положение которых гораздо хуже положения мальчиков на заводе. Получают они по 2 руб. в месяц.

Заведывающие кухней, как-то: повар, экономка, заведующая и др. вменяют в обязанность каждому из рабочих ходить за всем самим. Некоторые рабочие, не желая таскаться с тарелками, вилками, ложками и пр., хотели получить за чеки деньги, но им в этом отказали.

Забастовка мальчиков продолжается 12-й день. Получили расчет все мальчики. Некоторые отцы послали детей на работу, говоря: «иди, а то и нам из-за вас нечего будет делать». Калабин говорит, что наберет учеников из нищенского комитета. Калабин обещал мальчикам, что сделает все, что можно и что от него зависит.

(«Правда» 116 (320), 117 (321), 118 (322) и 121 (325) от 22, 23, 24, и 23 мая 1913 г. 1 июня 1913 г., № 125 (329). Стачки. Стр. 4)

СТАЧКА ДЕВОЧЕК НА ФАБРИКЕ «НЕВКА»

10 января был наложен штраф на 9 работниц-девочек за то, что у одной была нитка на плече от ровницы, у другой была карточка на окне, затем у кого найдена шпуля браку—всем по 25 к. штрафа. Одна девочка была отпущена по болезни, и той поставили 30 коп. штрафа: значит, нельзя быть больной. Девочки-работницы возмутились и, обсудив, решились забастовать с обеда 10-го числа.

11-го января и остальные отделения ватеров прижмули к ним и просили снять бумажные патроны цевки, а также штрафы, которые были наложены на работниц-девочек.

В этом этаже работают все девочки лет по 15-ти.

Рабочие ходили на переговоры к управляющему.

Он им сказал:

«Если не приступите к работе, то уходите с фабрики вон, а то полиция считает незаконным собранием и попросит вас уволиться».

Работницы решили не уходить с фабрики. Тогда управляющий фабрикой Джерард пригласил полицию, но почему-то она не явилась. В 10 часов рогулечницы остановили свои машины и прижмули к ватерщицам.

После обеда на фабрику никто не был допущен, а кто остался обедать на фабрике, тех выгнали с помощью дворников и закрыли ворота. Но все-таки работали ватерные подмастерья и слесаря.

(«Правда», № 10 (214) 13 января 1913 г.).

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ-ШПУЛЬНИКОВ НА ТЮЛЕВОЙ ФАБРИКЕ

20 шпульников, обсудив свое горькое житье и все издевательства со стороны нашей администрации и мастера Кашинского, решили забастовать и предъявили требования 18 мая:

1) за забастовку пострадать никто не должен; 2) прибавить расценку 20 процентов на рубль на машины.

Администрация отказала и вызвала фаб. инспектора: дескать, он рассудит. Инспектор вышел к рабочим с такою речью: «не хотите работать на старых условиях, так получите расчет».

Товарищи-ткачи, просим вас не работать нашу работу, не делать, как сделали прошлый год. Не смотрите на мастера Кашинского: пускай он рыщет по машинам.

Надеемся на солидарность ткачей. Товарищи, вы видите, как трудно бороться, не организовавшись. Записывайтесь в рабочий союз текстильщиков (Лиговка, кв. 32)—вот наш выход из трудного положения.

Мы получаем 60 коп., а штраф по 1 рублю. А жалование не додают; рабочий так и остается ни с чем. Рабочие бодры, надеются на полную победу. Наши места просим не занимать. Расчет решили не брать, ждать полного удовлетворения.

Вследствие забастовки шпульников, подготовлявших материал для ткачей, 22 мая в 12 час. дня прекратили работу около 200 ткачей.

(«Правда», № 117 (321), 23 мая 1913 г.).

БОРЬБА МАЛЬЧИКОВ НА ЯРЦЕВСКОЙ ФАБРИКЕ (у текстильщиков)

На фабрике тишь да гладь... Администрация хорошая. Расценки не прибавляет, а убавляет. Раньше мальчики получали по 65%, а ставильщики—по 48%. Администрация, видя, что рабочие не организованы и о своих нуждах не говорят, начала расценки сбавлять: кто получал 65%, тому сбавили 10%, а кто—48%, тому—3%. Мальчики и ставильщики стали собираться и обсуждать свое положение и порешили все (280 чел.) подать администрации требования. Мальчики требуют, чтобы администрация вернула им 10%, ставильщики—3%. Директор предložил обождать 2 недели. Прошел этот срок, и директор забыл о поданных требованиях. Мальчики и ставильщики, придя на работу 2 августа в 8½ час. утра, решили не приступать к работе до тех пор, пока не вывесят старый расценник.

Через некоторое время директор пригласил рабочих в контору и стал предлагать «отцовский» совет: итти на работу на прежних условиях. Рабочие отказались. Директор пустился на хитрость: призвал к себе прядильщиков и стал им говорить, чтобы они заставили мальчиков и ставильщиков итти на работу, но

прядильщики сказали: «Мы не можем их заставлять». Директор заявил: «они ваши дети и вы на них воздействуйте»... Когда и это не помогло, то через несколько дней директор без предупреждения остановил фабрику и выкинул рабочих вместе с семьями на улицу.

(«Правда» № 28. стр. 4, пол. 4).

ЗАБАСТОВКА МАЛОЛЕТНИХ И ВЗРОСЛЫХ РАБОЧИХ

(Брянск. Орловской губ.)

Здесь 7 февраля забастовали приемщики хояв около 100 чел., пред'явив фабричной администрации требование о повышении заработной платы на 20%, мотивируя это тем, что нет возможности содержать себя на 6 руб. в месяц.

Это малолетние рабочие 13—18 лет, зарабатывающие в среднем 6 руб. в месяц. Частичная забастовка приемщиков, вследствие технической необходимости, повлекла за собой приостановку работы рабочих всей фабрики—около 900 человек.

Отношение остальных рабочих к пред'явленному требованию малолетними рабочими было довольно сочувственное, но к бастующим не примкнули и собственных требований не пред'явили по многим соображениям.

На следующий день администрацией фабрики было вывешено объявление, которым она извещала рабочих, что, вследствие самовольного прекращения приемщиками работы, никакой им прибавки не будет и, если они не выйдут на работу, фабрика будет закрыта. 9 февраля было устроено общее собрание рабочих в числе 500 человек, где после всестороннего обсуждения рабочие других цехов предложили бастующим приемщикам пойти на компромисс, на что последние и согласились.

Решение это было передано чрез фабричного инспектора администрации фабрики, которая не замедлила ответить рабочим самым категорическим образом, что с ее стороны никаких уступок рабочим сделано не будет.

После такого ответа было устроено вторичное общее собрание рабочих, которое, подвергнув обсуждению ответ фабричной администрации и сравнив борющиеся силы противников, пришло к такому заключению, что забастовка одной части рабочих, не имеющих у себя ни средств, ни поддержки со стороны остальных рабочих, да к тому же разрозненных, сама по себе обречена на поражение, что с таким сильным и организованным противником, каким является Акционерное о-во Малыц. заводов, обладающее миллионным капиталом, частичной забастовкой делу не поможешь.

А для того, чтобы заставить о-во акционеров признать справедливое требование рабочих, нужно организованной силе предпринимателей противопоставить организованную силу всех маль-

цевских рабочих стекольного производства, организовавшись в профессиональный союз; тогда и только тогда можно будет рассчитывать на успех.

Вывяснив малолетним товарищам всю невыгодность начатой ими забастовки, рабочие предложили им стать на работу на прежних условиях, но памятуя, что это только пробный шаг, а борьба впереди. Пробастовав, таким образом, 3 суток, на четвертые — вышли на работу.

Стекольщик.

(Звезда, 19 февраля 1912 г., № 11 (47), стр. 4, столб. 4).

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ МАЛЬЧИКОВ О ЗАБАСТОВКЕ НА СТЕКОЛЬНОМ ЗАВОДЕ

(Ст. Веребье, Ник. ж. д. стекл. зав. бр. Костылевых)

Мы, 72 мальчика-баночника, 27 апреля забастовали и пошли в контору просить прибавки: хозяин заругался на нас. Мы ушли из конторы и все вместе проходили до вечера. 27 апреля работать не стали. Хозяин позвал нас в контору и заругался на нас. Мы закричали на хозяина: «цыган, лысый», и пошли вон. Хозяин побежал за нами с метлой. Мы в него кидались камнями, палками, и он сразу ушел от нас назад, в контору. Потом позвал нас и говорит: «я прибавлю». Мы попросили, чтобы он записал нам в книжки это и вывесил новый табель. Он сделал так, как мы просили, — прибавил в месяц 3 рубля. От имени всех бастовавших писал баночник

Буян.

(«Путь Правды», 11 июля 1914 г., № 83, Стачки, страница 3).

СОЗНАТЕЛЬНЫХ ПОДРОСТКОВ РАССЧИТЫВАЮТ

Мальчиков позвали в контору на допрос относительно стачек в «Звезде».

Всем сразу предъявили: кто писал?

Никто не признается. Мальчикам хозяин сказал: «в субботу сходите к родным, а в среду можете уходить».

А старшему сказал: «Ты всех старше, в субботу убирайся, а до субботы за ворота, дворник, не выпускай».

Старший мальчик, на другой день в пятницу оделся и пошел место искать. Хозяин его встретил на дворе и сказал: «Ах, ты работать не хочешь! Я тебе сказал, что ты работай до субботы, а в субботу убирайся. А ты не хотел до субботы проработать, — тогда сегодня же к чорту убирайся!».

И ночевать не дал, выгнал, вечером и инструмент не отдал: в конторе задержал. Этот же мальчик увечье получил на фабрике: два пальца с половиной оторвало. Выбросили на улицу — хоть на

Горячее Поле иди. Мальчик учился и сам сделал инструменты—рубанки и стамески. Мальчику дадут строгать кривой столбик—рубанка горбоком нет. Он спросит у мастера, да и сделает в праздник. И вот этот мальчик так наделал инструменты: сталь покупал, а дерева мастер даст какой-нибудь кусочек, он и сделает. Он так три года собирал копейки и покупал железки.

А теперь хозяин забрал и говорит: «не отдам тебе, со мной трудно бороться». Мальчик этот нашел местечко на пол-куска хлеба, и то со своим инструментом. Ходил в контору 5 раз, но над ним смеются и не дают инструмент, и на место не может поступить.

Рабочий.

(«Звезда», 18 марта 1912 г., № 19 (55), стр. 4, столб. 1—2).

АРЕСТ 12-ЛЕТНЕГО ЧИТАТЕЛЯ «ПРАВДЫ» В ЮЗОВКЕ

На Вознесенском руднике арестован был 12-летний мальчик, при котором найдено было несколько №№ «Путь Правды». Арестован был и его брат 17 лет, которого обвиняют в «социализме». Арестованные освобождены. Во время допроса пристав криками и угрозами требовал раскаяния, сознания у 12-летнего мальчика, где он познакомился с «социалистами». Мальчик отказался отвечать на «подобные вопросы».

(«Путь Правды», Воскресенье 16 марта 1914 г., № 38 «Шахтерский Листок», стр. 3).

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ В БОРЬБЕ ЗА КУЛЬТУРУ

(От депутации учеников Смоленского Народного Дома)

Тов. смоленцы! День закладки Нар. Дома, 8 сентября для Смол. вечерних классов имеет большое значение. Для нас, рабочих, закладывали здание просветительного учреждения, но нам же зажимали рот, чтобы мы не могли сказать того, что хотели. Но все это еще ничего, это обыкновенная русская действительность. Прискорбно особенно то, что один из наших же товарищей (имени его не знаем) от имени всех участников Смол. веч. классов произнес речь, в которой на закладываемый Народный Дом указал, как на собственность учеников, созданную их усилиями и энергией. Между тем, священник перед его речью прочитал имена благотворителей г.г. Варгунина и Торптона, создающих этот дом. Понятно, что речь нашего товарища хотя и была произнесена горячо, но не произвела никакого впечатления. Депутация от обществ и просветительных учреждений рабочих должны были уйти с этого празднества, потому что им полиция не позволила

говорить. Мы хорошо сознаем, какое впечатление имеют Смол. классы для всего Невского района.

Но зачем же так неверно обрисовывать дело? Мы от всей души желаем вам, товарищи-смоленцы, чтобы этот Народный Дом был полным вашим достоянием. Но совестно говорить об этом теперь, когда за такие маленькие подачки у нас гибнут тысячи молодых жизней, которые могли бы гораздо больше пользы принести, чем Нар. Дом. Мы приводим здесь нами произнесенную речь:

«От учеников Н. Д. приветствуем закладку Нар. Дома для Смол. веч. классов. День закладки этого Народного Дома должен быть праздником для рабочих. В момент, когда особенно остро чувствуется недостаток в просвещении, когда за дверьми различных школ остаются тысячи и десятки тысяч молодых людей—беднейших классов, жаждущих познания,—это поистине редкий для нашего времени праздник. Заслуга этого, мало заметного для других, события не пройдет бесследно в истории русских рабочих. На ее страницах беспристрастный потомок отведет ему надлежащее место.

Но мы, переживающие эпоху пробуждения русской мысли, не должны обходить молчанием того факта, что будущие посетители ныне закладываемого рабочего дворца есть только гости, которых ласковый хозяин пригласил к себе угостить крохами от своей трапезы. Эти гости, никогда не выдавшие ласки, будут поступаться своими прямыми интересами из благодарности к хозяину и, возможно, что некоторые из них позабудут о своих голодающих товарищах, брошенных на дороге.

Но мы желали бы такого рабочего дворца, хозяевами которого были бы сами рабочие. Мы, конечно, признаем, что этот нар. дворец не будет давать специальных познаний и прав, как и др. подобные ему учреждения, но он может дать много при желании его будущих посетителей. Он будет служить хоть каким-нибудь убежищем для рабочей молодежи от вредного и развращающего влияния петербургских трактиров.

Нам бумажные права не нужны. Тот, кто хорошо сознал свою роль в современном обществе, не станет добиваться какого бы то ни было диплома, чтобы выйти, как говорят, «в люди». Знания, которые он приобретает всяческими мерами, он понесет в широкую народную массу, откуда он вышел сам, где так мало света, но так много теней. Это наши прямые задачи.

Мы приветствуем постройку Народного Дворца и желаем, чтобы этот пример послужил толчком рабочим к созданию своих собственных рабочих дворцов, где бы они чувствовали себя хозяевами, а не гостями, где бы широкий свет познания осветил их темную трудовую жизнь».

Депутат от учеников Народного Дома.

ушибы околоточному надзирателю Мошновцеву. На центральной электрической станции, питающей городские трамваи, большинство рабочих прекратили занятия.

Сопоставляя означенные сведения, должно прийти к заключению, что завтрашний день будет отмечен, с одной стороны, продолжением хулиганских выходок более разнузданной части рабочей молодежи и, с другой стороны, несомненными попытками более умеренных рабочих возобновить свои занятия в местных фабрично-заводских предприятиях.

Полковник Попов

10 июля

(Из записки № 14405, от 10 июля)

Окол 10 часов утра забастовали рабочие электро-механического завода Гейслер и К^о (Грязная ул., д. № 12) в числе 870 человек и хромофотографии Веферс—в числе 495 человек (Грязная ул., 8) и спокойно разошлись по домам. Часть из этих рабочих, в большинстве подростки, дойдя до Татарского пер., начали петь революционные песни, но встретили 2-х городских, которые потребовали немедленного прекращения пения. В виду неисполнения их требования, городские обнажили шашки, и рассеяли толпу, при чем брошенным из толпы камнем нанесен удар в руку городскому Иванову. Никто задержан не был.

13 июля

(Из записки № 14641, от 13 июля)

При обследовании деятельности активных представителей революционного подполья, через секретную агентуру вверенного мне отделения было дознано, что намерение Петербургского Комитета ленинцев прекратить забастовку и приступить к повседневным занятиям встретило отрицательное к себе отношение и протесты со стороны особо революционно-настроенной рабочей молодежи, не желавшей в данном случае считаться с неблагоприятными условиями для продолжения стихийно-создавшейся стачки и упорно стремившейся видеть в текущих волнениях лишь своего рода прелюдию к последующим успехам вооруженного восстания.

Направленной к освещению сего секретной агентурой было выяснено, что центром деятельности представителей вышеуказанного оппозиционного откола партийных работников является легально функционирующее в гор. С.-Петербурге культурно-просветительное общество «Наука и Жизнь» и что 9-го сего июля в помещении названного общества происходило законспирированное совещание 7 главарей означенного откола, после ряда дебатов, приведших к следующему заключению: «Текущие уличные бес-

порядки определенно показали, что пролетариат перешел к активнo-стихийной борьбе и не намерен в дальнейшем подчиняться чьим бы то ни было директивам; необходимо помочь пролетариату окончательно сорганизоваться и теперь же, незамедлительно, сделать призыв перейти к вооруженному восстанию, для чего поспешить с печатанием соответствующего содержания летучек и воззваний».

Как характеристика резкого и озлобленного настроения участников означенного сходбища, сплошь являвшихся зеленой и малоразвитой молодежью, секретной агентурой, между прочим, отмечено, что на собрании этом подвергнуты были обсуждению вопросы о желательности присоединения к дальнейшему движению железнодорожных и почтовых служащих, разрушении железнодорожных мостов, захвате арсенала, убийствах городских и т. п.

К вечеру 10 сего июля и утром 11 июля появились и начали распространяться в рабочих кругах печатные прокламации Петербургского Комитета, в определенной и не оставлявшей сомнений форме, призывавшие к ликвидации забастовки.

В тот же день, 11-го июля, руководителями оппозиционно настроенных партийных работников было устроено новое экстренное совещание в помещении общества «Наука и Жизнь», на коем постановлено бороться с призывом Петербургского Комитета, устроить на следующий день собрание делегатов от отдельных фабрично-заводских предприятий и предложить последним не подчиняться требованиям названного комитета, продолжать забастовку и направлять все свои действия к созданию обстановки фактического вооруженного восстания. Для более успешного проведения задуманных начинаний руководители эти составили и к вечеру 12-го сего июля успели отпечатать безграмотно составленное воззвание с призывом к продолжению беспорядков в словах: «ждать и терпеть—эти слова—прочь. Наш клич—да здравствует беспощадная борьба с царским правительством и капиталистами». Экземпляр означенной прокламации при сем представляется.

На основании изложенного, в видах пресечения преступной деятельности отмечавшихся секретной агентурой лиц и предупреждения дальнейших, крайне нежелательных, осложнений в настроении уже успокоившейся рабочей массы, мною решено было не допустить обсуждения намечавшихся революционно-настроенными личностями вопросов и задержать всех участников предстоящего сходбища в момент осуществления неразрешенной сходки.

Направленным с означенной целью 12-го сего июля, в 10½ часов вечера, полицейским нарядом в помещении культурно-просветительного общества «Наука и Жизнь», было действительно, обнаружено неразрешенное сходбище 123 рабочих и работниц, заявивших руководившему обыском полицейскому офицеру, что они собрались в помещение общества для устройства вечеринки с танцами.

По окончании производства обыска, все участники неразрешенного сходбища были мною распределены на две категории: а) лица, ранее отмеченные своей политической неблагонадежностью и принадлежностью к местным революционным организациям, как несомненные, по данным секретной агентуры, организаторы и руководители настоящего сходбища, заключены в числе 29 человек под стражу, подвергнуты обыскам по месту своего жительства и в настоящее время привлечены при вверенном мне отделении к охранным перепискам на предмет исследования степени их политической неблагонадежности. В отношении их будут приняты соответствующие меры воздействия, в зависимости от результатов расследования и б) остальные 94 участника сходбища, кои до сего времени ни в чем предосудительном замечены не были и, по данным агентурных источников, были приглашены на собрание лишь как объект воздействия организаторов такового по предъявлении членских или иных билетов на право входа в помещение общества, из-под стражи освобождены и будут привлечены к ответственности лишь за участие в неразрешенном собрании.

Шифрованная телеграмма № 005148

В ночь на 13-е июля (в) просветительном обществе «Наука и Жизнь» группой партийной молодежи, упорно намеревавшейся продолжать беспорядки, было назначено совещание с представителями от рабочих. Это неразрешенное собрание в числе 123 человек, по моему распоряжению, было захвачено, все переписаны, а двадцать девять из них, известные своей активной революционной работой, арестованы. О закрытии общества сделано представление. 13 (июля в) Петербурге прошло совершенно спокойно. На Невском была произведена патриотическая манифестация, (с) пением гимна, выражениями сочувствия сербам. Бадаев возвратился (в) Петербург, наблюдается вместе (с) приехавшим Петровским, (в) рабочие кварталы не ходит. Глубоко благодарны и счастливы вниманием вашего превосходительства. Свидетельствуют о ревностной работе чинов отделения. 451.

Верно: Л. Сенько-Поповский.

(«Пролетарск. Револ.» № 7 (30), стр. 183—213, № 8—9 (31—32) 1924, стр. 308. Июльские волнения 1914 г. в Петербурге).

ДЕТСКИЙ ТРУД В ПЕРИОД ВОЙНЫ

В последнее время, благодаря отмене некоторых законов и нужде в работниках, в широкой степени стал применяться детский и женский труд. Но предпринимателям мало того, что разрешено применять труд детей, не достигших 15-летнего возраста. Эти дети, наряду со взрослыми, впрягаются в сверхурочные и ночные работы, несмотря на явное запрещение. Эти дети, место которым

в школе или на воздухе, работают и в воскресенье и праздничные дни, не зная отдыха, да притом в таких условиях, которые подкашивают здоровье и взрослых рабочих, «привыкших» к российским условиям труда. И это делается не где-либо в медвежьих углах нашей обширной страны, а в больших городах, где налицо имеются и фабричная инспекция и страховое присутствие и старшие фабричные инспектора. Можно себе представить, до чего доходит произвол предпринимателей в медвежьих углах.

Пишущему эти строки пришлось наблюдать целый ряд предприятий (мелких и средних) в одном из крупных городов, где имеются в наличии вышеупомянутые учреждения. Большинство предприятий работает на военно-промышленные комитеты. Трудно воспроизвести, чтобы читатель получил хотя бы бледное представление о тех условиях, при которых работают рабочие и наряду с ними 12—13-тилетние дети. Представьте себе старый, полуразрушенный сарай, без каких-либо признаков оконных рам. Стены открыты инеем. Откуда-то, сквозь щели, в ветхой крыше, протранной местами, прокрадываются бледные полоски дневного света. Весь сарай заставлен станками и кузнечными горнами и битком набит рабочими, копошащимися у станков. Из-за сплошной дымовой завесы и отсутствия освещения, рабочих почти не видать и последние кажутся какими-то привидениями.

Идя по заводу, каждую секунду рискуешь или попасть под ремень или же споткнуться о груды железа и разможжить себе лоб. Отопление совершенно отсутствует (не считая кузнечных горнов, которые не отапливают помещение, а заволакивают его густым едким дымом и копотью). В таких условиях приходится работать минимум 10 часов (если не считать сверхурочных работ). Приведенный пример не только не является единичным, а, наоборот, носит массовый характер.

(«Наш Голос». 7 января 1916 года, № 7 (21). Охрана труда рабочих, стр. 3).

ДЕТСКИЙ ТРУД В ТИПОГРАФИЯХ В ПЕРИОД ВОЙНЫ

(К и е в)

Правление общей больничной кассы «Типографской» разработало интересные данные о возрастном составе участников кассы. Данные эти свидетельствуют о значительном увеличении применения труда малолетних и подростков в 11 предприятиях, объединившихся в кассе. На 1-е января 1915 г. в кассе было 527 участников, на 1-е января 1916 г. только 419 (на 108 или 25% менее), сокращение числа рабочих произошло, главным образом, за счет возраста от 18 до 30 лет, в 1915 году участников кассы в этом возрасте было 232 (44% общего числа), в 1916 году — 126 (30%). Зато возросло относительное количество малолетних до 14 лет (с 9,4% до 10,7%) и подростков от 15 до 17 лет (с 31,8% до 37,2%). Любопытно от-

метить, что в такой же пропорции возросло и количество участников в возрасте от 30 до 45 лет (с 12,1% до 17,7%) и в возрасте свыше 45 лет (с 2,7% до 3,5%).

(„Наш Голос“. 2 марта. 1916 г., № 9 (23). По России стр. 4).

ЗАБАСТОВКА ПОДРОСТКОВ В ТИПОГРАФИИ ПЕТРОВА И ПОДДЕРЖКА ЕЕ ВЗРОСЛЫМИ РАБОЧИМИ

На почве дороговизны жизни в типографии Петрова, возник конфликт. 6-го октября подростки подали петицию о прибавке жалования всем без различия по 5 рублей и о переводе поденных подростков на жалование.

Ответ был обещан 7 числа, т.-е. на следующий день. Обещание сдержано. Ответ был, действительно, дан, но он подростков не удовлетворил, так как на месячную плату в начале переговоров хозяин перевести не хотел, но, видя упорство и солидарность подростков, принужден был согласиться. Прибавку же предложил не поровну, а таким образом: получающим от 16 до 24 р. — 4 р. 50 к., от 24—27 р. — 4 р., от 27—30 р. — 5 руб. Подростки на это не согласились и решили поддерживать свое требование — поровну по 5 руб. на каждого, в противном случае, — не работать.

С утра 8-го числа к ним присоединились и взрослые рабочие.

В этот же день, т.-е. 8-го числа, рабочие были приглашены фабричным инспектором к себе, где и имели с ним беседу, в которой он указал, что это незаконно и что прежде надо было отработать 2 недели, причем, припутнув последствиями, посоветовал им встать на работу и предложил свое посредничество при переговорах.

Рабочие с 3-х часов на работу встали. В 4 часа приехал инспектор и в качестве посредника начал переговоры.

Мирное течение конфликта 9 октября у нас было нарушено арестом одного товарища. Приехавший фабричный инспектор, называя нас «ребятишками», предлагал встать на работу. Когда же это не помогло, то через 3 дня было вывешено объявление о расчете, если кто не станет 12 октября на работу; причем было добавлено, что причитающиеся рабочим деньги будут направлены в депозит окружного суда, где они и будут рабочим выданы.

Рабочим пришлось несколько раз сходить в окружный суд для получения денег, но безрезультатно. 16 октября рабочие пришли в контору узнать, как им получить заработанные ими деньги.

Воспользовавшись этим, управляющий Пьянов завел речь о конфликте и необходимости его уладить. В результате переговоры привели к тому, что Петров идет на следующие уступки: 1) включение всей пасхальной недели в табель, 2) перевод поденных в месячные и улучшение гигиенических условий, 3) прибавка мальчикам по 3 руб., подросткам — 5 руб. и 10%, получающим с 30 р. и выше. Но за дни конфликта отказывается платить. На это ра-

бочие ответили так, что они согласны получить за дни забастовки в половинном размере и окончательный ответ дадут в 4 часа вечера. Придя вечером, рабочие узнали, что Петров просил пригласить фабричного инспектора, который все и устроит.

Явившиеся минут через 10, после прихода рабочих, фабричные инспектора Пермьянинов и Фейгин, увидя всех подростков, назвали конфликт «детской забастовкой» и заявили, что кто завтра не придет работать из состоящих на учете ратников II разряда, будет отправлен к воинскому начальнику, а типография закрыта. Но этим дело не кончилось.

Узнав, что Пьянов не уполномочен говорить, Фейгин заговорил о совещании хозяев для общего решения относительно прибавки, на что рабочие заявили, что они с Петровым еще утром сговорились. Г. Фейгин же сообщил, что он созвал собрание хозяев для обсуждения вопроса об общем повышении заработной платы, и хозяева решили всем рабочим прибавить 10%.

(«Наш Голос», № 6, 11 октября 1915 г., № 7, 20 октября 1915 г. Среди самарских печатников)

ДВИЖЕНИЕ МАЛЫШЕЙ НА ТЕЛЕФОННОЙ ФАБРИКЕ «ЭРИКСОН»

(Петроград)

На телефонной фабрике «Эриксон» вся конторская и «столовая» прислуга, в виду вздорожания жизни, обратилась 13-го января, с. г. к заводской администрации с просьбой о выдаче и ей, как другим, «военной» прибавки на время поднявшейся дороговизны. Администрация отказала.

Тогда обойденные решили на работу 14-го января не выходить, но на работу не явились только мальчики в количестве 20 человек и в возрасте чуть-ли не от 10-ти лет.

Администрация сильно переполошилась тем обстоятельством, что даже эта, самая забитая и загнанная штрафами и выговорами при мизерном вознаграждении за свой черный труд, часть служебного персонала осмелилась напомнить о своем жалком положении. По этому случаю состоялся административный совет, на котором выяснилось, что «военная» прибавка этой части персонала служащих ляжет на завод в размере немного более 5-ти тыс. рублей в день и для завода будет до некоторой степени обременительна (это при колоссальных от военных заказов барышах), и решено было с невышедшими на работу начать самую энергичную борьбу (это с малышами-то) и применить к ним крайние меры наказания.

Один из совещавшихся внес даже, будто, предложение «всех зачинщиков» сдать в солдаты. Но, когда кто-то на это ему заметил, что все невышедшие на работу являются малышами, — стыдливо потупил свой взор долу. Большинство-же совещающихся высказалось за то, чтобы всех «зачинщиков» немедленно уволить. В результате рассчитанными оказались семь малышей.

И, характерно, все семь прослужили здесь от двух лет и более, и в течение этого времени никакому ремеслу заводом не обучены, кроме одного лишь лакейства. Таким образом, эта фабрика является не ремесленной школой для таких подростков, а школой одного лишь лакейства. (На это характерное обстоятельство следовало бы высшей фабричной инспекции обратить свое должное внимание).

Остальная же часть малышей, напуганных окриками администрации, с заплаканными глазами, встала на работу после обеда без «военной» прибавки.

Свой очевидец.

(«Наш Голос» 31 января 1916 г., № 5. (19). По России стр. 3)

РАБОЧИЕ МАЛЬЧИКИ В КРЕМЕНЧУГЕ

Второй конфликт произошел с рабочими мальчиками. Управляющий, человек грубый, обижал мальчиков, они получали от него неопределенное жалованье, а за сверхурочную работу им почти не платили. Когда один рабочий стал протестовать против сверхурочных работ, он его рассчитал, а также тех, кто выразил недовольство этим расчетам. Затем были уволены двое рабочих, не согласившихся занять места рассчитанных.

Тогда остальные мальчики, придя на работу, отказались работать, пока рассчитанные не будут приняты. Не получив ответа, они ушли домой. Однако, из всех рассчитанных, был принят только один. Тогда работники выбрали делегацию к хозяевам и потребовали обратно приема рассчитанных, увеличения платы и приглашения другого доктора. Хозяин согласился с двумя последними требованиями, но в обратном приеме рабочих отказал. И все-таки все принялись за работу.

(«Голос Труда». 17 июля, 1916 г., № 3, стр. 4).

НАША МОЛОДЕЖЬ

(Мысли рабочего об одном остром вопросе). 1)

Чем можно охарактеризовать текущий исторический момент? На этот вопрос правильный ответ дает группа объединенных кадушских марксистов в своей резолюции, посланной в обе рабочие газеты. «Прежде всего,—пишут они,—все поднимающимся и растущим вириь и вглубь рабочим движением, с одной стороны, и бешеной реакцией, с другой,—в возрастающей борьбе ярко выражаются определенные историей источники нужной для борьбы

1) Помещаем данную статью полуменьшевистского журнала «Борьба», написанную меньшевистским автором, как обобщающую и ярко характеризующую интересы рабочей молодежи эпохи подъема 1912—1914 года. Следует все же иметь в виду ряд «прегрешений» автора в смысле основного «направления» статьи. Курсив статьи всюду наш (Примеч. сост.).

энергии. У пролетариата—только энтузиазм и вера в свою великую миссию, у имущих—вся совершенная культура. В руках имущих и государственная власть, и масса политических прав и привилегий, и огромные материальные богатства, а самое главное—в их руках находится народное просвещение, в их руках все, что необходимо для политической и элементарной грамотности масс.

Немудрено, что подавляющее большинство русского народа сдавлено тисками невежества и представляет из себя, если не активный, то пассивный оплот для всех враждебных народному движению сил. Несмотря на то, что капиталистический строй еще не захватил всей России, что пролетариат не может быть уверен в поддержке большинства мелкой буржуазии (крестьянства), передовые слои рабочего класса непрерывно двигаются вперед и уверенно дают серьезный отпор бушующей реакции.

Кто же заражает пролетарские массы энтузиазмом, и непрестанно толкает их на борьбу? На этот вопрос необходимо, прежде всего, ответить: молодежь, свежее пролетарское поколение, постоянное обновление класса в процессе труда и борьбы. Новое поколение рабочих выделило из себя целый ряд молодых работников, принимающих деятельное участие в работах культурно-просветительных, профессиональных и др. рабочих организаций. Во всех последних выступлениях рабочего класса, вся зажигательная работа производится пылкой молодежью—новым ключом жизни, ударившим снизу уже после великих годов. Молодежь, при всяком удобном случае, разжигает костер движения, и ее неисчерпаемая энергия, агитационные способности ярко высказались в ответах пролетариата на последние события.

Наша молодежь представляет из себя неразгаданное море. Волны хлещут, но, как направить бунтующую стихию, никто не знает;—отсюда и бессилие некоторых групп марксистской интеллигенции, стремящихся к широкой организации пролетариата, но мало обращающих внимания на настроение и влияние молодежи. Наша художественная литература еще не дала нам ясного образа современного юноши-рабочего.

Он только вырисовывается перед нами, когда просматриваем массу корреспонденций и стихотворений бесчисленного количества авторов, принятых и непринятых в редакциях рабочих органов. Я подхожу тут к такой интересной области пролетарского творчества, от которой трудно оторваться. Здесь такое множество разнообразных мотивов, здесь излито так много настроений, что если обо всем поведать, то придется не один раз говорить по этому поводу специально»...

Сколько идеальных стремлений, сколько веры и энтузиазма! Чуть ли не в каждой строке сквозит живая энергия нарождавшихся молодых борцов. Вот обоготворенный образ пролетария-поэта (стихи Ерошина в «П. Пр.» (Поморского). «Наши песни» II сборник). Вот признание красот природы (стихи Кириллова, Бердникова и др.); вот символизация природы в массе стихотворений об утрах, о ручьях, о волнах, о ночи и пр.); вот призывы к свету, т.е. культуре мировой, к единению. Тут и стремление к счастью, и обиды, и молодая любовь, и радость, и грусть—все! Все, что характерно для пролетария, как человека, принадлежащего к определенному классу, и как для реального живого человека вообще.

Каждый пролетарий, пробуждаясь, прежде всего сознает в себе человека. Он не может и не хочет отвергнуть мировых законов человеческого развития, он признает и все то, чего не вместить в рамки классового разделения. Вот приблизительный образ борца-пролетария, отраженный в песнях молодежи.

Вот эта-то молодежь и является горячим материалом для исторического костра, она живет и хочет жить, и рвется расколоть все, что стачивает ее. Она поклонница красоты, она посетительница выставок, спектаклей, концертов, балов, она влюбленная в экскурсию за город, и в тоже время участница в манифестациях, в диспутах, в стачках, в организационной работе, и везде, и везде.

Если теперь вспомнить ту бурю, которая пронеслась перед взорами нашей молодежи тогда, когда она была еще в полудетском возрасте, то нынешние настроения молодежи станут весьма понятными, исторически и психологически неизбежными. А если так, то есть ли возможность надеяться на то, что планомерно-медленная организационная работа передовых пролетариев старшего поколения сможет успешно ввести всю энергию молодежи в рамки существующих легальных организаций? Да ни капли!

Никакая нынешняя рабочая легальная организация не в состоянии удовлетворить все запросы молодой души пролетария. Да и вся сумма этих организаций бессильна сделать это. Вот почему молодежь принуждена свято охранять заветное подполье, и никогда его не отвергнет, пока не будет завоевана широкая свобода. Противники «подполья» должны иметь это в виду.

Присмотритесь к жизни в тот момент, когда стихийная стачка пробуждает и захватывает новые и новые молодые души, зажигает их огнем пролетарских идеалов, призывает к новым усилиям и вы поймете, что эта борьба для молодежи необходима, неизбежна и плодотворна. И здесь нечего бояться. Самая «стихийность» эта в своем росте сама складывается в такую организацию, перед которой должны будут рухнуть все принципиальные и тактические споры вождей. При самом начале стачки, если

кто пытается говорить о бесполезности всех неорганизованных стачек, то молодежь просто его не слушает и, если можно, то и устраивает обструкцию.

Она инстинктивно чувствует, что в современных условиях к широкой организованности можно подойти только путем ряда частичных «стихийных» выступлений. Вот почему она горячо откликается на все возгласы—«горит!» и презрительно смотрит на отвлеченные призывы к организованности, как на что-то пропитанное «трусостью либерализма». В этом нет ничего позорного для молодежи, потому что передовые—«старики», которые идут против мало оформленных выступлений, очень часто этим прикрывают совсем другие причины нежелания бастовать, и очень часто сами пальцем о палец не стукнут для организации.

Это молодежь прекрасно учитывает, и поэтому ее неодобрительное отношение к голым призывам организовываться в современных условиях становится еще более понятным. Молодежь отнюдь не отвергает организованности постольку, поскольку она возможна в современных легальных организациях. Постольку, поскольку организация живет и руководит, действует в ней и молодежь. В любом делегатском собрании сильное влияние ее весьма заметно. Она очень часто представляет из себя большинство. Поскольку передовая молодежь смогла в свои руки взять практическую работу, она ее взяла. Но что делать в профессиональном союзе, допустим, такому рядовому пролетарию, который стремится к своему развитию, но его работа выражается только в одной форме—уплате членских взносов, потому что почти все организации для своих рядовых членов более ничего не дают. Несколько лекций, поставленных каким-нибудь союзом и не везде издаваемые журналы, далеко не заполняют пустого места. Это молодежь не удовлетворяет,—вот почему, между прочим, она охотнее идет в члены клуба, чем в члены профессионального союза.

От этого не уменьшается ее пыл и ее общее влияние, а только выясняется, что в профессиональную организацию ввести всю молодежь не так-то легко. В короткий период времени общество—«Наука и Жизнь» довело число своих членов почти до 1.800 чел., и если бы не «репрессия», число бы с каждым днем колоссально росло. Молодой рабочий членом культурно-просветительного общества может стать легко, а членом профессионального союза ему сделаться труднее еще и потому, что к общей неудовлетворенности деятельностью проф. легальных организаций прибавляется тяжелое экономическое положение, затрудняющее возможность вносить членские взносы. Тяга молодежи к подполью отсюда становится вполне объяснимой. В «подполье» продлевается огромная воспитательная работа над молодыми пролетариями, приготавливающая их к дальнейшей общественной деятельности,—поэтому молодежь

и охраняет подполье почти инстинктивно, не касаясь глубин затрагиваемого вопроса.

Всегда, когда серьезно начинается разговор о единстве, необходимо строго учитывать настроения необходимых для объединения элементов. Вполне понятно, что молодежь организуется и сплачивается вокруг тех принципов, какие наиболее подходят к ее настроению, борьба за которые может использовать весь запас ее энергии.

Молодежь инстинктивно чувствует свое классовое положение, она инстинктивно становится под знамя марксизма, но она не особенно глубоко интересуется причинами полемической канонады рабочих газет и из двух действующих марксистских направлений выбирает то, которое более гармонирует с ее настроением, и сплачивается вокруг выкинутых им лозунгов.

Искренним сторонником объединения надо признать, что только тогда можно завоевать симпатии молодежи и повести ее за собою, когда она вся целиком, будет захвачена возможностью работать и развиваться. Объединение совершается и будет совершаться в процессе работы, но я уже указывал на необходимость более серьезно отнестись к воспитательной работе в движении «подполья» — так только и может быть достигнуто объединение.

Некоторые передовые товарищи говорят, что молодежь идет на громкие слова, на революционные выкрики, что ее пыл велик, но при отсутствии опыта и знаний, он бессилен. Да, молодежь идет за большевиками, — это факт, и объясняется он тем, что большевизм поощряет ее в ее работах, выводит ее на серьезные посты, а меньшевики напрасно пытаются ее «переродить» словами.

Я согласен с тем, что молодежь неопытна, что ее пыл бессилен, может быть, — мало ли кому как кажется, — но это значит, что не нужно ополчаться на молодежь, а непрерывно работать среди нее, организовать кружки для изучения истории рабочего движения, политической экономии и др. необходимых для всякого работника-пролетария наук, надо создавать летучие библиотечки, которые бы внесли свет туда, где еще не воцарилось пролетарское печатное слово, надо увеличивать интенсивность культурно-просветительной работы организаций, а главное — надо не отгораживаться от «стихийного» движения, не критиковать его со стороны, а участвовать в нем, как в своем движении.

Чем меньшевики оттолкнули себя от молодежи? Да именно тем, что позволили себе ряд необдуманных промахов в качестве критиков «со стороны», и этим самым толкнули молодежь в объятия правдистов, и из под своих ног выбили всякую почву хотя бы и для «федеративного» объединения. Один из самых крупных, поистине гибельных промахов — это крики о «стачечном азарте». Я думаю, что в этом случае т.т. меньшевиков действительно заела бумажная теория, потому что надо же признать,

что два года непрерывно идущие стачки,—явление не напускное, не случайное, не большевиками выдуманное, а имеющее под собой вполне определенную историческую и экономическую почву.

Два года этот стачечный «азарт» (и слово-то какое неуместное!) является выразителем настроений молодежи, и всякому ясно, что эти два года движение колоссально растет вширь.

Растет ли оно и вглубь? Может быть и недостаточно, но я думаю, что оно все же растет и вглубь, поскольку идет в среде молодежи организационно-просветительная работа, поскольку поощряется самостоятельность рабочих во всех областях творчества. Но уж во всяком случае рост рабочего движения вглубь не пойдет успешнее от голых криков против «стаечного азарта».

Частичные неорганизованные наступления не остановили рабочего движения, а усилили его тем, что вовлекли в него наиболее отсталые слои пролетариев. Весть о той или иной забастовке—самое сильное агитационное средство. Не будь стачечного азарта—и рабочая печать не имела бы такого грандиозного успеха, какой мы видим теперь. Никто не спорит с тем, что в волнуемое море пролетарской молодежи необходимо внести серьезную организованность, но необходимо рамки самой организационной работы расширить во всех направлениях настолько, чтобы она была полна живого интереса, чтобы она всесторонне захватывала нарождающегося рабочего интеллигента, давала бы ему ответ на все его вопросы и потребности, и все бы время беспрестанно помогала ему всесторонне развиваться в духе социалистической борьбы.

Всякая рабочая организация должна чутко следить за настроениями молодежи и отмечать их. Нужно, чтобы старые опытные работники сделали еще целый ряд усилий для воспитания молодежи, сами прониклись бы ее юностью и ее верою. Если наша старая испытанная боевая гвардия пойдет навстречу новым полкам не с презрительным отзывом: «зелень», а постарается использовать огромную энергию народившихся сил, этим она сделает огромное практическое дело. В этом залог сближения, а может быть и полного единства.

В. Торский

(Рабочий журнал «Борьба», 22 февраля 1914 г., 40—44).

СОДЕРЖАНИЕ

От Истмола ЦК РЛКСМ	3
Предисловие	5
Положение труда в отдельных отраслях промышленности и торговли	9
Партия и рабочий класс в защиту рабочей молодежи	41
Движение рабочей молодежи	54